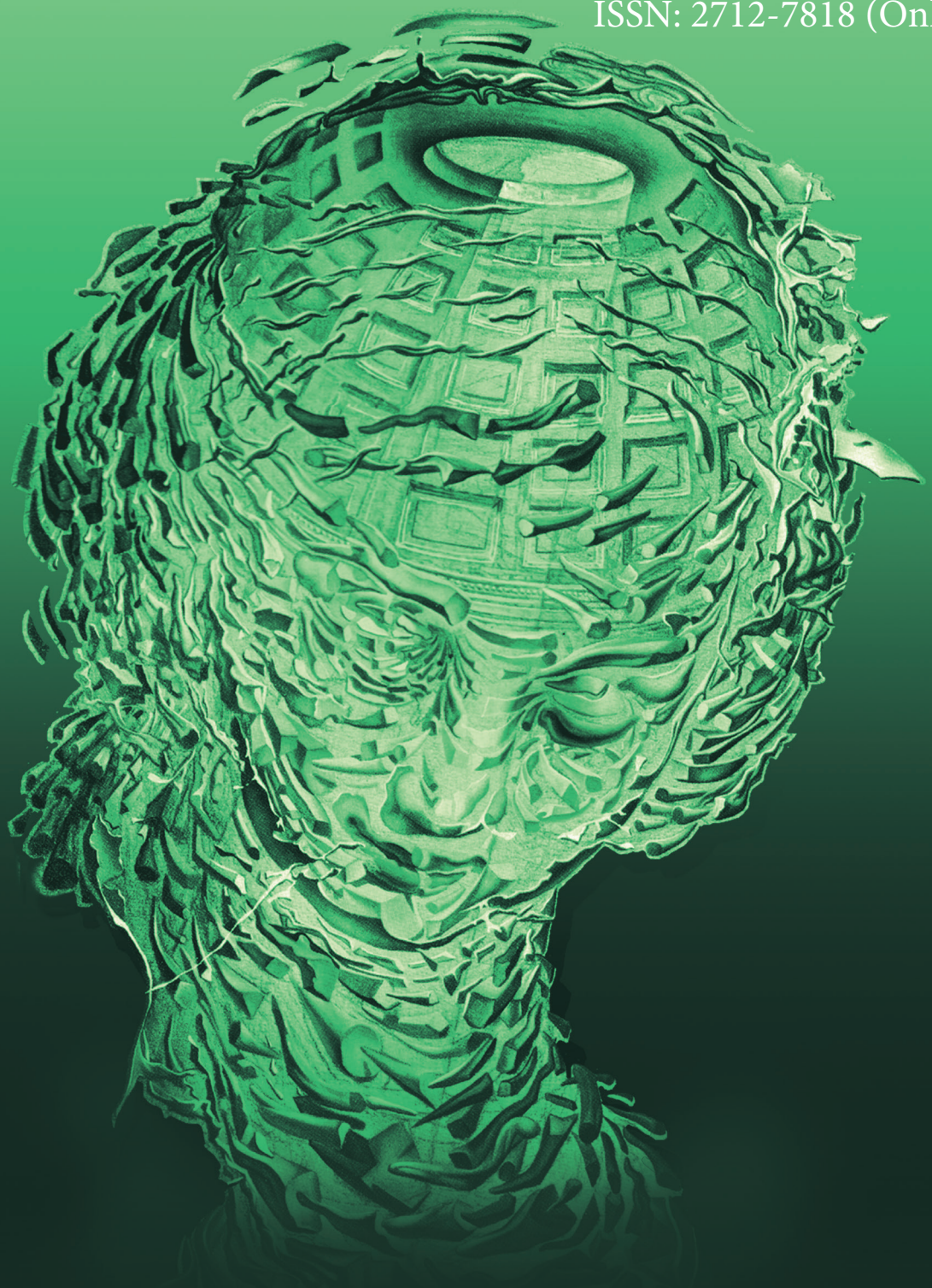
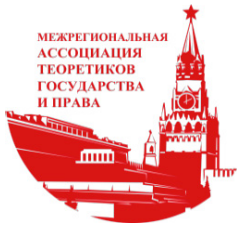
Юридическая мысль

№ 3, 2024

ISSN: 2071-4920 (Print)
ISSN: 2712-7818 (Online)





Юридическая мысль

2024 3 (135)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. по 2019 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург);
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревнова, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор;

А.А. Матюхин, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартьянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Сойли Нюстен-Хаарала, профессор коммерческого права, Университет Лапландии, юридический факультет (Финляндская Республика), доктор юридических наук, профессор, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА
в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2024»
Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2024 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ruarpk@bk.ruizdatcat@eg-online.ru
в **Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»**
Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2024 г.)
Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-46-25
Адрес в Интернете: http://lawinst-spb.ru; http://matgip.ru
E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founderand Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Pe-tersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and admin-is-trative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;

A.A. Matyukhin, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Pe-tersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doc-tor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3.
Юридический институт (Санкт-Петербург)
Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru
119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12
МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание,
фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.03.2024. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 16,79. Усл. п.л. 28,85. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Отпечатано в типографии “OneBook.ru” ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 3 (135), 2024
На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Индексация журнала

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научно-теоретической конференции
«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство
в условиях информатизации и цифровизации российского общества
в интересах устойчивого развития»

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
(Санкт-Петербург, 14–15 июня 2024 года)

THE MAGAZINE PUBLISHES

MATERIALS
XI International Scientific and Theoretical Conference
“Man-nature, individual-society, citizen-state
in the conditions of informatization and digitalization of Russian society
in the interests of sustainable development"

DENISOV READINGS
(Saint Petersburg, June 14–15, 2024)

Информационные партнеры

Компания «Консультант-Плюс»

Журнал «Миграционное право»

Компания «Гарант»

Журнал «Теория государства и права»

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Современное российское право»

Журнал «Юридическая мысль»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

Юридическая мысль

2024 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 3 (135)
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Варелджан А.А.
Историческая эволюция источников права 12

Газимагомедов З.М.
Блокчейн-технологии как инструмент противодействия теневой экономике 24

Омаров М.К.
Исторический генезис правового регулирования противодействия коррупции в российском государстве 32

Хидирян И.Г. Противодействие коррупции: новации правовой регламентации 41

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Атмажитова М.А.
Влияние нецелевого расходования бюджетных средств на социально-экономические отношения..... 49

Григорьева А.Ю.
Ответственность при принятии управленческих решений в сфере финансов с использованием цифровых технологий 59

Лосев Д.И.
Цифровые валюты и их влияние на финансовую систему государства 67

Харчиев Г.Ш.
Современные угрозы и финансовая безопасность Российской Федерации в условиях распространения информационных технологий 80

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ивлиев П.В.
Цифровая трансформация: правовые проблемы и пути решений..... 89

Лугуев А.Р.
Особенности правовой охраны предпринимательской деятельности
в современных условиях 99

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абдулаев С.С.
Особенности развития международного сотрудничества в области
противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных
преступным путем при использовании цифровых финансовых активов 109

Агабабян Г.Г.
Правовые средства противодействия миграционным преступлениям
в Российской Федерации 119

Бекетова М.Д.
Использование цифровых технологий при расследовании
преступлений в экономической сфере 129

Василихина Ю.В.
Развитие информационных технологий как драйвер правовых
преобразований уголовного законодательства 138

Джоган В.Г.
Защита и обеспечение имущественных прав потерпевших
по уголовному делу 150

Каменева А.Н., Ступин Д.Д.
Уголовно-правовая природа
процедуры обмена заключенными 157

Канукова Ф.С.
Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве:
теоретико-правовые пробелы 167

Османов И.Н.
Анализ личности преступника, осуществляющего
финансирование терроризма 175

Пейзак А.В.
Классическая типология профилактики преступлений
в зарубежных странах 184

Пейзак Р.И.
Типология преступлений против собственности,
совершаемых при помощи обмана в зарубежных странах 192

Пейзак А.В., Пейзак Р.И.
Малозначительность в уголовных делах о преступлениях
в сфере компьютерной информации 205

Плакида К.С.
Общая характеристика финансово-кредитных преступлений 217

Салванин Р.З.
Актуальные проблемы правового механизма противодействия
современному промышленному шпионажу 227

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Vareljan A. A.
Historical Evolution of Legal Sources 18

Gazimagomedov Z.M.
Blockchain technologies as a tool for counteracting the shadow economy 28

Omarov M.K.
Historical genesis of legal regulation of combating corruption
in the Russian state 36

Khidiryan I.G. Combating corruption: innovations in legal regulation 45

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Atmazhitova M.A.
The Impact of Misappropriation of Budget Funds
on Socio-Economic Relations..... 54

Grigorieva A.Yu.
Responsibility in making management decisions in the field
of finance using digital technologies 63

Losev D.I.
Digital currencies and their impact
on the financial system of the state 73

Kharchiev G.Sh.
Modern threats and financial security of the Russian Federation
in the context of the spread of information technologies 84

5.1.3. – PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Ivliev P.V.
Digital transformation:
legal problems and solutions 94

Luguev A.R.
Features of legal protection of entrepreneurial activity
in modern conditions 104

5.1.4. – CRIMINAL LAW SCIENCES

Abdullayev S.S.
Features of the development of international cooperation in the field
of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime
using digital financial assets 114

Agababyan G.G.
Legal means of combating migration crimes in the Russian Federation 124

Beketova M.D.
Use of digital technologies in the investigation of crimes
in the economic sphere 133

Vasilikhina Yu.V.
Development of information technologies as a driver
of legal transformations of criminal legislation 144

Dzhogan V.G.
Protection and Ensuring of Property Rights of Victims in a Criminal Case 153

Kameneva A.N., Stupin D.D.
Criminal-legal nature of the procedure for exchanging prisoners 162

Kanukova F.S.
Electronic evidence in criminal proceedings: theoretical and legal gaps 171

Osmanov I.N.
Analysis of the personality of a criminal financing terrorism..... 179

Peysak A.V.
Classical typology of crime prevention in foreign countries 188

Peyzak R.I.
Typology of crimes against property committed by means
of deception in foreign countries 199

Peyzak A.V., Peyzak R.I.
Insignificance in criminal cases on crimes in the sphere
of computer Information 211

Plakida K.S.
General characteristics of financial and credit crimes 222

Salvanin R.Z.
Actual problems of the legal mechanism for counteracting modern
industrial espionage: theory and practice 231

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.12

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

А.А. Варелджан*

Аннотация. В данной статье проводится исторический анализ эволюции источников права. Право – как сложное социальное явление, помимо своей внутренней структуры, имеет определенные формы внешнего выражения. Под внешней формой права понимаются юридические источники, формально закрепляющие правовые предписания, адресованные участникам правоотношений. Однако помимо формальных (юридических) источников право имеет и другие истоки его формирования, то есть систему факторов, характеризующих его содержание и формы выражения.

Вопросы становления и развития источников российского права часто оказывались в центре полемических обсуждений и не раз становились предметом, как теоретического, так и историко-правового анализа дореволюционных, советских и современных отечественных исследователей. Сегодня они приобретают особую значимость, поскольку источники права являются важным элементом правовой системы.

Ключевые слова: право, источник права, форма права, правовая система, истоки формирования.

Источник – это основные начала, исходные положения чего-либо, обычно различают источники права в широком и узком смысле слова. Существующие различные расхождения в трактовке понятия «источник права» объясняются различными подходами к правопониманию (социальной природы и сущности права). Если в основе правопонимания лежит нормативистский подход, то обычно под источниками права понимают волю законодателя, то есть правотворческую деятельность государства. При естественно-правовом подходе источниками права считают принципы свободы, равенства и справедливости, которым должно следовать положительное (законодательное) право.

Термин «источник права» может иметь несколько значений. В смысле технического термина под источником права понимаются способы выра-

* **Варелджан Артем Артурович** – магистр менеджмента, советник по развитию ВЭД АО «Альфа-Банк» (Москва). E-mail: artyom.v@mail.ru

жения юридических норм, действующих в каждом обществе. Это нормотворческая деятельность государства и уполномоченных им организаций, а в отдельных случаях – всего народа (референдум), результатом которой является создание правовых норм. В нормативных юридических актах выражается воля законодателя, и содержащиеся в них правовые предписания носят общеобязательный характер. С другой стороны, под источниками права могут быть поняты и средства познания самого права, то есть то, откуда мы черпаем наши знания о праве (например, исторические памятники права, свод обычаев, тексты законов, юридическая практикант и т.д.).

Древнейшим источником права в Риме были правовые обычаи (mores majorum). Согласно римской исторической традиции, другим источником права являлось законодательство римских царей (leges regiae). Однако существование этих законов время от времени подвергается сомнению. В последние десятилетия исследователи склонны не отвергать эту традицию, считать достоверными сведения о законах римских царей, по крайней мере, Нумы Помпилия и Сервия Туллия.

Поскольку эти источники права, тесно связанные с традицией и религией римского народа (квиритов), выступали первоначально как патрицианские, в литературе высказывалось предположение о существовании особой системы правовых обычаев у плебеев.

В результате острого политического конфликта была создана новая комиссия децемвиров, состоявшая, как из патрициев, так и из плебеев, дополнившая первоначальный текст еще двумя таблицами.

Традиционная версия происхождения Законов XII таблиц в настоящее время нередко ставится под сомнение. В самом тексте Законов нет положений, свидетельствующих непосредственно об уравнении в правах патрициев и плебеев. Но, очевидно, что Законы стали основой общего для патрициев и плебеев единого квиритского, или цивильного, права (jus civile), предназначенного исключительно для римских граждан. Возможно, что принятие Законов XII таблиц было связано с борьбой плебеев с патрицианско-жреческой верхушкой, а также с противоречиями между светской и религиозной аристократией. Принятие Законов XII таблиц означало ослабление былых позиций понтификов, которые сохраняли за собой право хранить и толковать неписаные обычаи и законы, вырабатывать формы судебных исков и злоупотребляли этим правом. Хотя в Законах XII таблиц предусматривалось использование клятв и совершение других ритуальных действий, право уже было отделено от религиозных норм и приобрело светский характер.

В III веке до н. э. – III веке н. э. формально продолжали действовать Законы XII таблиц (официально они были отменены в VI веке н. э. в ходе законодательных реформ византийского императора Юстиниана). Глубокое уважение римлян к своим правовым традициям и особенно благоговейное отношение к Законам XII таблиц не позволяли им открыто отказаться от этого исторического памятника. Но существенные изменения в экономической и политической жизни Рима сделали необходимым фактический отказ в повседневной правовой практике от устаревших норм Законов XII таб-

лиц и квиритского права в целом. Возникла насущная необходимость в создании новых форм правотворчества, более гибких и позволяющих учитывать меняющиеся общественные условия.

На новом этапе истории римского права его наиболее характерным источником становятся эдикты преторов, на базе которых наряду с цивильным правом (по-прежнему уважаемым, но все менее применяемым) вырастают две новые и совершенно самостоятельные правовые системы: "преторское право" (jus praetorium) и "право народов" (jus gentium). Обе эти системы были результатом правотворческой деятельности преторов. Таким образом, в Риме возникла сложная (по сути дела – тройная) система источников права.

В период домината в связи с глубоким кризисом рабовладельческой системы римское право претерпевает некоторые незначительные изменения, но его основные институты практически сохраняются в прежнем виде. Наибольшие изменения в это время происходят именно в источниках права, среди которых все больший удельный вес приобретает законодательство императоров. В связи с установлением всевластия императоров новые поколения юристов утрачивают право давать обязательные консультации, лишаются возможности формулировать новые правовые нормы, как это уже раньше произошло с преторами.

Кодификация Юстиниана подвела своеобразную черту под многовековым развитием римского права, представляя собой концентрированный итог всей его предшествующей истории. Поэтому Свод законов Юстиниана, хотя и отразил некоторые постклассические и чисто византийские черты, является в своей основе источником римского права.

В 535–555 гг. указанные выше три сборника римского права были дополнены сборниками конституций (новелл) самого Юстиниана, в которых в большей степени отразились уже особенности не римского права, а византийского общества и права. Однако эти сборники были составлены частными лицами и не имели официального характера. Наиболее крупный из них включал 168 новелл, из которых 153 принадлежат Юстиниану. Значительно позднее (в средние века) сборники новелл Юстиниана стали включаться в Corpus juris civilis в качестве его четвертой книги.

Появление закона на Руси было связано с общей тенденцией перехода от обычая к писаному праву. Как известно, первым источником писаного права нашей страны стали договоры Руси с Византией, которые датированы X веком.

Что касается собственно закона, то первым дошедшим до нас памятником внутреннего законодательства стала Русская правда.

Русская правда дошла до нас в нескольких редакциях, при этом представляется возможным выделить некоторые общие черты, характерные для этого памятника права. К ним, прежде всего, можно отнести его казуистический характер, который проявлялся в отсутствии общих понятий и общих принципов, имевших универсальное значение для конструирования составов преступлений и назначения наказаний. В этом отношении Русская правда не была уникальной, сходные особенности были характерны для всех памятников права феодального периода, например, так

называемых варварских правд, существовавших у франков. В частности, исследование Салической правды показывает ее существенное сходство с Русской правдой, но не в конкретных деталях, а в общем построении норм и институтов, в принципах и видах преступлений и наказаний. С.М. Шпилевский, который исследовал сходство юридического быта славян и германцев, отмечал, что имеется выраженное сходство в отношениях родственного представительства на суде, в обязанности отвечать за родственников и осуществлять их защиту [10, с. 171].

В процессе создания единого централизованного государства с центром в Москве идея создания единого общерусского источника права получила политическое значение, ее реализация стала важным шагом на пути централизации.

Речь идет о подготовке и принятии Судебника 1497 года. Этот источник права стал в значительной мере прообразом кодифицированного акта. В его принятии проявилось не только стремление власти объединить действовавшие правовые нормы в единый закон, но и сама тенденция к укреплению роли закона как основного источника права. Судебник своими нормами не охватывал всех групп отношений, существовавших в обществе своего времени. Но его принятие стало важным шагом в развитии отечественных законодательных традиций.

Укрепилось понимание закона как воли высшей власти в государстве, обязательной для исполнения всеми жителями. Этому способствовала и строгая система наказаний, установленных Судебником.

В 1550 году был принят новый Судебник, призванный обобщить правовую практику предшествующих лет. Кроме того, «принятие Судебника связано с проведением первого земского собора, то есть с началом сословно-представительной монархии. С этого момента берет свое начало традиция утверждения главного источника права земским собором» [6, с. 29].

Судебник 1550 года имел значение и для развития законодательного процесса, так как с его принятием произошло «закрепление в тексте порядка принятия новых законоположений, начиная с права законодательной инициативы, и заканчивая коллективным их одобрением» [6, с. 31].

По мнению Т.В. Шатковской, «немногочисленные юридические нормы судебников впервые имели общегосударственное действие. Судебники нацелены на «огораживание» пространства позитивного права, прежде всего, в сфере судоустройства и судопроизводства» [8, с. 41].

Уже на данном этапе проявилась еще одна важная особенность, определявшая содержательные характеристики российского законодательства. Она была связана с большой ролью православия – как официальной религии. Церковь все больше сращивалась с государственным аппаратом, религиозные нормы и принципы существенно влияли на содержание принимавшихся законов.

Прежде всего, это относилось к законодательству, регулировавшему брачно-семейные отношения. Также исследователи отмечают наличие влияния церковных норм на развитие административного, уголовного и процессуального законодательств [3, с. 256–257].

Логичным продолжением линии на совершенствование единого законодательного акта стала подготовка и принятие в 1649 году Соборного уложения.

Это был самый масштабный и подробный правовой акт доимперского периода, при его подготовке активно использовались, как предшествующие законодательные нормы, так и иностранные источники. В связи с этим известный дореволюционный историк права М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что «несмотря на такое множество заимствований из чужих источников, Уложение есть не компиляция иноземного права, а кодекс вполне национальный, переработавший чужой материал по духу старомосковского права, чем он совершенно отличается от переводных законов XVII в.» [2, с. 237].

В связи с этим в начале XIX века была проведена масштабная систематизация законодательства, к тому моменту превратившегося в огромный и не вполне упорядоченный массив, но уже в иной форме. Итогом стало издание Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи. «В результате проведенной масштабной систематизации были созданы предпосылки для дальнейшего развития законодательства Российской империи, повышения его системности и эффективности действия» [1, с. 83].

Советская догматика права 60–80-х гг. XX в. (А.Ф. Шебанов, С.Л. Зивс, С.С. Алексеев), с одной стороны, была верна идеологическим установкам более раннего периода (с точки зрения С.Л. Зивса, источники права «суть внешняя форма установления правовой нормы государством» (4, с.10), а с другой стороны, произвела известное эволюционное движение в направлении разделения сущности категории «форма права», что выразилось в теории А.Ф. Шебанова о *единой форме советского права* как особой его внутренней организации или системы права (внутренняя форма права), выражающей нормативную государственную волю (внешняя форма права) [9, с.21].

Внешняя форма права определялась А.Ф. Шебановым как «принятые в данном обществе формы выражения нормативной государственной воли правящего класса» [9, с. 23–24].

На современном этапе, в настоящее время существует несколько точек зрения, в частности, Р.Л. Хачатурова о том, что следует уточнить принципиальные формулировки и, в силу этого, отграничить источники права от его форм: «источники (формы) права – это официально определённые формы внешнего выражения права» [7, с. 156]; «когда говорят об источниках права в юридическом смысле, то имеют в виду различные формы закрепления результатов нормотворческой деятельности»; «внешней формой права являются способы установления правовых норм» [7, с. 157].

Также профессор Р.Л. Хачатуров делает важный вывод: «было бы наиболее точным именовать источники права в юридическом смысле формами установления и выражения правовых норм» [7, с. 157]. Таким образом, в современной теоретической юриспруденции мы отчётливо видим принципиальное влияние достижений отечественной догматики права XIX века.

С.А. Комаров под формой (источником) права понимает совокупность способов формирования, своеобразного «документирования государственной воли». Он считает, что понятие источника права предполагает его анализ с точки зрения внешней формы выражения как способа возведения в закон воли соответствующих политических сил, стоящих у власти, выражающих интересы всего народа или его части [5, с. 284–287].

На основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на внешние отличия, мы видим, что современные национальные правовые системы, особенно англосаксонская и романо-германская, базируются на общецивилизационных культурных ценностях, уважении прав и свобод человека. Следовательно, проявляется открытость современного права для взаимодействия и взаимообогащения с другими правовыми системами, что приводит к заимствованию не только отдельных правовых норм, но и даже целых правовых институтов. Это, в свою очередь, приводит к резкому развитию и совершенствованию права и механизмов правового регулирования, как внутри страны, так и в мировом масштабе.

Библиографический список

1. *Абдиева Д.А., Рогачев М.А.* Систематизация законодательства: опыт Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2021. – № 2. – С. 80–85.

2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 640 с.

3. *Дорская А.А.* Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – Т. 5. – № 11. – С. 255–269.

4. *Зивс С.Л.* Источники права. – М.: Наука, 1981. – 240 с.

5. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 528 с.

6. *Пашенцев Д.А.* Судебник 1550 г. – памятник систематизации отечественного средневекового права // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – М.: ИНФРА-М, 2021. – С. 27–32.

7. *Хачатуров Р.Л.* (глава 11: Источники (формы) права) // Теория государства и права / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. – М.: Проспект, 2016. – 328 с.

8. *Шатковская Т.В.* Кодификация российского права в конце XV – середине XVI века как способ укрепления центральной власти московских государей // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИНФРА-М, 2021. – С. 41–50.

9. *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. – М.: Юрид. лит-ра, 1968. – 216 с.

10. *Шпилевский С.М.* Род и закон у славян и германцев от древности до средневековья. – М.: Вече, 2021. – 288 с.

Для цитирования: *Варелджан А.А.* Историческая эволюция источников права: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 12–17.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.12

HISTORICAL EVOLUTION OF LEGAL SOURCES

Artyom A. Vareljan*

Annotation. This article provides a historical analysis of the evolution of sources of law. Law – as a complex social phenomenon, in addition to its internal structure, has certain forms of external expression. An external form of law is understood as legal sources that formally establish legal prescriptions addressed to participants in legal relations. However, in addition to formal (legal) sources, law also has other sources of its formation, that is, a system of factors that characterize its content and forms of expression.

Questions of the formation and development of sources of Russian law were often at the center of polemical discussions and more than once became the subject of both theoretical and historical-legal analysis of pre-revolutionary, Soviet and modern domestic researchers. Today, they are becoming particularly important, since sources of law are an important element of the legal system.

Keywords: law, source of law, form of law, legal system, sources of formation.

The source is the basic principles, starting points. Sources of law are usually distinguished in the broad and narrow sense of the word.

The existing various discrepancies in the interpretation of the concept of "history of law" are explained by different approaches to the legal understanding (of the social nature and essence of law). If the legal understanding is based on the normativist approach, then usually the sources of law are understood as theolegislator, that is, the law-making activity of the state. In the natural law approach, the principles of freedom, equality and justice, which must be followed by positive (legislative) law, are considered as sources of law.

The term "source of law" can have several meanings. In the technical sense, a source of law refers to the ways in which legal norms are expressed in each society. This is a normalize docreative activity of the state and its authorized organizations, and in some cases-of the entire people (a referendum), which results in the creation of legal norms. Normative legal acts reflect the will of the legislator, and the legal prescriptions contained in them are generally binding. On the other hand, sources of law can also be understood as the means of understanding the law itself, that is, where we draw our knowledge about the law (for example, historical monuments of law, code of customs, texts of laws, legal practice, etc.).

The oldest source of law in Rome was legal customs (mores majorum). According to the Roman historical tradition, another source of law was the legislation of the Roman kings (leges regia). However, they implementation of these laws has been questioned from time to time. In recent decades, researchers tend not to reject this tradition, but to consider reliable information about the laws of Roman kings, at leaste Numa Pompilius and Servius Tullius.

Since these sources of law, which are closely related to the tradition and religion of the Roman people (the Quirites), originally appeared as Patristic, the

* **Vareljan Artyom Arturovich** – Master of Management, Advisor for the Development of Foreign Economic Activity of Alfa-Bank JSC (Moscow). E-mail: artyom.v@mail.ru

literature suggested the existence of a special system of legal customs among the Plebeians.

As a result of an acute political conflict, a new commission of decemvirs was created, consisting of both patricians and Plebeians, adding two more tables to the original text.

The traditional version of the origin of the Laws of the XII Tables is now often questioned. In the text of the Laws themselves, there are no provisions that directly indicate an equalization of the rights of Patricians and Plebeians. But it is obvious that the Laws became the basis of a single Quirite or civil law (jus civile) common to the Patricians and Plebeians, intended exclusively for Roman citizens. It is possible that the adoption of the Laws of the XII Tables was connected with the struggle of the Plebeians with the patrician-priestly elite, as well as with the contradictions between the secular and religious aristocracy. The adoption of the Laws of the XII Tables meant the destruction of the former positions of the pontiffs, who retained the right to read and interpret unwritten customs and laws, to develop forms of criminal claims and abused this right. Although the Laws of the XII Tables provided for the use of oaths and other ritual actions, the law was already separated from religious norms and acquired a light character.

In the III century BC – III century AD, the Laws of the XII tables formally continued to operate (they were officially abolished in the VI century AD during the legislative reforms of the Byzantine emperor Justinian). The Romans ' deep respect for their legal traditions, and especially their reverence for the Laws of the twelfth Table, did not allow them to openly abandon this historical monument. But significant changes in the economic and political life of Rome made it necessary to actually abandon the outdated norms of the Laws of the XII Century and Queer law in general in everyday legal practice. There is an urgent need to create new forms of law-making that are more flexible and take into account changing social conditions.

At a new stage in the history of Roman law, its most characteristic source is the edicts of the praetors, on the basis of which, along with central law (still respected, but less applied), two new and completely independent legal systems are growing up: "praetor's law "(jus praetorium) and "the law of peoples" (jus gentium). Both of these systems were the result of the praetors ' law-making activities. Thus, in Rome, a complex (in fact, triple) system of legal sources also emerged.

During the dominant period, Roman law undergoes some minor changes due to the deep crisis of the slave system, but its basic institutions are practically preserved in the same form. The greatest changes at this time occur precisely in the sources of law, among which the legislation of the emperors is gaining an increasing area. In connection with the establishment of the omnipotence of the emperors, new generations of lawyers lose the right to give mandatory consultations, are deprived of the opportunity to formulate new legal norms, as was the case with the praetors earlier.

The codification of Justinian drew a peculiar line under the centuries-old development of Roman law, representing a concentrated summary of its entire previous history. Therefore, the Code of Lawsaof Justinian, although it reflected some post-classical and purely Byzantine features, is basically the source of Roman law.

In 535–555, the three collections of Roman law mentioned above were supplemented by collections of constitutions (novellas) of Justinian himself, which reflected to a greater extent the peculiarities of Byzantine society and law rather than Roman law. However, these collections were compiled by private individuals and were not of an official nature. The largest of them included 168 novellas, of which 153 belong to Justinian. Much later (in the Middle Ages), collections of Justinian's novellas began to be included in Corpus juris civilis as his fourth book.

The appearance of the law in Russia was associated with a general trend of transition from custom to written law. As you know, the first source of written law in our country was the treaties of Russia with Byzantium, which dateaback to the tenth century.

As far as the law itself is concerned, the first extant reference to domestic legislation is Russkaya Pravda.

Russkaya Pravda has come down to us in several editions, and it seems possible to identify some common features characteristic of this monument of law. These include, first of all, its casuistic nature, which was manifested in the absence of general concepts and general principles that were of universal significance for the construction of crimes and the appointment of punishments. In this respect, Russkaya Pravda was not unique; similar features were characteristic of all legal monuments of the feudal period, for example, the so-called barbarian truths that existed among the Franks. In particular, the study of the Salic Truth shows its essential similarity with the Russkaya Pravda, but not in specific details, but in the general construction of norms and institutions, in the principles and types of crimes and punishments. S. M. Shpandlevsky, who studied the similarity of the legal life of the Slavs and Germans, noted that there is a pronounced similarity between the legal life of the Slavs and the Germans similarity in relations of kinship representation in court, in the duty to be responsible for relatives and to protect them [9, p. 171].

In the process of creating a single centralized state with a center in Moscow, the idea of creating a single all-Russian source of law gained political significance, and its implementation became an important step towards centralization.

We are talking about the preparation and adoption of the Judicial Code of 1497. This history of law became to a large extent the prototype of a codified act. Its adoption revealed not only the desire of the authorities to combine existing legal norms into a single law, but also the tendency to strengthen the role of the law as the main source of law. The Sudebnik did not cover all the groups of relations that existed in the society of its time. But its adoption was an important step in the development of Russian legislative traditions.

The understanding of the law as the will of the highest authority in the state, binding on all residents, has been strengthened. This was also facilitated by the strict system of punishments established by the Judicial Code.

In 1550, a new Judicial Code was adopted, designed to generalize the legal practice of previous years. In addition, "the adoption of the Sudebnik is connected with the holding of the first Zemsky Sobor, that is, with the beginning of exile in the new representative monarchy. From this moment, the tradition of approving the main source of law by the Zemsky Sobor begins" [5, p. 29].

The Sudebnik of 1550 was also important for the development of the legislative process, since with its adoption there was "a consolidation in the text of the order of adoption of new legislative provisions, starting with the right of legislative initiative, and ending with their collective approval" [5, p.31].

According to T. V. Shatkovskaya, " for the first time, the few legal notices issued by Sudebnik had a national effect. Sudebniki are aimed at "enclosing" the space of positive law, first of alle, in the sphere of the judicial system and judicial proceedings" [7, p.41].

Already at this stage, another important feature was revealed, which determined the content characteristics of Russian legislation. It was associated with the great role of Orthodoxy as an official religion. The Church was increasingly fused with the state apparatus, and religious norms and principles significantly influenced the content of the laws that were adopted.

First of all, this applied to the legislation regulating marriage and family relations. Researchers also note the influence of church norms on the development of administrative, criminal and procedural legislation [3, p. 256–257].

A logical continuation of the line of improvement of the single legislative act was the preparation and adoption of the Cathedral Code in 1649.

It was the most extensive and detailed legal act of the pre-Imperial period, and both previous legislative norms and foreign sources were actively used in its preparation. In this regard, the well-known pre-revolutionary legal historian M.F. Vladimirsky-Budanov wrote that "despite such a large number of borrowings from foreign sources, the Code is not a compilation of foreign law, but a completely national code that reworked other people's material in the spirit of old Russian law, which makes it completely different from the translated laws of the XVII century" [2, p. 237].

In this regard, at the beginning of the nineteenth century, a large-scale systematization of legislation was carried out, which by that time had turned into a huge and not quite ordered array, but in a different form. The result was the publication of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and the Code of Laws of the Russian Empire. "As a result of the large-scale systematization, perquisites were created for further development of the legislation of the Russian Empire, increasing its consistency and effectiveness" [1, p. 83].

The Soviet dogmatics of law of the 60–80s of the XX century (A.F. Shebanov, S.L. Zivs, S.S. Alekseev), on the one hand, was true to the ideological foundations of an earlier period (from the point of view of S.L. Zivs, the sources of a law "are the external form of establishing a legal norm by the state" [4, p. 10]), and on the other hand, it made a certain evolutionary movement in the direction of dividing the essence of the category "form of law", which was expressed in the theory of A.F. Shebanov about *the unified form of Soviet law* as its special internal organization or system of law (internal form of law), expressing the normative state will (external form of law) [8, p. 21].

The external form of law was defined by A.F. Shebanov as "the forms of expression of the normative state will of the ruling class accepted in a given society" [8, p. 23–24].

At the present stage, there are several points of view of R.L. Khachaturov that it is necessary to clarify the principal formulations and, therefore, to dis-

tinguish the sources of law from its forms: "sources (forms) of law are officially defined forms of expression of law outside of it" [6, p. 156]; "when they talk about the sources of law in the legal sense, they mean various forms of fixing the results of rule-making activities"; "the external form of law is the methods of establishing legal norms" [6, p. 157].

Professor R.L. Khachaturov also makes an important conclusion: "It would be most accurate to refer to the sources of law in the legal sense as the forms of establishing and expressing legal norms" [6, p. 157]. Thus, in modern theoretical jurisprudence, we clearly see the fundamental influence of the achievements of the Russian dogma of law of the XIX century.

S.A. Komarov understands the form (source) of law as a set of methods of formation, a kind of “documentation of the state will”. He believes that the concept of the source of law presupposes its analysis from the point of view of the external form of expression as a way of elevating to law the will of the corresponding political forces in power, expressing the interests of the entire people or part of it [5, pp. 284–287].

Thus, on the basis of all the above, we can conclude that, despite external differences, we see that modern national legal systems, especially the Anglo-Saxon and Romano-German ones, are based on general civilizational cultural values and respect for human rights and freedoms. Consequently, the openness of modern law to interaction and mutual enrichment with other legal systems is manifested, which leads to borrowing not only individual legal norms, but even entire legal institutions. This, in turn, leads to a sharp development and improvement of the law and legal regulation mechanisms, both within the country and on a globaloscale.

Bibliographic list

1. Abdieva D.A., Rogachev M.A. Systematization of legislation: the experience of the Russian Empire / / Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Legal sciences". 2021. No. 2. Pp. 80–85.

2. Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1995, 640 p.

3. Dorskaya A.A. Interaction of criminal and procedural law of the Russian Empire with Church law // Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2005. Vol. 5. No. 11. Pp. 255–269.

4. Zivs S.L. Sources of Law, Moscow: Nauka Publ., 1981, 240 p.

5. Komarov, S.A. General Theory of State and Law: textbook for universities / S.A. Komarov. 10th ed., corrected. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 528 p.

6. Pashentsev D.A. Sudebnik of 1550 the city – a monument to the systematization of the Fatherland of medieval law // Systematization of legislation in the focus of historical and Legal science (to the 470th anniversary of the adoption of the Sudebnik of 1550): collection of scientific works / under the general editorship of D. A. Pashentsev. Moscow: INFRA-M, 2021. Pp. 27–32.

7. Khachaturov R. L. (chapter 11: Sources (forms) of law) // Theory of State and Law], ed. by A.V. Malko and D.A. Lipinsky, Moscow: Prospekt Publ., 2016, 328 p.

8. Shatkovskaya T.V. Codification of Russian law at the end of the XV-middle of the XVI century as a way to strengthen the central power of the Moscow sovereigns //

Systematization of legislation in the focus of historical and legal science (to the 470th anniversary of the adoption of the Sudebnik of 1550): collection of scientific works / under the general editorship of D.A. Pashentsev. Moscow: INFRA-M, 2021. Pp. 41–50.

9. Shebanov A.F. The form of Soviet Law, Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1968, 216 p.

10. Shpilevsky S.M. Genus and law among the Slavs and Germans from antiquity to the Middle Ages. Moscow: Veche, 2021, 288 p.

For citation: *Vareljan A. A.* Historical Evolution of Legal Sources: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. № 2 (134). P. 18–23.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.12

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 348.01/.07
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.24

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ

З.М. Газимагомедов*

Аннотация. Современные технологии имеют как положительный, так и негативные эффект. Положительный проявляется в том, что они могут быть использованы для воздействия на негативные социально-экономические явления. Одной из таких технологий выступает блокчейн, используя который, можно эффективно противодействовать как теневой экономике, так и коррупции.

Ключевые слова: блокчейн-технологии, теневая экономика, коррупция.

Развитие науки и технологий имеет, как правило, положительный эффект. Однако, в то же время по ряду причина способно обусловливать рост теневого сектора экономик. Государственные меры по его предупреждению не всегда эффективны. В связи с этим становится актуальным поиск и разработка современных моделей противодействия теневым структурам с применением цифровых технологий.

В настоящее время блокчейн-технологии играют значимую роль в осуществлении экономических процессов как на государственном, так и на межгосударственном уровнях. Ранее они применялись лишь в финансовом секторе, сейчас сфера их использования расширилась. Например, блокчейн внедрен в логистику для отслеживания транспортируемых грузов. При этом они могут нести, как положительный, так и негативный эффект. Первый из них заключается в том, что блокчейн-технологии выступают инструментом, позволяющим наиболее эффективно выявлять и расследовать преступные деяния, в том числе экономической направленности. Негативный же состоит в том, что блокчейн-технологии могут одновременно выступать средством совершения преступления и в силу своей специфики увеличивать общественную опасность преступных деяний [5].

Теневая экономика представляет собой всю ту часть финансово-хозяйственной деятельности юридических и физических лиц, которая осуществляется вне сферы официального учета.

* **Газимагомедов Зайпулла Магомедович,** студент 1 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: zaypula@gmail.com

Научный руководитель – **Молчанов Александр Васильевич,** профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор. E-mail: mol978@yandex.ru

Вопросы о теневой экономике стоят на повестке дня многих стран мира уже на протяжении нескольких десятилетий. Как показывает статистика и прогноз международной организации аудиторов АССА, на сегодняшний день наблюдается тенденция к ее сокращению, однако, теневая экономика модернизируется и, следовательно, адаптируется к текущим трендам глобализации, цифровизации и появлению новых бизнес-моделей. Если рассматривать статистику российских организаций, таких как Росстат и Росфинмониторинг, доля теневой экономики в России составляет 20,5% от общего числа ВВП, в то же время Международный Валютный Фонд считает этот показатель равным 33,7% [2].

Одним из потенциально эффективных средств борьбы с теневым сектором экономики выступает блокчейн.

Блокчейн представляет собой непрерывную цепочку блоков содержащих информацию, структурированную в соответствии с определенными правилами последовательности. Копии цепочек блоков хранятся независимо на множестве разных компьютеров. Взаимосвязь между блоками обеспечивается не только нумерацией, но и наличием у каждого блока собственного криптографического идентификатора, также называемого “хеш”. Меняя лишь один бит информации в блоке, изменению подлежит вся хэш-сумма. Для сохранения правил построения цепочки, изменения в хеш-сумме должны быть записаны в следующий блок, вносящем изменения в собственную хеш-сумму. Тем не менее, предыдущие блоки затронуты не будут. Если продолжение уже сформировано после изменяемого блока, изменение может оказаться чрезвычайно трудоемким процессом, требующим согласия большинства пользователей блокчейна.

При этом блокчейн играет двоякую роль в развитии и существовании теневой экономики. В настоящее время блокчейн-технологии стали объектом пристального внимания лиц, совершающих преступления, использующих их для передачи и хранения данных [3].

Во многих областях криптовалюта фактически уже стала заменой традиционных платежных средств, но изначально таковым в привычном понимании не являлась. Ее главное отличие – децентрализованность, неподконтрольность государству и иным лицам. Н.В. Макарчук отмечает, что «эмиссия криптовалют осуществляется самими пользователями и не обусловлена внесением денежных средств оператору системы. Да и сам оператор фактически отсутствует. Есть лишь разного рода посредники: биржи, обменные пункты, торговые площадки» [4].

Операции, совершаемые с криптовалютой – невидимый процесс. В силу этого установление личности, которая совершила эти операции, исключается, что создает дополнительное благотворное поле для приобретения нелегальных предметов (оружие, боеприпасы, наркотики и иные психотропные препараты) [1].

Одновременно с этим криптовалюта может выступать предметом преступлений, например, таких как подкуп, коммерческий подкуп, взяточничество, посредничество во взяточничестве. Учитывая анонимность транзакций в блокчейн, данная форма незаконного вознаграждения является привлекательной для лиц, совершающих преступления. Подтвержде-

нием сказанного являются приговоры судов, в которых подтверждается факт использования криптовалюты при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ [8; 9].

С другой стороны, блокчейн-технологии не предполагают сокрытие и шифрование информации о транзакциях. Все данные доступны пользователям в сети “Интернет”. Это служит благоприятным фактором для правоохранительных органов при расследовании преступлений, поскольку благодаря доступу к упомянутым данным они смогут идентифицировать владельца, а также его местонахождение через отслеживание каждого этапа передачи такой информации [6].

Посредством технологий блокчейна возможно и установление лиц, использующих их в личных преступных целях, при условии, что те или иные цифровые следы, содержащиеся в автоматизированных системах будут удалены. Сотрудники правоохранительных органов посредством мобильных устройств и компьютеров смогут установить номер криптовалютного кошелька и отслеживать все транзакции, через которые были переведены средства от преступной деятельности.

Личность и местонахождение владельца криптовалютных кошельков также могут быть установлены через получения информации об IP-адресах своих пользователей, которые хранит биржа. Однако с юридической точки зрения статус криптовалютных бирж не определен. Их деятельность не лицензируется и не подлежит государственному контролю. Данное обстоятельство является барьером для расследования преступлений правоохранительными органами [3].

Применение технологий блокчейна не ограничено лишь понятиями криптовалют и токенов. Блокчейн может быть использован как инструмент по противодействию роста теневой экономики. Во-первых, он надежен в хранении данных. Во-вторых, предоставляет возможность непрерывного контроля за транзакциями, отраженными в распределенном реестре. В случае наличных расчетов процесс движения денежных средств контролировать сложнее.

Коррупция и теневая экономика два взаимосвязанных явления. Применить технологии блокчейна в борьбе с первым из них также видится возможным. Блокчейн – более прозрачная и стабильная технология в сравнении с существующей бюрократической системой, в которой возможно придать данным нужный вид в интересах представителей власти. Блокчейн-технологии подобные действия исключают, поскольку после регистрации блок транзакций не может быть изменен. Помимо прочего, используя криптографию, возможно, сделать пометку на токене, к которому предоставляется доступ.

Таким образом, блокчейн – это цифровая платформа, основанная на криптографическом кодировании, характеризующаяся функциональностью, которая может быть полезна при решении проблем, связанных с недостаточной прозрачностью финансовых и экономических операций [7].

Видится целесообразным разработать систему сертификации блокчейна, что позволит более эффективно контролировать данные о неблагонадежных хозяйствующих субъектах. Ко всему прочему использование блок-

чейн-технологий делает возможным оптимизацию процессов сбора и обработки информации, что также благоприятно влияет на процессы противодействия теневой экономики. Также на основе вышесказанного актуальным представляется выработка и совершенствование механизмов получения информации, необходимой правоохранительным органам для выявления, раскрытия и расследования преступлений [6].

Несмотря на то, что отсутствуют требования идентификации личности пользователя для создания и использования криптовалюты, блокчейн-технологии являются фактором, создающим благоприятную среду для совершения преступлений экономической направленности и киберпреступлений. Однако грамотное использование правоохранительными органами доступных им средств идентификации личности (базы данных операторов и провайдеров связи и другие), а также особенностей блокчейн-технологий, позволит более оперативно обнаруживать и фиксировать следы преступления (транзакции, размер денежных операций, число лиц, участвующих в цепи блоков).

Библиографический список

1. *Батоев В.Б., Семенчук В.В.* Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2 (42). – С. 9–15.

2. *Безпалов В.В.* Теневой сектор и возможности применения технологии блокчейн в целях его снижения // Sciences of Europe, 2021, № 68. С. 24–30.

3. *Зиновьева Н.С.* Возможности блокчейн-технологий в раскрытии и расследовании преступлений в интернет-пространстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 3 (86). – С. 184–189.

4. *Кочергин Д.А.* Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе //Вестник СПбГУ. – Экономика. – 2017. – Т. 33. – № 1. – С. 119–140.

5. *Макарчук Н.В.* Проблемы определения правовой природы криптовалюты // Мат. междунар. науч.-практ. конф. «Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов». М.: Юрлитинформ, 2016. С. 369–374.

6. *Маркарян Э.С.* Особенности получения данных о механизме следообразования при расследовании преступлении, совершенных с использованием криптовалют // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 4 (33). – С. 176–187.

7. *Молоков В.В., Судницын А.Б.* Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 213–221.

8. Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска от 6 июня 2016 г., дело № 1- 311/2016 // www. consultant.ru; приговор Йошкар-олинского городского суда Республики Марий Эл от 1 июня 2017 г., дело № 1-233/2017) // www. consultant.ru

9. Приговор Советского районного суда г. Омска от 19 мая 2017 г., дело № 1-232/2017 // www. consultant.ru; приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 15 мая 2017 г., дело № 1-461/2017 // www. consultant.ru

Для цитирования: *Газимагомедов З.М.* Блокчейн-технологии как инструмент противодействия теневой экономике: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 24–27.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.24

BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR COUNTERACTING THE SHADOW ECONOMY

Z. M. Gazimagomedov*

Annotation. Modern technologies have both positive and negative effects. The positive effect is that they can be used to influence negative socio-economic phenomena. One of these technologies is blockchain, which can be used to effectively counteract both the shadow economy and corruption.

Keywords: blockchain technologies, shadow economy, corruption.

The development of science and technology usually has a positive effect. However, at the same time, for a number of reasons, it can cause the growth of the shadow sector of the economy. Government measures to prevent it are not always effective. In this regard, it becomes relevant to search for and develop modern models of counteracting shadow structures using digital technologies.

Currently, blockchain technologies play a significant role in the implementation of economic processes at both the state and interstate levels. Previously, they were used only in the financial sector, but now the scope of their use has expanded. For example, blockchain has been implemented in logistics to track transported goods. At the same time, they can have both a positive and a negative effect. The first of them is that blockchain technologies act as a tool that allows the most effective detection and investigation of criminal acts, including economic ones. The negative is that blockchain technologies can simultaneously act as a means of committing a crime and, due to their specificity, increase the social danger of criminal acts [5]. The shadow economy is the entire part of the financial and economic activities of legal entities and individuals that is carried out outside the sphere of official accounting.

Issues about the shadow economy have been on the agenda of many countries around the world for several decades. As statistics and forecasts of the international organization of auditors ACCA show, today there is a tendency towards its reduction, however, the shadow economy is modernizing and, therefore, adapting to the current trends of globalization, digitalization and the emergence of new business models. If we consider the statistics of Russian organizations such as Rosstat and Rosfinmonitoring, the share of the shadow economy in Russia is 20.5% of the total GDP, while the International Monetary Fund considers this figure to be equal to 33.7% [2].

One of the potentially effective means of combating the shadow sector of the economy is blockchain.

Blockchain is a continuous chain of blocks containing information structured in accordance with certain rules of sequence. Copies of the chain of blocks are stored independently on many different computers. The relationship

* **Gazimagomedov Zaipulla Magomedovich,** 1st year student of the master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: zaypula@gmail.com

Scientific supervisor – **Molchanov Alexander Vasilyevich**, professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Economics, professor. E-mail:

between the blocks is ensured not only by numbering, but also by the presence of each block's own cryptographic identifier, also called a "hash". By changing just one bit of information in a block, the entire hash sum is subject to change. To preserve the rules for constructing the chain, changes to the hash sum must be written to the next block, which makes changes to its own hash sum. However, previous blocks will not be affected. If a continuation has already been formed after the block being changed, the change can be an extremely labor-intensive process, requiring the consent of the majority of blockchain users.

At the same time, the blockchain plays a dual role in the development and existence of the shadow economy. Currently, blockchain technologies have become the object of close attention of persons committing crimes, using them to transfer and store data [3]. In many areas, cryptocurrency has actually already become a replacement for traditional means of payment, but initially it was not one in the usual sense. Its main difference is decentralization, non-controllability by the state and other persons. N.V. Makarchuk notes that “the emission of cryptocurrencies is carried out by the users themselves and is not conditioned by the deposit of funds to the system operator. And the operator itself is actually absent. There are only various intermediaries: exchanges, exchange offices, trading platforms” [4].

Transactions with cryptocurrency are an invisible process. Due to this, the identification of the person who performed these transactions is excluded, which creates an additional favorable field for the acquisition of illegal items (weapons, ammunition, drugs and other psychotropic drugs) [1]. At the same time, cryptocurrency can be the subject of crimes, such as bribery, commercial bribery, bribery, and mediation in bribery. Given the anonymity of transactions in the blockchain, this form of illegal remuneration is attractive to persons committing crimes. This is confirmed by court sentences confirming the use of cryptocurrency in committing crimes in the field of illegal drug trafficking [8; 9]. On the other hand, blockchain technologies do not imply concealment and encryption of transaction information. All data is available to users on the Internet. This serves as a favorable factor for law enforcement agencies when investigating crimes, since thanks to access to the mentioned data they will be able to identify the owner, as well as his location by tracking each stage of the transfer of such information [6].

By means of blockchain technologies it is also possible to identify individuals who use them for personal criminal purposes, provided that certain digital traces contained in automated systems are deleted. Law enforcement officers will be able to establish the number of a cryptocurrency wallet and track all transactions through which funds from criminal activity were transferred using mobile devices and computers.

The identity and location of the owner of cryptocurrency wallets can also be established by obtaining information about the IP addresses of their users, which are stored by the exchange. However, from a legal point of view, the status of cryptocurrency exchanges is not defined. Their activities are not licensed and are not subject to state control. This circumstance is a barrier to the investigation of crimes by law enforcement agencies [3].

The use of blockchain technologies is not limited to the concepts of cryptocurrencies and tokens. Blockchain can be used as a tool to combat the growth of the shadow economy. Firstly, it is reliable in storing data. Secondly, it provides the ability to continuously monitor transactions reflected in a distributed ledger. In the case of cash payments, the process of cash flow is more difficult to control.

Corruption and the shadow economy are two interrelated phenomena. It also seems possible to use blockchain technologies to combat the first of them. Blockchain is a more transparent and stable technology compared to the existing bureaucratic system, in which it is possible to give the data the desired form in the interests of government officials. Blockchain technologies exclude such actions, since after registration, a block of transactions cannot be changed. Among other things, using cryptography, it is possible to make a mark on the token to which access is provided. Thus, blockchain is a digital platform based on cryptographic coding, characterized by functionality that can be useful in solving problems related to insufficient transparency of financial and economic transactions [7].

It seems appropriate to develop a blockchain certification system, which will allow more effective control over data on unreliable economic entities. In addition, the use of blockchain technologies makes it possible to optimize the processes of collecting and processing information, which also has a positive effect on the processes of counteracting the shadow economy.

Also, based on the above, it seems relevant to develop and improve mechanisms for obtaining information necessary for law enforcement agencies to identify, solve and investigate crimes [6].

Despite the fact that there are no requirements for identifying the user's identity to create and use cryptocurrency, blockchain technologies are a factor that creates a favorable environment for committing economic crimes and cybercrimes. However, competent use by law enforcement agencies of the means of personal identification available to them (databases of operators and communication providers, etc.), as well as the features of blockchain technologies, will allow more quickly detecting and recording traces of a crime (transactions, size of monetary transactions, number of persons participating in the chain of blocks).

Bibliographic list

1. Batoev V.B., Semenchuk V.V. Use of cryptocurrency in criminal activity: problems of counteraction // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (42). P. 9–15.

2. Bezpalov V.V. Shadow sector and the possibilities of using blockchain technology to reduce it // Sciences of Europe, 2021, No. 68. P. 24–30.

3. Zinovieva N.S. Possibilities of blockchain technologies in solving and investigating crimes in the Internet space // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (86). P. 184–189.

4. Kochergin D.A. Place and role of virtual currencies in the modern payment system // Bulletin of St. Petersburg State University. Economy. 2017. V. 33. No. 1. P. 119–140.

5. Makarchuk N.V. Problems of determining the legal nature of cryptocurrency // Proc. int. scientific-practical. conf. "Electronic currency in light of modern legal and economic challenges". M.: Yurlitinform, 2016. P. 369–374.

6. Markaryan E.S. Features of obtaining data on the mechanism of trace formation in the investigation of crimes committed using cryptocurrencies // Criminologist's library. 2017. No. 4 (33). P. 176–187.

7. Molokov V.V., Sudnitsyn A.B. Certain possibilities of obtaining and using information on transactions with cryptocurrency in the disclosure and investigation of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (89). P. 213–221.

8. Verdict of the Leninsky District Court of Chelyabinsk dated June 6, 2016, case No. 1-311/2016 // www. consultant.ru; verdict of the Yoshkar-Ola City Court of the Republic of Mari El dated June 1, 2017, case No. 1-233/2017) // www. consultant.ru

9. Verdict of the Sovetsky District Court of Omsk dated May 19, 2017, case No. 1-232/2017 // www. consultant.ru; verdict of the Vologda City Court of the Vologda Region dated May 15, 2017, case No. 1-461/2017 // www. consultant.ru

For citation: Gazimagomedov Z.M. Blockchain technologies as a tool for counteracting the shadow economy: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 28–31.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.24

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.114.5
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.32

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

М.К. Омаров*

Аннотация. Статья посвящена историческому анализу правового регулирования противодействия коррупции в Российском государстве. Автор рассматривает различные этапы развития законодательства, начиная с упоминаний о коррупции в летописях XIII века и заканчивая неэффективностью борьбы с коррупцией в Советском Союзе. Выявлены ключевые факторы, способствующие развитию коррупции, такие как резкий переход к новой экономической системе, отсутствие развитой правовой культуры и ослабление государственного контроля.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, лихоимство, мздоимство.

Коррупция – древнее социальное явление, сопровождающее человеческую цивилизацию с незапамятных времен, что уже отмечалось в юридической литературе [2; 3]. В истории российской государственности первые упоминания о мздоимстве, архаичном прообразе коррупции, встречаются в летописях XIII века. Попытки законодательного регулирования этой проблемы начались при Иване III, а Иван IV Грозный ввел суровые наказания вплоть до смертной казни за взяточничество среди судебных чиновников [8].

В середине XVII века в Москве произошел редкий случай народного восстания против коррупции. В 1648 году, во время правления Алексея Михайловича Романова, горожане добились казни двух высокопоставленных чиновников, обвиненных во взяточничестве. Данное событие послужило толчком к принятию в 1649 году Соборного уложения – свода законов, впервые предусматривавшего уголовную ответственность за различные формы коррупции среди должностных лиц [8]. Уложение расширило круг субъектов, подлежащих наказанию за взяточничество, включив в него не только судебных чиновников, но и других государственных служащих.

Петровская эпоха ознаменовалась как расцветом коррупции, так и ожесточенной борьбой с ней. Петр I предпринял ряд мер по искоренению злоупотреблений:

* **Омаров Магомед Казбекович,** студент 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: omarov.msu@gmail.com

Научный руководитель – **Каменева Анна Николаевна,** доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru

– ввел ограничение срока службы для воевод;

– установил уголовную ответственность не только за получение, но и за дачу взятки;

– ужесточил наказания за коррупционные преступления, вплоть до смертной казни;

– расширил круг лиц, подлежащих ответственности, включив пособников и недоносителей;

– ввел институт фискалов для надзора за чиновниками [8].

Несмотря на суровость мер, они не принесли желаемого эффекта. Историк В.О. Ключевский отмечал, что при Петре I казнокрадство и взяточничество достигли небывалых масштабов [5]. В результате петровских реформ произошло разграничение понятий «лихоимство» (получение взятки за нарушение служебных обязанностей) и «мздоимство» (получение незаконного вознаграждения за действия в рамках должностных полномочий). Кроме того, хищение государственного имущества чиновниками стало рассматриваться как форма коррупции.

Таким образом, XVII-XVIII века стали периодом формирования правовых основ борьбы с коррупцией в России, хотя эффективность принимаемых мер оставалась низкой.

В период правления Екатерины II подход к борьбе с коррупцией изменился по сравнению с эпохой Петра I. Вместо ужесточения наказаний, императрица сделала акцент на неотвратимости наказания за корыстные злоупотребления. Однако коррупция продолжала процветать, оставаясь значительным источником дохода для чиновников всех рангов. Новый этап в борьбе с коррупцией начался с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных в 1845 году [9]. Данный документ существенно расширил законодательство о взяточничестве. Наказания за коррупционные преступления варьировались от денежных штрафов и выговоров до лишения свободы и ссылки в Сибирь. При этом, закон предусматривал возможность смягчения наказания в случае деятельного раскаяния преступника.

Интересно отметить, что в 1866 году была отменена уголовная ответственность за дачу взятки без отягчающих обстоятельств, что свидетельствует о продолжающемся поиске эффективных мер борьбы с коррупцией. Несмотря на все эти меры, коррупция оставалась серьезной проблемой для Российской империи на протяжении всего XIX века. Это показывает, что одних лишь законодательных мер недостаточно для искоренения этого явления, и требуется комплексный подход к решению проблемы.

В ноябре 1862 года император Александр II издал указ, направленный на борьбу с коррупцией в Российской империи. Документ ставил целью выявить причины распространения взяточничества и разработать меры по его искоренению. Для этого был создан специальный комитет при Сенате.

В ходе исследования комитет выделил три основные причины распространения коррупции: несовершенство законодательства; низкое материальное обеспечение государственных служащих; несоразмерность наказания тяжести преступления.

Комитет отметил, что существующие законы не учитывают мотивы преступления и одинаково наказывают как крупных взяточников, так и мел-

ких служащих, вынужденных брать взятки из-за бедности. Кроме того, сенаторы указали на дополнительные факторы, способствующие коррупции:

1) зависимость судебной власти от исполнительной;

2) жесткая иерархическая структура власти;

3) назначение на должности неквалифицированных кадров из низших сословий;

4) отсутствие прозрачности в работе государственных органов [4].

По прошествии столетий проблема коррупции среди чиновников в России не утратила своей актуальности. Еще в начале XIX века известный юрист В.Д. Набоков отмечал, что главной проблемой российской жизни того времени было не столько несовершенство законов, сколько отсутствие правосудия, повсеместное взяточничество судей и неэффективная судебная система [6].

Попытки реформирования уголовного законодательства в начале XX века привели к созданию «Уголовного уложения» 1903 года. Данный документ, хотя и унаследовал многие нормы из предыдущего «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 года, все же представлял собой шаг вперед в развитии правовой системы России. Новое уложение отличалось более простой структурой и меньшим количеством статей. Важным нововведением стало формулирование определения должностного лица. Однако, несмотря на прогрессивный характер документа, его применение на практике осложнялось бланкетным характером многих норм, что требовало обращения к дополнительным правовым актам для установления факта нарушения[9] .

Борьба с коррупцией в Советском Союзе не оказалась успешной и завершилась вместе с распадом государства. Одной из главных причин этого был отказ властей признавать само понятие «коррупция». Вместо этого широко использовались такие термины, как «взяточничество», «злоупотребление служебным положением» и «попустительство». Такое избегание термина затрудняло понимание проблемы в ее полной мере и разработку эффективных мер противодействия [10].

Кроме того, советское правосознание характеризовалось несколько упрощенным объяснением причин коррупционных явлений. Коррупцию часто связывали с «пережитками капитализма» или недостатками в воспитании трудящихся, игнорируя системные факторы, лежащие в основе проблемы. Например, в закрытом письме ЦК КПСС от 29 марта 1962 года «Об усилении борьбы со взяточничеством и разворовыванием народного добра» [7] коррупцию рассматривали как взяточничество и описывали как следствие условий эксплуататорского общества, утверждая, что революция ликвидировала коренные причины взяточничества. Такой подход приводил к неэффективным методам борьбы, которые не затрагивали глубинные причины коррупции.

Избирательность правосудия также способствовала укоренению коррупции. Высшие чиновники партии и государства практически оставались неприкосновенными, и расследования часто прекращались, как только затрагивали влиятельных лиц, что проявлялось на примере дел Тарады, Медунова и Щелокова, где высокопоставленные чиновники избегали наказания вне зависимости от доказанности вины [10].

Внутриведомственная борьба с коррупцией также была недостаточной. Противодействием коррупции занимались сами представители бюрократического аппарата, что не позволяло устранить коренные причины явления. Часто это приводило к борьбе между конкурирующими группировками внутри системы, что лишь усложняло ситуацию и препятствовало эффективному решению проблемы. Экономические факторы играли не меньшую роль. В условиях плановой экономики коррупция часто становилась единственным способом внедрения рыночных механизмов. По мере ослабления государственного контроля масштабы коррупции увеличивались, поскольку теневой рынок расширялся под влиянием укоренившихся коррупционных практик.

Последней попыткой реформировать ситуацию стала попытка усилить борьбу с экономическими преступлениями в мае 1991 года, однако даже в этом постановлении секретариата ЦК КПСС не упомянуло терминов «коррупция» или «взяточничество», что свидетельствует о продолжающемся непонимании сути проблемы вплоть до самого конца существования Советского Союза [1].

Иными словами, неспособность советской власти эффективно бороться с коррупцией была обусловлена совокупностью факторов: от идеологических установок и отказа признавать проблему до особенностей экономической системы и избирательности правосудия. Данные факторы вместе привели к тому, что борьба с коррупцией так и не принесла желаемых результатов.

На основании вышеизложенного представляется обоснованным вывод о том, что коррупция часто обостряется в периоды масштабных государственных преобразований, что наблюдалось как во времена Петра I, так и в современной России. Однако история показывает, что одни лишь карательные меры неэффективны для искоренения этого явления. В царской России предпринимались попытки выявить причины коррупции и ограничить ее законодательно, но эти усилия были непоследовательными и краткосрочными. Борьба велась скорее с последствиями, чем с первопричинами, без комплексного государственного подхода.

Сегодняшняя ситуация с коррупцией в России обусловлена как историческими тенденциями, так и сложностями переходного периода, который во многих странах сопровождался ростом коррупционных проявлений. Ключевыми факторами, способствующими развитию коррупции, помимо неэффективности государственного аппарата и определенных культурных традиций, являются:

– резкий переход к новой экономической системе без адекватной правовой базы и культуры;

– отсутствие развитой правовой системы и соответствующих традиций в советский период;

– разрушение не только партийной системы контроля, но и всей структуры надзорных органов;

– существенное ослабление государственного контроля за соблюдением законодательства.

Таким образом, для эффективной борьбы с коррупцией необходим комплексный подход, учитывающий исторический опыт, современные реалии и направленный на устранение системных причин этого явления.

Библиографический список

1. Постановление Секретариата ЦК КПСС от 22 мая 1991 г. «О необходимости усиления борьбы с преступностью в экономической сфере» // https: // pisigin.ru/publication-vp/210/sekretariat-ck-kpss-novyj-pristup-staroj-bolezni-iyul-1991/?ysclid=m4ojcl6ody688644616.

2. *Артемьев, А.Б.* Антропология коррупции: монография / А. Б. Артемьев; под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2011. – 270 с.

3. *Артемьев А.Б., Комаров С.А.* Коррупция как научная категория: статья // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 4. – С. 6–10.

4. *Волженкин Б.В.* Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX–начала XX в. // Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 64–70.

5. *Ключевский В.О.* Терминология русской истории. – М.: Правда, 1989. – Т. 4. – 477 с.

6. *Набоков В.Д.* К вопросу о будущей ориентации русской науки уголовного права // Право. – 1915. – № 44. – С. 274–279.

7. *Плехова О.А.* К вопросу о формах и методах борьбы с коррупцией в СССР // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 171–179.

8. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1985. – Т. 2. – 517 с.

9. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1988. – Т. 6. – 431 с.

10. *Сатаров Г.А. и др.* Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета, 1998, 19 февр.

Для цитирования: *Омаров М.К.* исторический генезис правового регулирования противодействия коррупции в российском государстве: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 32–36.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.32

HISTORICAL GENESIS OF LEGAL REGULATION OF COMBATING CORRUPTION IN THE RUSSIAN STATE

M.K. Omarov*

Annotation. This article presents a historical analysis of the legal regulation of anti-corruption in the Russian state. The author examines the evolution of legislation pertaining to corruption, tracing its origins from the 13th century to the present. They highlight the pivotal factors that have shaped the development of corruption, including the sudden transition to a new economic system, the absence of a robust legal culture, and the erosion of state control.

Keywords: corruption, bribery, extortion, embezzlement.

* **Omarov Magomed Kazbekovich,** 2nd year student of the Master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: omarov.msu@gmail.com

Scientific supervisor: **Anna Nikolaevna Kameneva**, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru

Corruption is an ancient social phenomenon that has accompanied human civilization since time immemorial, which has already been noted in legal literature [2; 3]. In the history of Russian statehood, the first mentions of bribery, an archaic prototype of corruption, are found in the chronicles of the 13th century. Attempts to legislatively regulate this problem began under Ivan III, and Ivan IV the Terrible introduced severe punishments, including the death penalty, for bribery among judicial officials [8]. In the mid-17th century, a rare case of popular uprising against corruption occurred in Moscow. In 1648, during the reign of Alexei Mikhailovich Romanov, the townspeople achieved the execution of two high-ranking officials accused of bribery. This event served as an impetus for the adoption of the Cathedral Code in 1649, a set of laws that for the first time provided for criminal liability for various forms of corruption among officials [8]. The Code expanded the range of subjects subject to punishment for bribery, including not only judicial officials, but also other civil servants.

The era of Peter the Great was marked by both the flourishing of corruption and a fierce fight against it. Peter I took a number of measures to eradicate abuses:

– introduced a limitation on the term of service for governors;

– established criminal liability not only for receiving but also for giving a bribe;

– toughened penalties for corruption crimes, including the death penalty;

– expanded the range of persons subject to liability, including accomplices and non-informers;

– introduced the institution of fiscals to supervise officials [8].

Despite the severity of the measures, they did not bring the desired effect. Historian V.O. Klyuchevsky noted that under Peter I, embezzlement and bribery reached unprecedented proportions [5]. As a result of Peter's reforms, a distinction was made between the concepts of "extortion" (receiving a bribe for violating official duties) and "bribery" (receiving illegal remuneration for actions within the framework of official powers). In addition, the theft of state property by officials began to be considered a form of corruption.

Thus, the 17th-18th centuries became the period of formation of the legal basis for the fight against corruption in Russia, although the effectiveness of the measures taken remained low.

During the reign of Catherine II, the approach to the fight against corruption changed compared to the era of Peter I. Instead of toughening punishments, the empress emphasized the inevitability of punishment for selfish abuses. However, corruption continued to flourish, remaining a significant source of income for officials of all ranks. A new stage in the fight against corruption began with the adoption of the Code of Criminal and Executive Punishments in 1845 [9]. This document significantly expanded the legislation on bribery. Punishments for corruption crimes ranged from fines and reprimands to imprisonment and exile to Siberia. At the same time, the law provided for the possibility of mitigating the punishment in the event of active repentance of the criminal.

It is interesting to note that in 1866, criminal liability for bribery without aggravating circumstances was abolished, which indicates the ongoing search for effective measures to combat corruption. Despite all these measures, corruption remained a serious problem for the Russian Empire throughout the 19th century. This shows that legislative measures alone are not enough to eradicate this phenomenon, and a comprehensive approach to solving the problem is required.

In November 1862, Emperor Alexander II issued a decree aimed at combating corruption in the Russian Empire. The document aimed to identify the causes of the spread of bribery and develop measures to eradicate it. A special committee was created under the Senate for this purpose. During the study, the committee identified three main reasons for the spread of corruption: imperfect legislation; low material support for civil servants; disproportionate punishment to the severity of the crime.

The committee noted that existing laws do not take into account the motives of the crime and equally punish both major bribe-takers and minor officials forced to take bribes due to poverty. In addition, senators pointed out additional factors contributing to corruption:

– dependence of the judiciary on the executive;

– rigid hierarchical structure of power;

– appointment of unqualified personnel from the lower classes to positions;

– lack of transparency in the work of government agencies [4].

Centuries later, the problem of corruption among officials in Russia has not lost its relevance. Back in the early 19th century, the famous lawyer V.D. Nabokov noted that the main problem of Russian life at that time was not so much the imperfection of laws as the lack of justice, widespread bribery of judges, and an ineffective judicial system [6].

Attempts to reform criminal legislation at the beginning of the 20th century led to the creation of the Criminal Code of 1903. This document, although it inherited many norms from the previous Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885, still represented a step forward in the development of the Russian legal system. The new code was distinguished by a simpler structure and fewer articles. An important innovation was the formulation of the definition of an official. However, despite the progressive nature of the document, its application in practice was complicated by the blanket nature of many norms, which required reference to additional legal acts to establish the fact of a violation [9].

The fight against corruption in the Soviet Union was not successful and ended with the collapse of the state. One of the main reasons for this was the refusal of the authorities to recognize the concept of "corruption". Instead, terms such as "bribery", "abuse of office" and "connivance" were widely used. This avoidance of the term made it difficult to fully understand the problem and develop effective countermeasures [10].

In addition, Soviet legal consciousness was characterized by a somewhat simplified explanation of the causes of corruption. Corruption was often associated with "remnants of capitalism" or shortcomings in the education of workers,

ignoring the systemic factors underlying the problem. For example, in the closed letter of the Central Committee of the CPSU of March 29, 1962, "On Strengthening the Fight against Bribery and the Theft of Public Property" [7], corruption was viewed as bribery and described as a consequence of the conditions of an exploitative society, arguing that the revolution had eliminated the root causes of bribery. This approach led to ineffective methods of struggle that did not touch upon the deep causes of corruption.

The selectivity of justice also contributed to the entrenchment of corruption. The highest officials of the party and state remained virtually untouchable, and investigations were often stopped as soon as they affected influential people, as demonstrated by the cases of Tarada, Medunov and Shchelokov, where high-ranking officials avoided punishment regardless of whether their guilt was proven [10].

The internal fight against corruption was also insufficient. The fight against corruption was carried out by the representatives of the bureaucratic apparatus itself, which did not allow the root causes of the phenomenon to be eliminated. This often led to a struggle between competing groups within the system, which only complicated the situation and prevented an effective solution to the problem. Economic factors played no less a role. In the conditions of a planned economy, corruption often became the only way to introduce market mechanisms. As state control weakened, the scale of corruption increased, since the shadow market expanded under the influence of entrenched corrupt practices.

The last attempt to reform the situation was an attempt to strengthen the fight against economic crimes in May 1991, however, even in this resolution of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU, the terms "corruption" or "bribery" were not mentioned, which indicates a continuing misunderstanding of the essence of the problem right up until the very end of the existence of the Soviet Union [1]. In other words, the inability of the Soviet government to effectively combat corruption was due to a combination of factors: from ideological attitudes and refusal to acknowledge the problem to the specifics of the economic system and the selectivity of justice. Together, these factors led to the fact that the fight against corruption never brought the desired results.

Based on the above, it seems reasonable to conclude that corruption often worsens during periods of large-scale state reforms, which was observed both during the time of Peter the Great and in modern Russia. However, history shows that punitive measures alone are ineffective in eradicating this phenomenon. In Tsarist Russia, attempts were made to identify the causes of corruption and limit it by law, but these efforts were inconsistent and short-lived. The fight was waged more against the consequences than against the root causes, without a comprehensive state approach.

The current situation with corruption in Russia is determined by both historical trends and the difficulties of the transition period, which in many countries was accompanied by an increase in corruption. The key factors contributing to the development of corruption, in addition to the inefficiency of the state apparatus and certain cultural traditions, are:

– a sharp transition to a new economic system without an adequate legal framework and culture;

– the absence of a developed legal system and corresponding traditions in the Soviet period;

– the destruction of not only the party control system, but also the entire structure of supervisory bodies;

– a significant weakening of state control over compliance with the law.

Thus, to effectively combat corruption, a comprehensive approach is needed that takes into account historical experience, modern realities and is aimed at eliminating the systemic causes of this phenomenon.

Bibliographic list

1. Resolution of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU of May 22, 1991 "On the need to strengthen the fight against crime in the economic sphere" // https: //pisigin.ru/publication-vp/210/sekretariat-ck-kpss-novyj-pristup-staroj-bolezni-iyul-1991/?ysclid=m4ojcl6ody688644616.

2. Artemyev A.B. Anthropology of corruption: monograph / Edited by S.A. Komarov. St. Petersburg: Publishing house of the Law Institute, 2011. 270 p.

3. Artemyev A.B., Komarov S.A. Corruption as a scientific category: article // Law and state: theory and practice. 2012. No. 4. P. 6–10.

4. Volzhenkin B.V. Responsibility for bribery under Russian criminal legislation of the second half of the 19th – early 20th centuries // Jurisprudence. 1991. No. 2. P. 64–70.

5. Klyuchevsky V.O. Terminology of Russian history. Moscow: Pravda, 1989. Vol. 4. 477 p.

6. Nabokov V.D. On the issue of the future orientation of Russian criminal law science // Law. 1915. No. 44. P. 274–279.

7. Plekhova O.A. On the issue of forms and methods of combating corruption in the USSR // Humanitarian and social sciences. 2012. No. 3. P. 171–179.

8. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / Under the general editorship of O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1985. Vol. 2. 517 p.

9. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / Under the general editorship of O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1988. Vol. 6. 431 p.

10. Satarov G. A. et al. Russia and corruption: who will win? // Rossiyskaya Gazeta, 1998, February 19.

For citation: Omarov M.K. Historical genesis of legal regulation of combating corruption in the Russian state: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 36–40.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.32

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.41

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: НОВАЦИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

И.Г. Хидирян*

Аннотация. В данной статье автор предлагает обратить внимание на новеллы правовой регламентации антикоррупционного законодательства. Рассматриваются изменения, которые происходили в антикоррупционных нормативно-правовых актах за последние несколько лет. На основании проведенного анализа автор выявляет наиболее резонансные изменения законодательной базы и прогнозирует перспективы воздействия законодательных новелл на правоприменительную практику.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, новеллы правовой регламентации, антикоррупционное законодательство.

В настоящее время проблемы возрастания уровня коррупции являются достаточно актуальными. Обусловлено сказанное тем, что в соответствии с данными, которые представлены МВД РФ, подразделениями органов внутренних дел РФ в 2023 году было зарегистрировано 26 851 преступлений коррупционного характера [11].

Сказанное так же находит свое подтверждение в выступлении Генерального прокурора РФ И. Краснова в Совете Федерации 24 апреля 2024 года, который в своем отчетном докладе сообщил о том, что проведенные прокурорские проверки позволили выявить около пятидесяти тысяч нарушений со стороны должностных лиц. Примерно пятьсот тысяч государственных служащих были уволены с занимаемой должности за совершение преступления в рассматриваемой области [10]. Указанные данные формируют общее представление о состоянии преступности коррупционной направленности, что является существенной предпосылкой к проведению анализа законодательных новел в рассматриваемой области, а также для прогнозирования их влияния на дальнейшее состояние коррупционной преступности в Российской Федерации.

Проявление коррупции в государстве имеет определенные последствия, которые негативно сказываются на уровне национальной безопас-

* **Хидирян Ирина Гариковна,** студент 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: irina.hidiryan @gmail.com

Научный руководитель – **Анищенко Владимир Николаевич**, профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор. E-mail: anpvladimir@list.ru

ности государства, подрывают конституционно-правовые основы государственности и т.д. Обусловлено сказанное тем, что должностные лица, деятельность которых сопряжена с коррупцией, не исполняют свои служебные обязанности должным образом, а лишь стремятся к получению собственной выгоды, при этом пренебрегая потребностями народа.

Коррупция в государстве приводит к тому, что в разы возрастает криминальная сфера, а неэффективное противодействие коррупции становится фактором, способствующим увеличению коррупционной преступности и преступности в целом.

Помимо указанных выше последствий, коррупция приводит к тому, что возникает определенная угроза верховенству закона, иными словами взятка становится «сильнее» правовой нормы, что также влечет за собой ослабление доверия к органам государственной власти и т.д.

Для снижения уровня коррупционной преступности, необходимо эффективное законодательство, которое должно соответствовать современным реалиям, то есть быть актуальным и эффективным.

Основным законом в рассматриваемой области является Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4] (далее – ФЗ № 273-ФЗ). Также иные нормативные правовые акты содержат нормы антикоррупционного характера, к таким относятся: Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП РФ).

Конституция Российской Федерации не содержит прямого указания на необходимость совершения антикоррупционных действий, однако, если проанализировать положения указанного нормативного правового акта, то целесообразно утверждать, что имеют место определенные положения, которые в той или иной степени относятся к антикоррупционному законодательству, например, ст. 2 Конституции РФ [1, 12].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [7] также отражает определенные вопросы, касающиеся противодействия коррупции, так как деяния рассматриваемого характера приводят к тому, что происходит увеличение влияния преступных организаций на деятельность органов государственной власти.

Современная политическая обстановка, экономические изменения и социальные колебания, а также санкционное воздействие, негативно сказались на внутренней политике России, что требует формирования более высокого уровня экономической составлявшей государства, при этом необходимо усилить контроль за деятельностью государственных органов. Таким образом, требуется постоянное и своевременное совершенствование законодательства в рассматриваемой области.

Итак, ввиду сказанного ранее, предлагается обратить внимание на некоторые изменения в антикоррупционном законодательстве, которые произошли в последние два года и определить, каким образом они повлияли и повлияют в будущем на противодействие коррупции.

1 марта 2023 года в ФЗ № 273-ФЗ вступили в силу поправки, которые были внесены Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 12-ФЗ [6]. Измене-

ния касаются порядка предоставления сведений о доходах депутатами субъектов РФ и органов местного самоуправления, которые, в первом случае, осуществляют свою деятельность независимо от основного рода занятий, а во втором – исполняют свои обязанности на непостоянной основе. Депутаты обязаны предоставить сведения о доходах как своих, так и членов своей семьи, но, только в том случае, если были совершены какие-либо значительные траты. 29 декабря 2022 года был принят Федеральный закон № 591-ФЗ [5]. Устанавливается обязанность государственного служащего сообщать в прокуратуру о том, что в отношении него предпринималась попытка вручения взятки или же предлагалось принять взятку. Также устанавливается, что государственный служащий, который сделал такое уведомление, в обязательном порядке попадает под государственную защиту в соответствии с законодательством. Действие внесенных поправок распространяется на государственных служащих субъектов РФ, например, заместители губернатора, глава администрации и депутаты, члены региональных избирательных комиссий и т.д.

Полагаем, что введение указанной поправки направлено на совершенствование антикоррупционного контроля, так как более жесткий контроль в области расходов и доходов государственных служащих позволит создать эффективное препятствие легализации незаконных доходов. На данный момент в Государственной Думе находится на рассмотрении Проект федерального закона № 645971-8 [9]. Данный проект регламентирует запрет на открытие счетов в иностранных банках самими должностными лицами и их семьями, а равно пользоваться финансовыми инструментами иностранного характера.

Внесение указанных поправок оказывает благоприятное влияние на уровень борьбы с коррупционными преступлениями, так как отсутствие указанного выше запрета в ныне действующем законодательстве является законодательным пробелом, который позволяет государственным служащим использовать возможность открытия счетов в иностранных банках их членами семьи, в целях сокрытия доходов. 12 февраля 2024 года Минтруд России опубликовало письмо № 28-7/10/В-2237 [8], представленное письмо конкретизирует действия лиц, которые не могут предоставить сведения о доходах вовремя по независящим от служащего причинам. Также в письме отражены особенности предоставления сведений о доходах индивидуальных предпринимателей, счетов цифрового рубля и т.д.

В завершении отметим, что новеллы правового регулирования в рассматриваемой области закладывают достаточно прочный фундамент для борьбы с коррупцией в долгосрочной перспективе, так как изменение законодательства приведет к совершенствованию механизмов его применения и, как следствие, к снижению коррупции в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ в ред. от 02.10.2024 № 340-ФЗ // www.consultant.ru

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ в ред. от 08.08.2024 № 285-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // www.consultant.ru

4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ в ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ // www.consultant.ru

5. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 591-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 12-1 Федерального закона «О противодействии коррупции»« // www.consultant.ru

6. Федеральный закон от 06.02.2023 № 12-ФЗ в ред. от 15.05.2024 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // www.consultant.ru

7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // www.consultant.ru

8. Письмо Минтруда России от 12.02.2024 N 28-7/10/В-2237 «О Методических рекомендациях по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2024 году (за отчетный 2023 год)» (вместе с «Основными новеллами в Методических рекомендациях по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2024 году (за отчетный 2023 год)») // Судебные и нормативные акты РФ // URL: https://sudact.ru/law/pismo-mintruda-rossii-ot-12022024-n-28-710v-2237/?ysclid= m1ucgwzl63770842805

9. Проект федерального закона № 645971-8 «О внесении изменений в статью 7.1 Федерального закона "О противодействии коррупции" и статью 2 Федерального закона "О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» (внесен 11.06.2024 Белгородской областной Думой) // URL: https://base.garant.ru/76864178/?ysclid=m1ub9u18hz357912094

10. Названо число совершенных коррупционных правонарушений в России за 2023 год // Главное управление региональной безопасности Московской области // URL: https://gurb.mosreg.ru/protivodeistvie-korrupcii/chasto-zadavaemye-voprosy/novosti-po-teme3/27-04-2024-14-19-57-nazvano-chislo-sovershennykh-korruptsionnykh-pravo?ysclid=m1ue76ggla301548069

11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // https:// xn--b1aew.xn--p1ai/ reports/ item/ 47055751/ ?ysclid=m4progvej6964390816

12. Комментарий к Конституции Российской Федерации (коллектив авторов; под редакцией д.ю.н. С.А. Комарова; издание пятое, перераб. и доп.). – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 410 с.

Для цитирования: *Хидирян И.Г.* Противодействие коррупции: новации правовой регламентации: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 41–44.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.41

COMBATING CORRUPTION: INNOVATIONS IN LEGAL REGULATION

I.G. Khidiryan*

Annotation. In this article, the author suggests paying attention to the innovations in the legal regulation of anti-corruption legislation. The changes that have occurred in anti-corruption regulatory legal acts over the past few years are considered. Based on the analysis, the author identifies the most resonant changes in the legislative framework and predicts the prospects for the impact of legislative innovations on law enforcement practice.

Keywords: corruption, anti-corruption, legal regulation innovations, anti-corruption legislation.

Currently, the problems of increasing corruption levels are quite relevant. This is due to the fact that, according to the data provided by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation registered 26,851 corruption-related crimes in 2023 [11]. This is also confirmed by the speech of the Prosecutor General of the Russian Federation I. Krasnov in the Federation Council on April 24, 2024, who reported in his report that the prosecutor's inspections carried out revealed about fifty thousand violations by officials. About five hundred thousand civil servants were dismissed from their positions for committing a crime in the area under consideration [10]. The data provided form a general idea of the state of corruption-related crime, which is an essential prerequisite for analyzing legislative innovations in the area under consideration, as well as for predicting their impact on the future state of corruption-related crime in the Russian Federation.

The manifestation of corruption in the state has certain consequences that negatively affect the level of national security of the state, undermine the constitutional and legal foundations of statehood, etc. This is due to the fact that officials whose activities are associated with corruption do not perform their official duties properly, but only seek to obtain their own benefit, while neglecting the needs of the people.

Corruption in the state leads to the fact that the criminal sphere increases many times over, and ineffective counteraction to corruption becomes a factor contributing to the increase in corruption-related crime and crime in general. In addition to the above consequences, corruption leads to the emergence of a certain threat to the rule of law, in other words, a bribe becomes “stronger” than the legal norm, which also entails a weakening of trust in government bodies, etc.

* **Khidiryan Irina Garikovna,** 2nd year student of the Master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: irina.hidiryan @gmail.com

Scientific supervisor – **Vladimir Nikolaevich Anishchenko**, professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Technical Sciences, professor. E-mail: anpvladimir@list.ru

To reduce the level of corruption crime, effective legislation is needed, which must correspond to modern realities, that is, be relevant and effective.

The main law in the area under consideration is the Federal Law of the Russian Federation of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" [4] (hereinafter – Federal Law No. 273-FZ). Also, other regulatory legal acts contain anti-corruption norms, such as: the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation) [2] and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses [3] (hereinafter – the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). The Constitution of the Russian Federation does not contain a direct reference to the need to carry out anti-corruption actions, however, if we analyze the provisions of the said normative legal act, it is advisable to assert that there are certain provisions that to one degree or another relate to anti-corruption legislation, for example, Art. 2 of the Constitution of the Russian Federation [1, 12].

The National Security Strategy of the Russian Federation [7] also reflects certain issues related to combating corruption, since acts of this nature lead to the fact that there is an increase in the influence of criminal organizations on the activities of government bodies.

The current political situation, economic changes and social fluctuations, as well as the impact of sanctions, have negatively affected the domestic policy of Russia, which requires the formation of a higher level of the economic component of the state, while it is necessary to strengthen control over the activities of government bodies. Thus, constant and timely improvement of legislation in this area is required.

So, in view of the above, it is proposed to pay attention to some changes in anti-corruption legislation that have occurred in the last two years and determine how they have affected and will affect the fight against corruption in the future.

On March 1, 2023, amendments to Federal Law No. 273-FZ entered into force, which were introduced by Federal Law No. 12-FZ of 06.02.2023 [6]. The changes concern the procedure for providing information on income by deputies of constituent entities of the Russian Federation and local government bodies, who, in the first case, carry out their activities regardless of their main occupation, and in the second, perform their duties on a part-time basis. Deputies are required to provide information on the income of both themselves and their family members, but only if any significant expenses have been made.

On December 29, 2022, Federal Law No. 591-FZ was adopted [5]. The obligation of a civil servant to report to the prosecutor's office that an attempt has been made to give a bribe to him or that he has been offered to accept a bribe is established. It is also established that a civil servant who has made such a notification is subject to mandatory state protection in accordance with the law. The effect of the amendments applies to civil servants of the subjects of the Russian Federation, for example, deputy governors, heads of administration and deputies, members of regional election commissions, etc.

We believe that the introduction of this amendment is aimed at improving anti-corruption control, since stricter control in the area of expenses and

income of civil servants will create an effective obstacle to the legalization of illegal income.

At the moment, the State Duma is considering the Draft Federal Law No. 645971-8 [9]. This project regulates the ban on opening accounts in foreign banks by officials themselves and their families, as well as using foreign financial instruments.

The introduction of these amendments has a positive effect on the level of combating corruption crimes, since the absence of the above ban in the current legislation is a legislative gap that allows civil servants to use the opportunity to open accounts in foreign banks by their family members in order to conceal income.

On February 12, 2024, the Ministry of Labor of Russia published letter No. 28-7/10/B-2237 [8], the presented letter specifies the actions of persons who cannot provide information on income on time for reasons beyond the control of the employee. The letter also reflects the features of providing information on the income of individual entrepreneurs, digital ruble accounts, etc. In conclusion, we note that the innovations in legal regulation in the area under consideration lay a fairly solid foundation for the fight against corruption in the long term, since changes in legislation will lead to improvements in the mechanisms for its application and, as a consequence, to a reduction in corruption in the Russian Federation.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ as amended on 02.10.2024 No. 340-FZ // www.consultant.ru

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ as amended. from 08.08.2024 No. 285-FZ (as amended and supplemented, entered into force on 08.09.2024) // www.consultant.ru

4. Federal Law "On Combating Corruption" from 25.12.2008 No. 273-FZ as amended from 08.08.2024 No. 232-FZ // www.consultant.ru

5. Federal Law from December 29, 2022 No. 591-FZ "On Amendments to Articles 5 and 12-1 of the Federal Law "On Combating Corruption"" // www.consultant.ru

6. Federal Law from 06.02.2023 No. 12-FZ as amended. from 15.05.2024 No. 99-FZ "On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // www.consultant.ru

7. Decree of the President of the Russian Federation from 02.07.2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // www.consultant.ru

8. Letter of the Ministry of Labor of Russia from 12.02.2024 N 28-7/10/B-2237 "On Methodological Recommendations on Submitting Information on Income, Expenses, Property and Property Liabilities and Filling Out the Corresponding Certificate Form in 2024 (for the 2023 Reporting Year)" (together with the "Main Innovations in the Methodological Recommendations on Submitting Information on Income, Expenses, Property and Property Liabilities and filling out the relevant certificate form in 2024 (for the reporting year 2023)") // Judicial and regulatory acts of the Russian Federa-

tion // URL: https://sudact.ru/law/pismo-mintruda-rossii-ot-12022024-n-28-710v-2237/? ysclid= m1ucgwzl63770842805

9. Draft federal law No. 645971-8 "On Amendments to Article 7.1 of the Federal Law "On Combating Corruption" and Article 2 of the Federal Law "On the Prohibition of Certain Categories of Persons from Opening and Having Accounts (Deposits), Keeping Cash and Valuables in Foreign Banks Located Outside the Territory of the Russian Federation, Owning and (or) Using Foreign Financial Instruments" (submitted on 11.06.2024 by the Belgorod Regional Duma) // URL: https://base.garant.ru/76864178/?ysclid=m1ub9u18hz357912094

10. The number of corruption offenses committed in Russia in 2023 has been named // Main Directorate of Regional Security of the Moscow Region // URL: https: // gurb.mosreg.ru/protivodeistvie-korrupcii/chasto-zadavaemye-voprosy/novostipo-te me3/27-04-2024-14-19-57-nazvano-chislo-sovershennykh-kor-ruptsionnykh-pravo? ysclid=m1ue76ggla301548069

11. The state of crime in Russia for January-December 2023 // https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/47055751/?ysclid=m4progvej6964390816

12. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (collective authors; edited by Doctor of Law S.A. Komarov; fifth edition, revised and enlarged). Moscow: Publishing House Yurait, 2023. 410 p.

For citation: Khidiryan I.G. Combating corruption: innovations in legal regulation: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 45–48.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.41

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 336.225.673
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.49

ВЛИЯНИЕ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

М.А. Атмажитова*

Аннотация. На протяжении всей истории развития государств бюджетные средства выступали в качестве гаранта обеспечения стабильности экономики и соблюдения бюджетных приоритетов, вносили свой вклад в поддержание социальной справедливости. В общем смысле этого слова, бюджетные средства – это денежные ресурсы государства, которые, как правило, направляются на реализацию программ и проектов, способствующих развитию инфраструктуры, образования, здравоохранения и социальной защиты населения. И хотя влияние бюджетных средств на развитие того или иного государства нельзя недооценивать, вопреки здравому смыслу на сегодняшний день нередко можно столкнуться с нецелевым их использованием, что деструктивно влияет на функционирование общества в целом.

Данный феномен находит свое отражение в неправомерном использовании бюджетных средств, их растрате, коррупции, а также во многом другом. Становится очевидно, что в таких условиях планы развития государства не могут быть достигнуты в полной мере, а социальная справедливость и финансовая система ставятся под угрозу. Более того, государство рискует потерять свой самый ценный ресурс, а именно доверие граждан. Цель этой статьи состоит в том, чтобы рассмотреть проблему нецелевого расходования бюджетных средств, выяснить причины и последствия этого явления, а также предложить решения.

Ключевые слова: нецелевое расходование бюджетных средств, коррупция, социальное неравенство, злоупотребление властью.

В настоящее время одними из самых злободневных проблем в контексте государственного управления являются коррупция и злоупотребление властью, которые, несмотря на многочисленные попытки их пресечения, все еще оказывают свое деструктивное влияние на государство и общество в целом. Для их даль-

* **Атмажитова Мария Александровна,** студент 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: atma01@mail.ru

Научный руководитель – **Костюк Михаил Фёдорович,** профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kost-mf@yandex.ru

нейшего рассмотрения будет целесообразно дать определение этим двум понятиям.

В соответствии со статьей 285 УК РФ злоупотребление властью – это использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [2]. Иными словами, это явление, при котором чиновники или другие лица, обладающие властью, злоупотребляют своим положением ради личной выгоды. Необоснованное использование власти для подавления оппозиции, нарушение прав граждан, манипуляции с законодательством или искажение информации в интересах узкой группы лиц – все это представляет собой одни из многочисленных проявлений вышеупомянутого тезиса.

В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ “О противодействии коррупции” коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [3]. Если говорить более сжато и простыми словами, то коррупция нацелена на удовлетворение собственных интересов государственного служащего или другого лица с использованием таких инструментов, как взяточничество, отмывание денег, заключение недобросовестных сделок или простого злоупотребления доверием.

Влияние коррупции достаточно часто выходит за рамки сфер политики и экономики. Так, в здравоохранении она подрывает доверие к медицинским услугам и препятствует доступу к лекарственным препаратам. В образовании она искажает процесс обучения через взяточничество и плагиат, ущемляя право на качественное знание. В судебной системе она разрушает основы справедливости, превращая суды в инструмент для богатых и влиятельных. В СМИ она творит цензуру и манипуляцию информацией, лишая общество правдивого освещения событий. Даже в сфере благотворительности она вырастает в виде неправомерного распределения средств, ослабляя доверие к этому благородному делу.

Становится очевидным, что без должного контроля за надлежащим использованием бюджетных средств со стороны государственного аппарата общество не сможет исправно функционировать и устойчиво развиваться. Хотелось бы рассмотреть некоторые законодательные меры пресечения нецелевого использования бюджетных средств как в отечественной, так и в иностранной практике. Нецелевое расходование бюджетных средств [5, с. 45] – это использование государственных финансов для целей, не соответствующих бюджетным планам и приоритетам.

Так, в Российской Федерации данную сферу регулирует статья 15.14 КоАП РФ [1], а также статьи 285.1 и 285.2 УК РФ [2], а контроль и надзор за

нецелевым использованием бюджетных средств ведут Счетная палата РФ и прокуратура. Если говорить про Европейский союз, то стоит отметить два основных инструмента – Европейское бюро по борьбе с мошенничеством и Систему раннего обнаружения и исключения [8]. Первое нацелено на выявление и пресечение на ранних этапах всяких видов мошенничества, в то время как второе ориентировано на расследование вопросов, связанных с мошенничеством, коррупцией и другими правонарушениями, касающимися всех расходов ЕС, некоторых статей доходов и подозрений в серьезных неправомерных действиях со стороны сотрудников ЕС и членов институтов ЕС.

Присутствует широкое понимание того, что нецелевое использование бюджетных средств носит куда более комплексный и широкий характер, а потому коррупция и злоупотребление властью не являются единственными его проявлениями и причинами. Угрозу финансовой устойчивости общества также представляют недостаточная прозрачность государственных финансовых операций и отсутствие должного контроля за бюджетированием. Первопричин у вышеупомянутого много, однако, наиболее понятными из них являются несовершенство системы учета, проведение скрытых операций, а также отсутствие детализации данных.

В современных условиях цифровизация государственного управления является одним из приоритетов развития государства [4], однако далеко не все национальные экономики полностью интегрировали в свои государственные системы ее элементы. В этой связи хочется отметить, что отсутствие должного уровня автоматизации и цифровизации скорее всего способны подорвать финансовую стабильность государства, ведь в таких условиях приходится прибегать к ручному вводу данных, что сопровождается многочисленными ошибками из-за человеческого фактора, дублированием данных, а также задержками в обработке информации, что может быть критично в процессе принятия решений, а также искажать реальное положение дел.

Далее хотелось бы более конкретно рассмотреть последствия, к которым приводит нецелевое использование бюджетных средств, а также сферы, которые наиболее являются наиболее уязвимыми в данном контексте. Одними из самых очевидных пунктов являются ослабление финансовых ресурсов и деградация инфраструктуры. Понятно, что в условиях нецелевого использования бюджетных средств заранее намеченные государственные программы и проекты не получат должного финансирования, из-за чего пострадает качество предоставляемых услуг. Хочется привести пример на одной из наиболее часто упоминаемых проблем в Российской Федерации – дорожной инфраструктуре. На сегодняшний день большое количество финансовых средств выделяется из государственного бюджета на реализацию дорожных проектов, однако при нецелевом их использовании замедляется обновление дорог, снизится уровень безопасности и удобства для жителей.

Другими уязвимыми секторами являются здравоохранение и образование, которые являются одними из наиболее значимых для населения. Так, недостаточное финансирование образовательных учреждений влечет

за собой нехватку учебных материалов, оборудования и квалифицированных преподавателей, что мешает учащимся получить качественное образование. То же самое относится и к здравоохранению: недостаточное финансирование больниц и медицинских учреждений приводит к нехватке медицинского оборудования, лекарств и квалифицированных специалистов, что ухудшает доступность и качество медицинских услуг для населения.

Однако наиболее серьезным и деструктивным последствием нецелевого использования бюджетных средств является обострение проблемы социального неравенства. Социальное неравенство – это неравенство в распределении доходов, богатства и возможностей между различными социальными слоями населения [6]. Следует согласиться с позицией М.Сирилла, Вице-президента по Европе и Центральной Азии, Группа Всемирного банка, что «Когда мы говорим о неравенстве на уровне одной страны, то мы наблюдаем рост напряженности, связанный с распределением дохода. <…> С учетом текущей экономической модели большинство представителей среднего класса будет формироваться из тех, кто относится к более высокой части распределения доходов. Экономический рост несет с собой новые возможности. Но новые возможности – этого мало. Доступ к образованию расширяется, и это происходит во всем мире, но даже если то, что вы приобретаете в качестве знания, должно открыть вам возможности, – то этого тоже мало. Равенство – это справедливость в распределении таких возможностей. Поэтому люди полагают, что они не участвуют в должной мере в жизни общества» [7].

В этой связи для решения проблемы социального неравенства национальные экономики разрабатывают специальные государственные программы поддержки населения, которые направлены на предоставление помощи наиболее уязвимым слоям. Однако в сегодняшних реалиях появляются новые вызовы, с которыми необходимо бороться. Например, невозможно отрицать стремительное развитие технологий, что неизбежно ведет к снижению рабочих мест. Оптимальным решением данной проблемы могло бы стать предоставление гражданам доступа к профессиональной подготовке, однако далеко не все могут позволить себе получение высшего образования.

Невозможно игнорировать и демографические изменения, происходящие в обществе. Вместе со стремительным развитием медицины и здравоохранения продолжительность жизни, очевидно, увеличилась. Однако вместе с тем слой пожилого населения тоже приобрел больший масштаб, из-за чего требуется больше вложений в пенсии и медицинское обслуживание.

Учитывая вышесказанное, становится очевидным, что без должной поддержки государства и его финансовых вложений решение вышеупомянутых проблем видится невозможным. Однако в условиях существования проблемы нецелевого использования бюджетных средств бедные слои населения, которые так сильно полагаются на соответствующую инфраструктуру, могут оказаться в куда более уязвимом положении.

Для простоты понимания целесообразно будет визуализировать информацию, касающуюся причин и следствий разрушающих последствий для государственных программ по поддержке уязвимых слоев населения.

Причины	Следствия
Экономический спад	Сокращение финансирования социальных программ
Политическая нестабильность	Заморозка или снижение уровня социальной поддержки
Демографические изменения	Увеличение давления на существующие системы поддержки
Коррупция и злоупотребления	Неравномерное распределение социальных льгот и помощи
Недостаточная эффективность программ	Увеличение числа людей, оставшихся без поддержки
Инфляция	Снижение покупательной способности социальных пособий

Таблица №1. Причины и следствия негативных последствий нецелевого расходования бюджетных средств для социальных программ и поддержки населения

Проведенное исследование позволяет с уверенностью заявить, что нецелевое использование бюджетных средств неизбежно ведет к подрыву экономической стабильности, социальной справедливости и политической устойчивости. Было выявлено, что коррупция и злоупотребление властью – это одни из самых очевидных причин рассматриваемого феномена, которые проникают как в сферы политики и экономики, так и в различного рода государственные институты, бизнес, образование, судебную систему, здравоохранение, СМИ и даже в благотворительность. В статье уделялось внимание недостаткам в системе контроля и управления финансами, которые действительно могут стать причиной финансовых преступлений и потерь.

Недостаточная прозрачность, недостаточная автоматизация, отсутствие интеграции между системами управления и учета, недостаточный контроль за расходами и бюджетированием, а также недостаточная защита от мошенничества и ошибок – все это проблемы, которые требуют серьезного внимания и своевременного пресечения. Был сделан вывод о том, что ввиду специфики и масштаба проблемы нецелевого использования бюджетных средств эффективен будет исключительно комплексный подход. Этот подход должен включать в себя законодательные меры, общественное просвещение, укрепление институтов гражданского общества, эффективное пресечение коррумпированных практик, а также модернизацию систем контроля и управления финансами с упором на прозрачность, автоматизацию, интеграцию и защиту от мошенничества.

Библиографический список

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.12.2024) // www.consultant.ru

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // www.consultant.ru

3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // www.consultant.ru

4. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 17–27.

5. *Лисенкова Н.А.* Нецелевое расходование бюджетных средств // https: // cyberleninka.ru/article/n/ netselevoe-rashodovanie-byudzhetnyh-sredstv?ysclid=m4fl-7t4hnx220423429.

6. *Семёнов М.И., Шепляков И.О.* Социальные неравенства: причины и последствия. 59-я Научная Конференция Аспирантов, Магистрантов и Студентов БГУИР, Минск, 2023 // https: //libeldoc.bsuir.by/bitstream/ 123456789/52881/1/ Semenov_Socialnie.pdf

7. *Мюллер С.* Ком растет. Социальное неравенство как глобальная проблема и роль бизнеса в ее решении // https://roscongress.org/sessions/kom-rastet-sotsialnoe-neravenstvo-kak-globalnaya-problema-i-rol-biznesa-v-ee-reshenii/discussion/

8. An official website of the European Union. EU anti-fraud measures // https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/how-it-works/ annual-lifecycle/implementation/anti-fraud-measures_en

Для цитирования: *Атмажитова М.А.* Влияние нецелевого расходования бюджетных средств на социально-экономические отношения: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 49–54.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.49

THE IMPACT OF MISAPPROPRIATION OF BUDGET FUNDS ON SOCIO-ECONOMIC RELATIONS

M.A. Atmazhitova*

Annotation. Throughout the history of the development of the state apparatus and public administration, budgetary institutions have acted as a guarantor of ensuring the stability of the economy and compliance with budget priorities, as well as contributing to the maintenance of social justice. In the general sense of the word, budgetary funds are the monetary resources of the state, which are usually directed to the implementation of programs and projects that contribute to the development of infrastructure, education, health and social protection of the population. And although the impact of budgetary funds on the development of a particular state cannot be underestimated, contrary to common sense, today it is often possible to encounter their misuse, which has a destructive effect on the functioning of society as a whole.

This phenomenon is reflected in the misuse of budgetary funds, their embezzlement, corruption, as well as many other things. It becomes obvious that in such conditions, the development plans of the state cannot be fully achieved, and social justice and the financial system are put at risk. Moreover, the state risks losing its most valuable resource, namely the trust of citizens in the state. The purpose of this article is to consider the problem of misuse of budget funds, to find out the causes and consequences of this phenomenon, and to propose solutions.

* **Atmazhitova Maria Aleksandrovna,** 2nd year master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University. E-mail: atma01@mail.ru

Supervisor: **Mikhail Fedorovich Kostyuk**, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor. E-mail:

Keywords: misuse of budget funds, corruption, social inequality, abuse of power.

Today, some of the most pressing issues in the context of public administration are corruption and abuse of power, which, despite numerous attempts to suppress them, still have a destructive impact on the state and society as a whole. For their further consideration, it will be appropriate to define these two concepts.

In accordance with Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, abuse of power is the use by an official of his official powers contrary to the interests of the service, if this act is committed out of selfish or other personal interest and entails a significant violation of the rights and legitimate interests of citizens or organizations or the legally protected interests of society or the state [2]. In other words, this is a phenomenon in which officials or other persons in power abuse their position for personal gain. Unreasonable use of power to suppress the opposition, violation of citizens' rights, manipulation of legislation or distortion of information in the interests of a narrow group of people – all this is one of the many manifestations of the above thesis.

According to Federal Law No. 273-FZ "On Combating Corruption", corruption is the abuse of official position, giving a bribe, receiving a bribe, abuse of authority, commercial bribery or other illegal use by an individual of his official position contrary to the legitimate interests of society and the state in order to obtain benefits in the form of money, valuables, other property or property services, other property rights for oneself or for third parties, or the illegal provision of such benefits to the said person by other individuals [3]. In more concise and simple terms, corruption is aimed at satisfying the interests of a civil servant or other person using such tools as bribery, money laundering, concluding unfair transactions or simple abuse of trust.

The impact of corruption often goes beyond the spheres of politics and economics. Thus, in healthcare, it undermines trust in medical services and hinders access to medicines. In education, it distorts the learning process through bribery and plagiarism, infringing on the right to quality knowledge. In the judicial system, it destroys the foundations of justice, turning the courts into a tool for the rich and influential. In the media, it creates censorship and manipulation of information, depriving society of truthful coverage of events. Even in the sphere of charity, it grows in the form of unlawful distribution of funds, weakening trust in this noble cause.

It becomes obvious that without proper control over the proper use of budgetary funds by the state apparatus, society will not be able to function properly and develop sustainably. I would like to consider some legislative measures to prevent the misuse of budgetary funds in both domestic and foreign practice. Misuse of budgetary funds [5, p. 45] is the use of public finances for purposes that do not correspond to budget plans and priorities.

Thus, in the Russian Federation, this area is regulated by Article 15.14 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [1], as well as Articles 285.1 and 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation [2], and control and supervision over the misuse of budget funds is carried out by the Accounts Chamber of the Russian Federation and the prosecutor's office. If we talk about the European Union, it is worth noting two main instruments – the Europe-

an Anti-Fraud Office and the Early Detection and Exclusion System [8]. The first is aimed at identifying and preventing all types of fraud at an early stage, while the second is focused on investigating issues related to fraud, corruption and other offenses related to all EU expenditure, some income items and suspicions of serious illegal actions on the part of EU employees and members of EU institutions.

There is a broad understanding that the misuse of budget funds is much more complex and extensive, and therefore corruption and abuse of power are not its only manifestations and causes. The financial stability of society is also threatened by insufficient transparency of public financial transactions and the lack of proper control over budgeting. There are many root causes of the above, however, the most understandable of them are the imperfection of the accounting system, hidden transactions, and the lack of data detail.

In modern conditions, digitalization of public administration is one of the priorities for the development of the state [4], but not all national economies have fully integrated its elements into their state systems. In this regard, it should be noted that the lack of an adequate level of automation and digitalization is likely to undermine the financial stability of the state, because in such conditions it is necessary to resort to manual data entry, which is accompanied by numerous errors due to the human factor, duplication of data, as well as delays in processing information, which can be critical in the decision-making process, and also distort the real state of affairs.

Next, I would like to consider in more detail the consequences of the misuse of budget funds, as well as the areas that are most vulnerable in this context. Some of the most obvious points are the weakening of financial resources and the degradation of infrastructure. It is clear that in the context of the misuse of budget funds, previously planned state programs and projects will not receive adequate funding, which will affect the quality of services provided. I would like to give an example of one of the most frequently mentioned problems in the Russian Federation – road infrastructure. Today, a large amount of funds are allocated from the state budget for the implementation of road projects, but if they are used inappropriately, road renovation slows down, the level of safety and convenience for residents decreases.

Other vulnerable sectors are healthcare and education, which are among the most important for the population. Thus, insufficient funding of educational institutions entails a shortage of teaching materials, equipment and qualified teachers, which prevents students from receiving a quality education. The same applies to healthcare: underfunding of hospitals and medical institutions leads to a shortage of medical equipment, medicines and qualified specialists, which worsens the availability and quality of medical services for the population. However, the most serious and destructive consequence of the misuse of budget funds is the aggravation of the problem of social inequality. Social inequality is the inequality in the distribution of income, wealth and opportunities between different social strata of the population [6]. We should agree with the position of M. Cyril, Vice President for Europe and Central Asia, World Bank Group, that “When we talk about inequality at the level of one country, we are seeing increasing tensions associated with the distribution of income. <…> Given the current economic model, most of the middle class will be formed from those who be-

long to the higher part of the income distribution. Economic growth brings new opportunities. But new opportunities are not enough. Access to education is expanding, and this is happening all over the world, but even if what you acquire as knowledge should open up opportunities for you, this is not enough. Equality is fairness in the distribution of such opportunities. Therefore, people believe that they do not participate in the life of society to the extent they should" [7].

In this regard, in order to solve the problem of social inequality, national economies are developing special state programs to support the population, which are aimed at providing assistance to the most vulnerable groups. However, in today's realities, new challenges are emerging that must be addressed. For example, it is impossible to deny the rapid development of technology, which inevitably leads to a reduction in jobs. The optimal solution to this problem could be to provide citizens with access to professional training, but not everyone can afford to receive higher education.

It is also impossible to ignore the demographic changes taking place in society. Along with the rapid development of medicine and health care, life expectancy has obviously increased. However, at the same time, the elderly population has also become larger, which requires more investment in pensions and health care.

Taking into account the above, it becomes obvious that without proper state support and its financial investments, solving the above-mentioned problems seems impossible. However, in the context of the problem of misuse of budget funds, the poor strata of the population, who rely so much on the relevant infrastructure, may find themselves in a much more vulnerable position.

For ease of understanding, it would be appropriate to visualize information regarding the causes and effects of destructive consequences for state programs to support vulnerable strata of the population.

Causes	Consequences
Economic decline	Reduction in funding for social programs
Political instability	Freezing or reducing the level of social support
Demographic changes	Increasing pressure on existing support systems
Corruption and abuse	Uneven distribution of social benefits and assistance
Ineffectiveness of programs	Increasing the number of people left without support
Inflation	Reduction in the purchasing power of social benefits

Table No. 1. Causes and consequences of negative consequences of misuse of budget funds for social programs and population support

The conducted research allows us to state with confidence that the misuse of budget funds inevitably leads to the undermining of economic stability, social justice and political sustainability. It was revealed that corruption and abuse of power are some of the most obvious causes of the phenomenon in question, which penetrate both the spheres of politics and economics, and var-

ious types of state institutions, business, education, the judicial system, health care, the media and even charity. The article paid attention to the shortcomings in the financial control and management system, which can really cause financial crimes and losses.

Insufficient transparency, insufficient automation, lack of integration between management and accounting systems, insufficient control over expenses and budgeting, as well as insufficient protection against fraud and errors – all these are problems that require serious attention and timely suppression. It was concluded that, given the specifics and scale of the problem of misuse of budget funds, only a comprehensive approach will be effective. This approach should include legislative measures, public education, strengthening civil society institutions, effectively combating corrupt practices, and modernizing financial control and management systems with an emphasis on transparency, automation, integration and protection from fraud.

Bibliography list

1. "The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 23.11.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 04.12.2024) // www.consultant.ru

2. "The Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 02.10.2024) // www.consultant.ru

3. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Combating Corruption" // www.consultant.ru

4. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional Electronic State in the Context of the Functioning of the Information (Cybernetic) Civilization: Theoretical and Legal Analysis // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2019. No. 1. P. 17–27.

5. Lisenkova N.A. Misappropriation of Budget Funds // https: // cyberleninka.ru/ article/n/ netselevoe-rashodovanie-byudzhetnyh-sredstv?ysclid=m4fl-7t4hnx22 0423429.

6. Semenov M.I., Sheplyakov I.O. Social Inequalities: Causes and Consequences. 59th Scientific Conference of Postgraduate, Master's and Undergraduate Students of BSUIR, Minsk, 2023 // https: //libeldoc.bsuir.by/bitstream/ 123456789/ 52881/ 1/ Semenov_Socialnie.pdf

7. Muller S. Kom grows. Social inequality as a global problem and the role of business in its solution // https://roscongress.org/sessions/kom-rastet-sotsialnoe-neravenstvo-kak-globalnaya-problema-i-rol-biznesa-v-ee-reshenii/discussion/

8. An official website of the European Union. EU anti-fraud measures // https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/how-it-works/ annual-lifecycle/implementation/anti-fraud-measures_en

For citation: Atmazhitova M.A. The Impact of Misappropriation of Budget Funds on Socio-Economic Relations: Article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 54–58.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.49

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 336.225.673
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.59

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ФИНАНСОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.Ю. Григорьева*

Аннотация. В статье рассматриваются цифровые технологии, применяемые руководителем при принятии управленческих решений в сфере экономики. Проводится анализ эффективности их использования, а также вопросы ответственности за принимаемые управленческие решения.

Ключевые слова: цифровизация, управленческие решения, ответственность, цифровые технологии, экономика, анализ.

В современном мире цифровые технологии играют одну из важнейших ролей при принятии управленческих решений в различных сферах государственной и общественной жизни [6; 11]. В сфере экономики, где осуществляются основные процессы по производству, распределению, перераспределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг использование цифровых технологий играет все возрастающую роль. Любой экономический процесс не происходит стихийно, а в определенной мере зависят от решений человека. При принятии управленческих решений, руководителю необходимо анализировать экономическую ситуацию не только отдельно взятого предприятия, но и государства в целом, чтобы прийти к наиболее целесообразному решению. Этим обосновывает тот факт, что руководители обращаются к анализу данных о хозяйственно-экономической деятельности организации (предприятия), для оптимизации процесса принятия управленческих решений и повышения их эффективности.

Вместе с этим, актуализируется вопрос об ответственности за принимаемые решения, которая определяется с учетом наступивших последствий. При принятии управленческих решений активно используются большие данные, которые включают в себя данные процессов и транзакций учетных систем, информация с устройств интернета вещей, данные об использовании мобильных приложений и веб-сервисов [7, с.11]. Благодаря

* **Григорьева Александра Юрьевна,** студентка 1 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: grisasha11@gmail.com

Научный руководитель – **Костюк Михаил Федорович,** профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kost-mf@yandex.ru

анализу имеющейся информации, появляется возможность определить основные направления развития экономических процессов, строить прогнозы будущих событий в финансовой сфере. Такой обширный анализ дает руководителю возможность принять обоснованное решение и оперативно реагировать на изменения в экономической среде.

Во многих компаниях при принятии управленческих решений активно используются технологии блокчейн, которые обеспечивают прозрачность и надежность предпринимаемых действий. Такая система используется при создании быстрых и эффективных систем платежей и переводов, что позволяет отслеживать совершение финансовых транзакций, а также эффективно управлять финансовыми активами. Например, Сбербанк еще в 2018 году создал свою блокчейн-лабораторию, которая исследует новейшие технологии в области блокчейна, формирует и предлагает идеи по развитию решений на из базе [9]. Такая система позволяет обеспечивать безопасность транзакций и защиту данных клиентов.

При принятии управленческих решений в сфере экономики с использованием цифровых технологий необходимо учитывать несколько аспектов. Во-первых, согласно Федеральному закону "О персональных данных" от 27.07.2006 № 152-ФЗ [4], организации обязаны обеспечивать защиту персональных данных, как своих клиентов, так и сотрудников и, следовательно, принимать меры по обеспечению безопасности такой информации. Помимо персональных данных, при принятии управленческих решений также важно защищать коммерческую или иную тайну. Во-вторых, актуализируется проблема ответственности за ошибки и последствий управленческих решений, принятых с использованием цифровых технологий.

Ответственность за принимаемые и осуществляемые управленческие решения является категорией не только этики, но и права. Она характеризует меру соответствия действий отдельного человека, группы людей или общества взаимным требованиям, исторически конкретным социальным нормам, общим интересам [8, с.77]. Ответственность может быть юридической, включая уголовную, административную, гражданско-правовую, материальную и дисциплинарную. Отдельно следует выделить моральную ответственность, как результат принятия неэффективного решения, вызывающего негативную оценку окружающих.

Руководители финансовых организаций могут быть привлечены к административной ответственности за нарушения законодательства в области финансов, такие как неправильное ведение бухгалтерского учета, несоблюдение правил регулирования и т.д. КоАП РФ [3] предусматривает отдельную главу, которая посвящена административным правонарушениям против порядка управления. Анализ судебной статистики показал, что всего за 2022 год было совершено порядка 500 тысяч правонарушений данной категории, и назначено штрафов на сумму 2 876 533 тысяч рублей [10].

В рамках гражданско-правовой ответственности, руководители могут быть обязаны компенсировать убытки, причиненные своими действиями или бездействием, финансовым организациям, клиентам или третьим лицам. Например, статья 1022 ГК РФ возлагает ответственность на доверительного управляющего за причиненные убытки в следствие

отсутствия должной заботливости управляющего об интересах выгодоприобретателя [1].

Наиболее суровой из видов юридической ответственности представляется уголовная ответственность. Она включает в себя, преимущественно, две категории преступлений: преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях и преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [2]. Сложность в реализации уголовной ответственности заключается в разграничении данных категорий друг от друга, и при квалификации таких действий необходимо обращать внимание на законодательные критерии поведения должностного лица. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях непосредственно не причиняют вреда интересам государственных органов, а также не противоречат основам ее деятельности.

Назначение ответственности за управленческие решения в сфере экономики, принятых с использованием цифровых технологий, обладает несколькими особенностями, так как в данном случае, необходимо определять на каком этапе была совершена ошибка.

Во-первых, в случае, если ошибка совершена на этапе анализа данных информационной системой, ответственность за нее должна ложиться на разработчиков и поставщиков технологий, так как именно они должны обеспечивать прозрачность в работе алгоритмов и предотвращать их негативное воздействие на принятие управленческих решений в сфере финансов.

Во-вторых, руководитель, принимающий решение, несет ответственность за то, как внедряется и используется искусственный интеллект в организации. На руководителя возлагается обязанность по применению необходимых мер для обеспечения прозрачности и справедливости в принятии решений, основанных на анализе данных и алгоритмах искусственного интеллекта.

В-третьих, моральная ответственность за использование цифровых технологий при принятии управленческих решений в сфере финансов в какой-то мере ложится на общество, так как граждане должны быть проинформированы о всех возможных рисках использования цифровых технологий.

Помимо рисков совершения ошибок в системе, в цифровой среде постоянно сохраняются риски кибератак. В частности, именно пользователи технологий блокчейн, о которых мы говорили раньше, чаще всего становятся объектами атак. Атаки выполняются в целях перехвата управления активами пользователей и их кражи, причинения вреда деятельности компаний и государств, в том числе для хищения финансовых средств, подлога при исполнении контрактных обязательств и разрушения бизнес-процессов, основанных на блокчейн, что приводит к существенным убыткам [7, с. 23]. В таких случаях персональная ответственность за обеспечение информационной безопасности будет возлагаться на руководителей органов и организаций, о чем говорится в Указе Президента № 250 [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что использование цифровых технологий в принятии управленческих решений вызывает сложности при определении ответственности. Для того, чтобы увеличить прозрачность и повысить эффективность в назначении ответственности необходимо внедрить механизмы аудита алгоритмов искусственного интеллекта, которые используются в управленческих решениях, чтобы обеспечить их справедливости. Помимо этого, необходимо обеспечивать дальнейшее исследование этических аспектов применения цифровых технологий в управленческих решениях, что позволит развивать более эффективные и справедливые методы принятия решений. Наконец, некоторые государственные органы (например, Росстат, Роспотребнадзор) могут обеспечивать сотрудничество с компаниями, с целью создания соответствующих нормативных актов, которые обеспечивали бы безопасность использования цифровых технологий в управленческих решениях.

Библиографический список

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // www.consultant.ru

2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

4. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 № 152-ФЗ // www.consultant.ru

5. Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 № 250 "О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации" // www.consultant.ru

6. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 79–99.

7. Девиации в цифровом мире: уголовно-правовое измерение (Часть II): научно-практическое пособие / под ред. Ю.В. Грачевой. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. – 120 с.

8. Разработка управленческих решений: Учебно-методическое пособие. // Захарова Ю.В., Мосина Л.А., Чухманова М.В. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2019. – 125 с.

9. Сбербанк запустил блокчейн-лабораторию [Электронный ресурс] // https://clck.ru/38wUHu (Дата обращения: 15.03.2024).

10. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // https://stat.xn-7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/adm/t/31/s/79 (Дата обращения: 02.04.2024)

11. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

Для цитирования: *Григорьева А.Ю.* Ответственность при принятии управленческих решений в сфере финансов с использованием цифровых технологий: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С.59–62.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.59

RESPONSIBILITY IN MAKING MANAGERIAL DECISIONS IN THE FIELD OF FINANCE USING DIGITAL TECHNOLOGIES

A. Yu. Grigorieva*

Annotation: The article discusses digital technologies used by the head in making managerial decisions in the field of economics. The effectiveness of their use is analyzed, as well as issues of responsibility for management decisions.

Key words: digitalization, management decisions, responsibility, digital technologies, economics, analysis.

In the modern world, digital technologies play one of the most important roles in making management decisions in various spheres of state and public life [6; 11]. In the economic sphere, where the main processes of production, distribution, redistribution, exchange and consumption of material goods and services are carried out, the use of digital technologies plays an ever-increasing role. Any economic process does not occur spontaneously, but to a certain extent depends on human decisions. When making management decisions, the manager needs to analyze the economic situation not only of an individual enterprise, but also of the state as a whole in order to come to the most appropriate decision. This justifies the fact that managers turn to the analysis of data on the economic activities of the organization (enterprise) in order to optimize the process of making management decisions and increase their efficiency.

At the same time, the issue of responsibility for the decisions made is becoming more relevant, which is determined taking into account the consequences that have occurred. When making management decisions, big data is actively used, which includes data from processes and transactions of accounting systems, information from Internet of Things devices, data on the use of mobile applications and web services [7, p. 11]. By analyzing the available information, it becomes possible to determine the main directions of development of economic processes, to make forecasts of future events in the financial sector. Such an extensive analysis gives the manager the opportunity to make an informed decision and quickly respond to changes in the economic environment.

Many companies actively use blockchain technologies when making management decisions, which ensure the transparency and reliability of the actions taken. Such a system is used to create fast and efficient payment and transfer systems, which allows you to track financial transactions, as well as effectively manage financial assets. For example, Sberbank created its own blockchain laboratory back in 2018, which explores the latest technologies in the field of blockchain, generates and offers ideas for the development of solu-

* **Grigorieva Alexandra Yuryevna,** 1st year student of the Master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: grisasha11@gmail.com

Academic supervisor – **Kostyuk Mikhail Fedorovich**, professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, professor. E-mail: kost-mf@ yandex.ru

tions based on them [9]. Such a system ensures the security of transactions and the protection of customer data.

When making management decisions in the economic sphere using digital technologies, several aspects must be taken into account. Firstly, according to the Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 No. 152-FZ [4], organizations are obliged to ensure the protection of personal data of both their clients and employees and, therefore, take measures to ensure the security of such information. In addition to personal data, when making management decisions, it is also important to protect commercial or other secrets. Secondly, the problem of responsibility for errors and the consequences of management decisions made using digital technologies is becoming more relevant.

Responsibility for management decisions made and implemented is a category of not only ethics, but also law. It characterizes the degree to which the actions of an individual, a group of people or society comply with mutual requirements, historically specific social norms, and common interests [8, p. 77]. Responsibility can be legal, including criminal, administrative, civil, material and disciplinary. Moral responsibility should be singled out separately, as a result of making an ineffective decision that causes a negative assessment of others.

Heads of financial institutions may be subject to administrative liability for violations of financial legislation, such as improper accounting, failure to comply with regulatory rules, etc. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [3] provides a separate chapter devoted to administrative offenses against management procedures. An analysis of judicial statistics showed that in 2022 alone, about 500 thousand offenses of this category were committed, and fines in the amount of 2,876,533 thousand rubles were imposed [10].

Within the framework of civil liability, managers may be obliged to compensate for losses caused by their actions or inaction to financial institutions, clients or third parties. For example, Article 1022 of the Civil Code of the Russian Federation imposes liability on the trustee for losses caused due to the lack of due care by the manager for the interests of the beneficiary [1].

The most severe type of legal liability is criminal liability. It mainly includes two categories of crimes: crimes against the interests of service in commercial and other organizations and crimes against state power, the interests of the civil service and service in local government bodies [2]. The difficulty in implementing criminal liability lies in distinguishing these categories from each other, and when qualifying such actions, it is necessary to pay attention to the legislative criteria for the behavior of an official. Crimes against the interests of service in commercial and other organizations do not directly harm the interests of state bodies, and do not contradict the principles of its activities.

Assigning responsibility for management decisions in the economic sphere made using digital technologies has several features, since in this case, it is necessary to determine at what stage the error was made.

Firstly, if an error is made at the stage of data analysis by an information system, responsibility for it should fall on the developers and suppliers of technologies, since they must ensure transparency in the operation of algorithms

and prevent their negative impact on the adoption of management decisions in the financial sphere.

Secondly, the decision-maker is responsible for how artificial intelligence is implemented and used in the organization. The manager is obliged to apply the necessary measures to ensure transparency and fairness in decision-making based on data analysis and artificial intelligence algorithms.

Thirdly, the moral responsibility for the use of digital technologies in making management decisions in the financial sector falls to some extent on society, since citizens must be informed of all possible risks of using digital technologies.

In addition to the risks of making errors in the system, the digital environment constantly faces the risks of cyber attacks. In particular, it is the users of blockchain technologies, which we discussed earlier, who most often become the targets of attacks. Attacks are carried out in order to intercept the control of users' assets and steal them, harm the activities of companies and states, including the theft of funds, forgery in the performance of contractual obligations and the destruction of business processes based on blockchain, which leads to significant losses [7, p. 23]. In such cases, personal responsibility for ensuring information security will be assigned to the heads of agencies and organizations, as stated in Presidential Decree No. 250 [5].

Thus, it can be concluded that the use of digital technologies in management decision-making causes difficulties in determining responsibility. In order to increase transparency and improve the efficiency of assigning responsibility, it is necessary to implement mechanisms for auditing artificial intelligence algorithms that are used in management decisions to ensure their fairness. In addition, it is necessary to ensure further research into the ethical aspects of using digital technologies in management decisions, which will allow developing more effective and fair decision-making methods. Finally, some government agencies (e.g. Rosstat, Rospotrebnadzor) can ensure cooperation with companies in order to create appropriate regulations that would ensure the safety of using digital technologies in management decisions.

Bibliographic list

1. "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 26.01.1996 N 14-FZ (as amended on 24.07.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 12.09.2023) // www.consultant.ru

2. "Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

3. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

4. Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 N 152-FZ // www.consultant.ru

5. Decree of the President of the Russian Federation dated 01.05.2022 No. 250 "On additional measures to ensure information security of the Russian Federation" // www.consultant.ru

6. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. Pp. 79–99.

7. Deviations in the digital world: criminal-law dimension (Part II): scientific and practical manual / edited by Yu.V. Gracheva. Moscow: OOO "LAW FIRM CONTRACT", 2020. 120 p.

8. Development of management decisions: Textbook // Zakharova Yu.V., Mosina L.A., Chukhmanova M.V. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2019. 125 p.

9. Sberbank launched a blockchain laboratory [Electronic resource] // https://clck.ru/38wUHu (Accessed: 03/15/2024).

10. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource] // https://stat.xn-7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/adm/t/31/s/79 (Accessed: 02.04.2024)

11. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house of MATGiP, 2022. 320 p.

For citation: Grigorieva A.Yu. Responsibility in making management decisions in the field of finance using digital technologies: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 63–66.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.59

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 342.0
ББК 67.3(2)51
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.67

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВА

Д.И. Лосев*

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния цифровых валют, включая криптовалюты и цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ), на финансовую систему государства. Рассмотрены предпосылки создания ЦВЦБ, их ключевые характеристики и потенциальные эффекты от внедрения. Особое внимание уделено проекту цифрового рубля Банка России. Сделан вывод о необходимости взвешенного подхода к выпуску ЦВЦБ для развития платежных систем и поддержания финансовой стабильности.

Ключевые слова: цифровые валюты; ЦВЦБ; криптовалюты; цифровой рубль; платежные системы; финансовая стабильность.

Процессы цифровизации оказывают значительное влияние на развитие современной мировой финансовой системы. Появление новых форм платежей, рост популярности цифровых активов, выход высокотехнологичных компаний на рынок финансовых услуг – все эти тенденции заставляют центральные банки и регуляторов пересматривать традиционные подходы к денежно-кредитной политике и регулированию финансовой сферы. Одним из ключевых вопросов в этом контексте является перспектива выпуска цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ).

ЦВЦБ представляют собой цифровую форму фиатных денег, эмитируемую центральным банком и способную выполнять все функции традиционных денег [4]. В отличие от безналичных денег на банковских счетах, ЦВЦБ могут храниться непосредственно в электронных кошельках пользователей или на счетах в центральном банке. Это открывает возможности для прямых расчетов между экономическими субъектами без участия коммерческих банков-посредников [6].

Вопрос о выпуске ЦВЦБ активно изучается ведущими центральными банками мира, включая ЕЦБ, Банк Англии, Банк Канады, Банк Японии, Банк России. Некоторые, как Народный банк Китая, уже перешли к практическому тестированию национальной цифровой валюты с привлечением

* **Лосев Даниил Иванович**, курсант Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: j@loceb.ru

Научный руководитель – **Зуев Андрей Вячеславович**, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук. E-mail: univerandrey@mail.ru

реальных пользователей. Однако пока единого мнения о целесообразности и оптимальном формате выпуска ЦВЦБ в мировом центробанковском сообществе не сложилось [12].

Ключевыми предпосылками для рассмотрения вопроса о выпуске ЦВЦБ в развитых странах являются:

во-первых, снижение роли наличных денег в обращении. Например, в Швеции доля наличных в ВВП за 10 лет снизилась с 3% до 1%. ЦВЦБ могут стать безрисковой цифровой альтернативой наличным [7];

во-вторых, необходимость поддержания конкуренции на рынке платежей в условиях его потенциальной монополизации крупными игроками. ЦВЦБ способны стимулировать конкуренцию и развитие рынка [6];

в-третьих, возможность использования ЦВЦБ для адресной поддержки граждан в кризисные периоды через цифровые кошельки [5];

в-четвертых, рост спроса на качественные цифровые финансовые услуги со стороны экономических субъектов по мере роста благосостояния и цифровизации экономики [7];

в-пятых, стимулирование процессов цифровизации экономики для повышения ее конкурентоспособности. ЦВЦБ могут стать одним из инструментов такого стимулирования [2].

Наряду с потенциальными выгодами выпуск ЦВЦБ несет и определенные риски для финансовой системы. Ключевым вопросом здесь является возможность начисления процентов по ЦВЦБ. Выпуск процентных ЦВЦБ мог бы расширить возможности денежно-кредитной политики центробанков, но привел бы к значительным рискам финансовой нестабильности из-за оттока средств из банков и роста волатильности их пассивов.

Выпуск беспроцентных ЦВЦБ представляется более предпочтительным вариантом. Его влияние на финансовую систему будет умеренным и будет зависеть от фазы экономического цикла и уровня ставок. В условиях экономического роста и положительных ставок влияние будет ограниченным. Конвертация части наличных в ЦВЦБ существенно не затронет банки.

В условиях рецессии и низких ставок привлекательность ЦВЦБ как безрискового актива может несколько вырасти, вызвав отток средств из менее устойчивых банков. Но в целом ЦВЦБ не создают для банков принципиально новых рисков, так как возможность оттока средств клиентов существует и сейчас, а первопричиной его являются проблемы в самих банках.

В целом, выпуск беспроцентных розничных ЦВЦБ окажет умеренное позитивное влияние на развитие финансовой системы через рост конкуренции, поддержку цифровизации и укрепление финансовой стабильности. Он также упростит процедуры санации проблемных банков.

Важно отметить, что выпуск ЦВЦБ не должен рассматриваться как замена другим формам денег. Это лишь дополнение к наличным и безналичным деньгам, призванное использовать преимущества цифровых технологий. Ключевым критерием эффективности ЦВЦБ будет их влияние на развитие платежной системы.

Наряду с ЦВЦБ важную роль в процессе цифровизации финансов играют и частные цифровые валюты – криптовалюты. Однако, в отличие

от фиатных ЦВЦБ, обеспеченных активами центробанков, криптовалюты характеризуются высокой волатильностью, спекулятивностью и рисками использования в нелегальной деятельности. По данным Chainalysis, в 2022 году объем криптовалютных транзакций, связанных с незаконной деятельностью, превысил $20 млрд [15].

Это заставляет власти усиливать мониторинг и регулирование криптовалютной сферы. В России число судебных дел, связанных с криптовалютой, выросло на 72% за последние 2 года. Центробанк и Росфинмониторинг тестируют систему контроля за переводом криптовалют в фиатные деньги [1]. В Госдуму внесен законопроект о регулировании майнинга и запрете публичного обращения криптовалют. Минфин предлагает вводить уголовную ответственность за сокрытие криптодоходов.

Таким образом, государство стремится встроить криптовалютный рынок в правовое поле, ограничив при этом риски для финансовой стабильности. В то же время в ряде стран рассматривается возможность использования блокчейн-технологий в выпуске ЦВЦБ. Например, цифровой юань в Китае частично основан на технологии распределенного реестра, но при централизованном контроле со стороны Народного банка [15].

Банк России в 2020 году представил доклад о перспективах выпуска цифрового рубля и в 2023 году запустил пилотный проект по его тестированию с привлечением 13 банков и 600 реальных клиентов. Согласно концепции, цифровой рубль будет выпускаться Банком России в виде цифрового кода и храниться в электронных кошельках граждан, а банки будут проводить операции по их поручению. При этом планируется обеспечить простоту использования, высокую скорость и низкую стоимость платежей, в том числе в офлайн-режиме.

Цифровой рубль призван повысить доступность и снизить стоимость платежных услуг, дать импульс инновациям, позволить адресно проводить бюджетные выплаты и бороться с нелегальными транзакциями. При этом Банк России не планирует выплачивать проценты по цифровому рублю, чтобы избежать дестабилизации банковского сектора [4]. Ожидается, что после принятия соответствующего закона цифровой рубль будет полноценно запущен в 2024 году.

Подводя итог, можно сказать, что цифровая трансформация денег является объективным трендом, открывающим новые возможности, но несущим и новые риски. Задача центробанков и регуляторов – найти баланс между стимулированием инноваций, защитой потребителей и обеспечением финансовой стабильности. Выпуск ЦВЦБ в виде беспроцентных розничных токенов представляется перспективным шагом в этом направлении. Однако его успех будет зависеть от способности новых цифровых денег предложить экономическим субъектам реальные преимущества в сравнении с существующими формами денег и платежей.

Цифровизация финансовой сферы неизбежно влечет за собой трансформацию отношений между гражданами и государством [8]. Внедрение ЦВЦБ и развитие сопутствующей инфраструктуры открывает новые возможности для взаимодействия населения с органами власти в финансовой и социальной сферах.

Во-первых, ЦВЦБ могут стать эффективным инструментом для оказания адресной социальной помощи и осуществления целевых выплат гражданам. Прямые трансферты через систему цифровых кошельков позволят быстрее и точнее доставлять средства нуждающимся, сократить издержки и повысить прозрачность процесса. Программируемость цифровых денег даст возможность контролировать и ограничивать направления их расходования в соответствии с целями социальной политики.

Во-вторых, внедрение ЦВЦБ способно повысить финансовую доступность и вовлеченность населения. Простота и низкая стоимость цифровых платежей сделают финансовые услуги более инклюзивными, что особенно важно для отдаленных регионов с неразвитой банковской инфраструктурой. Возможность офлайн-платежей с цифровым рублем повысит трансакционную активность там, где есть проблемы с интернет-связью. Все это будет способствовать сокращению доли населения, отчужденного от финансовой системы.

В-третьих, ЦВЦБ создадут предпосылки для повышения прозрачности экономики и эффективности налогового администрирования. Цифровой след каждой транзакции с ЦВЦБ облегчит выявление теневых доходов, схем уклонения от налогов и других финансовых правонарушений [10]. Интеграция кошельков с цифровым рублем и личных кабинетов налогоплательщиков упростит уплату налогов и сборов для граждан. Прозрачность и подконтрольность денежных потоков государству снизит риски для экономической безопасности.

В-четвертых, система ЦВЦБ может стать технологической основой для предоставления комплексных цифровых государственных услуг. Единая платформа идентификации граждан, хранения персональных данных и проведения платежей позволит связать множество разрозненных сервисов в рамках концепции «государство как платформа» [8]. Это повысит удобство и доступность взаимодействия людей с госорганами, сократит бюрократические барьеры и коррупционные риски [9].

Наконец, внедрение национальной цифровой валюты под эгидой центробанка будет способствовать укреплению цифрового суверенитета страны. Снижение зависимости от иностранных платежных систем и технологических платформ сделает финансовую инфраструктуру более устойчивой к внешнему давлению и санкциям. Контроль государства над архитектурой системы ЦВЦБ позволит защитить данные граждан и противодействовать использованию цифровых денег в противоправных целях.

Вместе с тем цифровизация отношений граждан и государства в финансовой сфере несет и определенные риски. Концентрация данных о транзакциях в руках государства создает угрозы для приватности граждан и может привести к установлению тотального финансового контроля. Принципиально важно обеспечить надежную защиту персональных данных и внедрить механизмы предотвращения несанкционированного доступа и утечек информации.

Кроме того, программируемость ЦВЦБ теоретически позволяет вводить ограничения и условия на использование цифровых денег гражданами [5]. Важно на уровне законодательства и технологической архитектуры системы предусмотреть защиту от возможных злоупотреблений такими

возможностями со стороны государства. Цифровой рубль должен обладать всеми свойствами обычных денег и не должен использоваться для ограничения экономических свобод людей [4].

Наконец, сама по себе технологическая инфраструктура ЦВЦБ может стать объектом хакерских атак и технических сбоев [13]. Обеспечение кибербезопасности и отказоустойчивости системы критически важно для доверия граждан к цифровой валюте центробанка и бесперебойности платежей в масштабах всей экономики. Необходимы многоуровневые системы защиты и резервирования, а также отработанные протоколы реагирования на инциденты.

В целом, несмотря на отдельные риски и вызовы, внедрение ЦВЦБ открывает возможности для выстраивания более эффективных, прозрачных и инклюзивных отношений между гражданами и государством в финансовой сфере. Цифровой рубль способен стать инструментом достижения таких целей устойчивого развития, как сокращение бедности и неравенства, повышение качества государственных услуг, обеспечение экономического роста и развития. Цифровой рубль может стать важным элементом национальной платежной системы, повысить ее эффективность, безопасность и устойчивость к внешним шокам.

Внедрение цифрового рубля также будет способствовать повышению финансовой доступности и вовлеченности граждан в формальную экономику. Простота и низкая стоимость платежей сделают финансовые услуги более инклюзивными, что особенно важно для отдаленных и сельских регионов. Возможность офлайн-платежей с цифровым рублем повысит трансакционную активность в местах с неразвитой интернет-инфраструктурой [4]. Это позволит сократить долю населения, отчужденного от современной финансовой системы.

Кроме того, цифровой рубль создаст предпосылки для повышения прозрачности экономических отношений и эффективности налогового администрирования. Цифровой след каждой транзакции облегчит выявление теневых доходов, схем уклонения от налогов и других финансовых правонарушений. Интеграция кошельков с цифровым рублем и личных кабинетов налогоплательщиков упростит для граждан уплату налогов и сборов. Прозрачность и подконтрольность денежных потоков государству снизит риски для экономической безопасности.

Система цифрового рубля также может стать технологической основой для предоставления комплексных цифровых государственных услуг [2]. Единая платформа идентификации граждан, хранения персональных данных и проведения платежей позволит связать множество разрозненных сервисов в рамках концепции «государство как платформа». Это повысит удобство и доступность взаимодействия людей с госорганами, сократит бюрократические барьеры и коррупционные риски. Наконец, внедрение национальной цифровой валюты под эгидой Банка России будет способствовать укреплению цифрового суверенитета страны [10]. Снижение зависимости от иностранных платежных систем и технологических платформ сделает финансовую инфраструктуру более устойчивой к внешнему давлению и санкциям. Контроль государства над архитектурой системы цифро-

вого рубля позволит защитить данные граждан и противодействовать использованию цифровых денег в противоправных целях.

Вместе с тем, цифровизация отношений граждан и государства в финансовой сфере несет и определенные риски. Концентрация данных о транзакциях в руках государства создает угрозы для приватности граждан и может привести к установлению тотального финансового контроля. Принципиально важно обеспечить надежную защиту персональных данных и внедрить механизмы предотвращения несанкционированного доступа и утечек информации.

Кроме того, программируемость цифрового рубля теоретически позволяет вводить ограничения и условия на использование цифровых денег гражданами. Важно на уровне законодательства и технологической архитектуры системы предусмотреть защиту от возможных злоупотреблений такими возможностями со стороны государства. Цифровой рубль должен обладать всеми свойствами обычных денег и не должен использоваться для ограничения экономических свобод людей.

Наконец, сама по себе технологическая инфраструктура цифрового рубля может стать объектом хакерских атак и технических сбоев. Обеспечение кибербезопасности и отказоустойчивости системы критически важно для доверия граждан к цифровой валюте центробанка и бесперебойности платежей в масштабах всей экономики. Необходимы многоуровневые системы защиты и резервирования, а также отработанные протоколы реагирования на инциденты.

В целом, несмотря на отдельные риски и вызовы, внедрение цифрового рубля открывает возможности для выстраивания более эффективных, прозрачных и инклюзивных отношений между гражданами и государством в финансовой сфере. Цифровой рубль способен стать инструментом достижения таких целей устойчивого развития, как сокращение бедности и неравенства, повышение качества государственных услуг, обеспечение экономического роста и укрепление национального суверенитета. Однако для реализации этого потенциала необходим взвешенный и последовательный подход, учитывающий интересы всех заинтересованных сторон и минимизирующий возможные негативные эффекты.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // www.consultant.ru

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // www.consultant.ru

3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (утв. Банком России) // Вестник Банка России, 2022, № 80 (2376), 03 ноября.

4. Концепция цифрового рубля. Банк России, 2021 // URL: https: //cbr.ru/ Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

5. *Андрюшин С.А.* Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 54–76.

6. *Достов В.Л., Шуст П.М.* Цифровая валюта центрального банка: преимущества, недостатки и перспективы внедрения // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25. – № 5. – С. 16–29.

7. *Кочергин Д.А., Янгирова А.И.* Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25. – № 8. – С. 1753–1770.

8. *Лопатин В.А.* Цифровой рубль как объект правового регулирования в финансовой сфере // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 5 (138). – С. 43–52.

9. *Нестеренко Е.А.* Перспективы внедрения цифрового рубля Банка России // Финансовые исследования. – 2022. – № 1 (74). – С. 83–88.

10. *Ситник А.А.* Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023;18(8):20–36.

11. Boar C., Wehrli A. Ready, steady, go? – Results of the third BIS survey on central bank digital currency // BIS Papers. 2021. No. 114.

12. Carstens A. Digital currencies and the future of the monetary system // Hoover Institution policy seminar. Basel, 2021.

13. Kiff J., Alwazir J., Davidovic S., Farias A., Khan A., Khiaonarong T., Malaika M., Monroe H., Sugimoto N., Tourpe H., Zhou P. A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency // IMF Working Papers. 2020. No. 20/104.

14. Kumhof M., Noone C. Central bank digital currencies – design principles and balance sheet implications // Bank of England Working Papers. 2018. No. 725.

15. Yao Q. A systematic framework to understand central bank digital currency // Science China Information Sciences. 2018. Vol. 61. No. 3. P. 1–8.

Для цитирования: *Лосев Д.И.* Цифровые валюты и их влияние на финансовую систему государства: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 67–73.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.67

DIGITAL CURRENCIES AND THEIR IMPACT ON THE FINANCIAL SYSTEM OF THE STATE

D. I. Losev*

Annotation. The article analyzes the impact of digital currencies, including cryptocurrencies and central bank digital currencies (CBDCs), on the financial system of the state. The prerequisites for the creation of CBDCs, their key characteristics and potential effects from their implementation are considered. Particular attention is paid to the Bank of Russia's digital ruble project. A conclusion is made about the need for a balanced approach to the issuance of CBDCs for the development of payment systems and maintaining financial stability.

Keywords: digital currencies; CBDCs; cryptocurrencies; digital ruble; payment systems; financial stability.

* **Losev Daniil Ivanovich**, cadet of the Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: j@loceb.ru

Supervisor: **Andrey Vyacheslavovich Zuev**, Associate Professor of the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of the Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Sciences. E-mail: univerandrey@mail.ru

Digitalization processes have a significant impact on the development of the modern global financial system. The emergence of new forms of payments, the growing popularity of digital assets, the entry of high-tech companies into the financial services market – all these trends are forcing central banks and regulators to reconsider traditional approaches to monetary policy and regulation of the financial sector. One of the key issues in this context is the prospect of issuing central bank digital currencies (CBDCs).

CBDCs are a digital form of fiat money issued by a central bank and capable of performing all the functions of traditional money [4]. Unlike non-cash money in bank accounts, CBDCs can be stored directly in users' electronic wallets or in accounts with the central bank. This opens up opportunities for direct settlements between economic entities without the participation of intermediary commercial banks [6].

The issue of issuing a digital currency is being actively studied by the world's leading central banks, including the ECB, the Bank of England, the Bank of Canada, the Bank of Japan, and the Bank of Russia. Some, like the People's Bank of China, have already moved on to practical testing of a national digital currency with the involvement of real users. However, there is no consensus yet on the feasibility and optimal format for issuing a digital currency in the global central banking community [12].

The key prerequisites for considering the issue of issuing a digital currency in developed countries are:

first, a decrease in the role of cash in circulation. For example, in Sweden, the share of cash in GDP has decreased from 3% to 1% over 10 years. Digital currency can become a risk-free digital alternative to cash [7];

second, the need to maintain competition in the payments market in the face of its potential monopolization by large players. Digital currency can stimulate competition and market development [6];

thirdly, the possibility of using the CBDC for targeted support of citizens during periods of crisis through digital wallets [5];

fourthly, the growth of demand for high-quality digital financial services from economic entities as prosperity grows and the economy becomes digital [7];

fifthly, stimulating the processes of digitalization of the economy to increase its competitiveness. CBDCs can become one of the instruments of such stimulation [2].

Along with potential benefits, the issuance of CBCBs also carries certain risks for the financial system. The key issue here is the possibility of accruing interest on CBCBs. The issuance of interest-bearing CBCBs could expand the monetary policy options of central banks, but would lead to significant risks of financial instability due to the outflow of funds from banks and the growth of the volatility of their liabilities.

The issuance of interest-free CBCBs seems to be a more preferable option. Its impact on the financial system will be moderate and will depend on the phase of the economic cycle and the level of rates. In conditions of economic growth and positive rates, the impact will be limited. The conversion of a portion of cash into CBCBs will not significantly affect banks.

In conditions of recession and low rates, the attractiveness of CBCBs as a risk-free asset may increase somewhat, causing an outflow of funds from less stable banks. But in general, the CBCBs do not create fundamentally new risks for banks, since the possibility of an outflow of customer funds already exists, and the root cause of it is the problems in the banks themselves.

In general, the issue of interest-free retail CBCBs will have a moderate positive impact on the development of the financial system through increased competition, support for digitalization and strengthening of financial stability. It will also simplify the procedures for resolving problem banks.

It is important to note that the issue of CBCBs should not be considered as a replacement for other forms of money. This is only an addition to cash and non-cash money, designed to use the advantages of digital technologies. The key criterion for the effectiveness of CBCBs will be their impact on the development of the payment system.

Along with CBCBs, private digital currencies – cryptocurrencies – also play an important role in the process of digitalization of finance. However, unlike fiat central bank assets-backed central bank currencies, cryptocurrencies are characterized by high volatility, speculative nature, and risks of use in illegal activities. According to Chainalysis, in 2022, the volume of cryptocurrency transactions related to illegal activities exceeded $20 billion [15].

This forces the authorities to strengthen monitoring and regulation of the cryptocurrency sphere. In Russia, the number of court cases related to cryptocurrency has increased by 72% over the past 2 years. The Central Bank and Rosfinmonitoring are testing a system for monitoring the transfer of cryptocurrencies into fiat money [1]. A bill on regulating mining and banning public circulation of cryptocurrencies has been introduced to the State Duma. The Ministry of Finance proposes to introduce criminal liability for concealing cryptocurrency income.

Thus, the state seeks to integrate the cryptocurrency market into the legal field, while limiting the risks to financial stability. At the same time, a number of countries are considering the possibility of using blockchain technologies in issuing digital currencies. For example, the digital yuan in China is partly based on distributed ledger technology, but under centralized control by the People's Bank [15].

In 2020, the Bank of Russia presented a report on the prospects for issuing a digital ruble and in 2023 launched a pilot project to test it with the involvement of 13 banks and 600 real clients. According to the concept, the digital ruble will be issued by the Bank of Russia in the form of a digital code and stored in citizens' electronic wallets, and banks will conduct transactions on their behalf. At the same time, it is planned to ensure ease of use, high speed and low cost of payments, including offline.

The digital ruble is intended to increase the availability and reduce the cost of payment services, give impetus to innovation, allow targeted budget payments and combat illegal transactions. At the same time, the Bank of Russia does not plan to pay interest on the digital ruble in order to avoid destabilization of the banking sector [4]. It is expected that after the adoption of the relevant law, the digital ruble will be fully launched in 2024.

To summarize, it can be said that the digital transformation of money is an objective trend that opens up new opportunities, but does not carry new risks. The task of central banks and regulators is to find a balance between stimulating innovation, protecting consumers and ensuring financial stability. The issue of digital currencies in the form of interest-free retail tokens seems to be a promising step in this direction. However, its success will depend on the ability of new digital money to offer economic entities real advantages over existing forms of money and payments.

The digitalization of the financial sector inevitably entails the transformation of relations between citizens and the state [8]. The introduction of the digital currency wallet and the development of the accompanying infrastructure opens up new opportunities for interaction between the population and government bodies in the financial and social spheres.

Firstly, the digital currency wallet can become an effective tool for providing targeted social assistance and making targeted payments to citizens. Direct transfers through the digital currency wallet system will allow for faster and more accurate delivery of funds to those in need, reduce costs and increase the transparency of the process. The programmability of digital money will make it possible to control and limit the directions of its spending in accordance with the goals of social policy.

Secondly, the introduction of the digital currency wallet can increase financial accessibility and population involvement. The simplicity and low cost of digital payments will make financial services more inclusive, which is especially important for remote regions with underdeveloped banking infrastructure. The possibility of offline payments with the digital ruble will increase transaction activity in areas where there are problems with Internet connection. All this will help reduce the proportion of the population alienated from the financial system.

Thirdly, the Central Digital Bank will create preconditions for increasing the transparency of the economy and the efficiency of tax administration. The digital trace of each transaction with the Central Digital Bank will facilitate the identification of shadow income, tax evasion schemes and other financial offenses [10]. The integration of wallets with the digital ruble and personal accounts of taxpayers will simplify the payment of taxes and fees for citizens. Transparency and controllability of cash flows by the state will reduce the risks to economic security.

Fourthly, the Central Digital Bank system can become a technological basis for the provision of comprehensive digital government services. A single platform for identifying citizens, storing personal data and making payments will allow linking many disparate services within the framework of the “state as a platform” concept [8]. This will increase the convenience and accessibility of people's interaction with government agencies, reduce bureaucratic barriers and corruption risks [9].

Finally, the introduction of a national digital currency under the auspices of the central bank will help strengthen the country's digital sovereignty. Reducing dependence on foreign payment systems and technology platforms will make the financial infrastructure more resilient to external pressure and sanc-

tions. State control over the architecture of the central bank's system will protect citizens' data and counteract the use of digital money for illegal purposes.

At the same time, the digitalization of relations between citizens and the state in the financial sphere also carries certain risks. The concentration of transaction data in the hands of the state creates threats to the privacy of citizens and can lead to the establishment of total financial control. It is fundamentally important to ensure reliable protection of personal data and implement mechanisms to prevent unauthorized access and information leaks.

In addition, the programmability of the central bank's digital currency theoretically allows for the introduction of restrictions and conditions on the use of digital money by citizens [5]. It is important to provide protection against possible abuse of such opportunities by the state at the level of legislation and the technological architecture of the system. The digital ruble must have all the properties of ordinary money and should not be used to limit people's economic freedoms [4].

Finally, the technological infrastructure of the central bank's digital currency itself can become the target of hacker attacks and technical failures [13]. Ensuring cybersecurity and fault tolerance of the system is critically important for citizens' trust in the central bank's digital currency and the continuity of payments across the entire economy. Multi-level protection and backup systems, as well as proven incident response protocols, are required.

Overall, despite certain risks and challenges, the introduction of the digital ruble opens up opportunities for building more effective, transparent and inclusive relations between citizens and the state in the financial sector. The digital ruble can become a tool for achieving such sustainable development goals as reducing poverty and inequality, improving the quality of public services, and ensuring economic growth and development. The digital ruble can become an important element of the national payment system, increasing its efficiency, security and resilience to external shocks.

The introduction of the digital ruble will also contribute to increased financial accessibility and citizen involvement in the formal economy. Simplicity and low cost of payments will make financial services more inclusive, which is especially important for remote and rural regions. The possibility of offline payments with the digital ruble will increase transaction activity in places with underdeveloped Internet infrastructure [4]. This will reduce the share of the population alienated from the modern financial system.

In addition, the digital ruble will create the preconditions for increasing the transparency of economic relations and the efficiency of tax administration. The digital trace of each transaction will facilitate the identification of shadow income, tax evasion schemes and other financial violations. The integration of wallets with the digital ruble and personal taxpayer accounts will simplify the payment of taxes and fees for citizens. Transparency and controllability of cash flows by the state will reduce the risks to economic security.

The digital ruble system can also become a technological basis for the provision of comprehensive digital government services [2]. A single platform for identifying citizens, storing personal data and making payments will allow linking many disparate services within the framework of the “state as a plat-

form" concept. This will increase the convenience and accessibility of people's interaction with government agencies, reduce bureaucratic barriers and corruption risks.

Finally, the introduction of a national digital currency under the auspices of the Bank of Russia will help strengthen the country's digital sovereignty [10]. Reducing dependence on foreign payment systems and technology platforms will make the financial infrastructure more resilient to external pressure and sanctions. State control over the architecture of the digital ruble system will protect citizens' data and counteract the use of digital money for illegal purposes.

At the same time, the digitalization of relations between citizens and the state in the financial sphere also carries certain risks. The concentration of transaction data in the hands of the state creates threats to the privacy of citizens and can lead to the establishment of total financial control. It is fundamentally important to ensure reliable protection of personal data and implement mechanisms to prevent unauthorized access and information leaks.

In addition, the programmability of the digital ruble theoretically allows for restrictions and conditions on the use of digital money by citizens. It is important to provide protection against possible abuse of such opportunities by the state at the level of legislation and the technological architecture of the system. The digital ruble must have all the properties of ordinary money and should not be used to limit people's economic freedoms.

Finally, the technological infrastructure of the digital ruble itself can become the target of hacker attacks and technical failures. Ensuring cybersecurity and fault tolerance of the system is critically important for citizens' trust in the central bank's digital currency and the continuity of payments across the entire economy. Multi-level protection and backup systems, as well as proven incident response protocols, are required.

Overall, despite certain risks and challenges, the introduction of the digital ruble opens up opportunities for building more effective, transparent and inclusive relations between citizens and the state in the financial sector. The digital ruble can become a tool for achieving such sustainable development goals as reducing poverty and inequality, improving the quality of public services, ensuring economic growth and strengthening national sovereignty. However, to realize this potential, a balanced and consistent approach is needed that takes into account the interests of all stakeholders and minimizes possible negative effects.

Bibliographic list

1. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 03.08.2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.

2. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 14.10.2019. No. 41. Art. 5700.

3. Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2023 and the Period 2024 and 2025 (approved by the Bank of Russia) // Bulletin of the Bank of Russia. 2022. No. 80 (2376). 03 November.

4. The concept of the digital ruble. Bank of Russia, 2021 // URL: https: //cbr. ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (date of access: 25.05.2024).

5. Andryushin S.A. Digital currency of the central bank as the third form of state money // Actual problems of economics and law. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 54–76.

6. Dostov V.L., Shust P.M. Digital currency of the central bank: advantages, disadvantages and implementation prospects // Finance: theory and practice. 2021. Vol. 25. No. 5. Pp. 16–29.

7. Kochergin D.A., Yangirova A.I. Central Bank Digital Currencies: Key Characteristics and Directions of Influence on the Monetary and Payment Systems // Finance and Credit. 2019. Vol. 25. No. 8. Pp. 1753–1770.

8. Lopatin V.A. Digital Ruble as an Object of Legal Regulation in the Financial Sphere // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 5 (138). Pp. 43–52.

9. Nesterenko E.A. Prospects for the Implementation of the Bank of Russia Digital Ruble // Financial Research. 2022. No. 1 (74). Pp. 83–88.

10. Sitnik A.A. Digital Ruble as an Object of Financial and Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. 2023; 18 (8): 20–36.

11. Boar C., Wehrli A. Ready, steady, go? – Results of the third BIS survey on central bank digital currency // BIS Papers. 2021. No. 114.

12. Carstens A. Digital currencies and the future of the monetary system // Hoover Institution policy seminar. Basel, 2021.

13. Kiff J., Alwazir J., Davidovic S., Farias A., Khan A., Khiaonarong T., Malaika M., Monroe H., Sugimoto N., Tourpe H., Zhou P. A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency // IMF Working Papers. 2020. No. 20/104.

14. Kumhof M., Noone C. Central bank digital currencies – design principles and balance sheet implications // Bank of England Working Papers. 2018. No. 725.

15. Yao Q. A systematic framework to understand central bank digital currency // Science China Information Sciences. 2018. Vol. 61. No. 3. P. 1–8.

For citation: Losev D.I. Digital currencies and their impact on the financial system of the state: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 73–79.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.67

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 342.0
ББК 67.3(2)51
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.80

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Г.Ш. Харчиев*

Аннотация. В статье освещается тема актуальных вызовов, с которыми сталкивается финансовая безопасность Российской Федерации на фоне быстрого развития информационных технологий. Исследуются различные аспекты, воздействующие на стабильность финансовой сферы страны, в том числе факторы внутреннего и международного характера, вызывающие колебания глобальной экономики. Исследование представляет анализ текущих вызовов, с которыми сталкивается финансовая стабильность России на фоне все более нарастающего внедрения информационных технологий. Изложены разнообразные аспекты, оказывающие воздействие на экономическую надёжность государства, в том числе внутренние и международные риски: волатильность глобальных экономических условий, введение экономических санкций, последствия мировых здравоохранных кризисов, а также международные политические напряжённости.

Значительный упор сделан на взаимосвязь между информационными технологиями и финансовыми операциями, а также подчёркивается срочность укрепления информационной защиты в целях обеспечения надежности финансовой инфраструктуры. Центральное место занимает обсуждение индикаторов финансовой надежности, касающихся различных сегментов экономики, включая банковскую отрасль, управление государственным долгом, валютную стабильность и бюджетные стратегии.

В дополнение к анализу, представлены стратегические предложения по увеличению способности финансовой системы эффективно противостоять внешним и внутренним вызовам. Подчёркивается значимость непрерывного контроля и адекватного управления финансовыми механизмами во времена глобальных перемен, что представляет собой ключевой элемент в сохранении экономического суверенитета страны.

Ключевые слова: финансовая безопасность, информационные технологии, внешние угрозы, внутренняя политика, банковская система, долговая политика, глобализация, санкции, информационная безопасность, финансовая система Российской Федерации.

---

* **Харчиев Гаджи Шамилович,** студент 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: kharchiev_gadzhi@mail.ru

Научный руководитель – **Анищенко Владимир Николаевич**, профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор. E-mail: anpvladimir@list.ru

В период нестабильности на экономическом и политическом поприще остро становится вопрос принятия мер, направленных на укрепление всех аспектов финансовой стойкости страны. Такие меры обязаны обеспечивать решительную защиту от угроз любой природы и предусматривать целенаправленное распределение финансов в ключевых областях экономики и социальной сферы, что способствует увеличению финансовой автономии государства и крепости его экономического суверенитета [8].

В эпоху глобализации финансовая система страны является элементом международного экономического поля, где экономики государств взаимосвязаны через хозяйственные отношения и общие интересы. Растущий уровень финансовой взаимоинтеграции в условиях глобализации повышает взаимозависимость участников рынка [7]. Учитывая колебания в мировых экономических тенденциях и их возможное доминообразное влияние на связанные экономики, акцентируется внимание на необходимости усиления финансовой безопасности страны [6]. В кругу финансовой безопасности является ключевым для переосмысления и адаптации стратегических и тактических подходов. Следовательно, возрастает важность исследований для оценки состояния финансовой устойчивости, определения потенциальных риской и разработки стратегий по их минимизации [5].

Основополагающие документы, которые задают направление в области финансовой безопасности, включают Указ Президента РФ от 02 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Этот законодательный акт ставит своей целью создание основы для укрепления финансовой структуры страны за счет развития национальной экономической инфраструктуры, увеличения экономической резистентности к разнообразным чрезвычайным ситуациям и другим угрозам [1].

Термин «финансовая безопасность» до сих пор остается неопределенным в законодательных актах, что приводит к широкому спектру обсуждений среди ученых относительно его истинного значения. М.М. Арсентьев истолковывает финансовую безопасность как элемент общей экономической безопасности страны, отталкивающийся от самостоятельности и продуктивности финансовой и кредитной сфер.

Определение термина «финансовая безопасность» не имеет однозначного трактования в регулирующих документах, что становится предметом активных обсуждений в академических кругах. М.М. Арсентьев воспринимает этот термин как элемент экономической безопасности нации, который опирается на автономию и результативность в финансово-кредитной отрасли РФ [4].

Страны постоянно сталкиваются с проблемами, угрожающими их финансовой безопасности, вследствие давления, исходящего как извне, так и изнутри. Эти угрозы вынуждают нас идентифицировать те факторы, которые оказывают существенное влияние на динамику состояния финансовой системы. Здесь ключевую роль играет финансовая политика, нацеленная на аккумулирование ресурсов и их эффективное использование, а также политическая обстановка и качество законодательной базы, контролирующей финансовую активность.

Опасности для финансовой стабильности страны можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние угрозы зачастую связаны с краткосрочным мышлением и неэффективной политикой ведомств, которые задают основные параметры функционирования финансовых рынков, влияя на распределение капитала в пределах страны. Отсутствие стратегического планирования, недостаток аналитической работы со стороны государственных учреждений, экономические преступления и местная коррупция, а также ненадежная законодательная база приводят к созданию финансовой системы, которая не отвечает внутренним потребностям населения.

Внешние угрозы формируются под влиянием финансовой поддержки от международных организаций, которая может ограничивать финансовую независимость страны, колебаниями в глобальной политике, диктующих условия взаимодействия с иными государствами, и международными политическими амбициями внутри страны. Особым внешним фактором для России является санкционная политика, расцвет которой произошел в 2014 году и достиг пика к весне 2022 года, став значительным инструментом экономического давления.

В процессе анализа тех факторов и опасностей, которые могут повлиять на финансовое благополучие страны, чрезвычайно важным становится аспект информационной безопасности. Этот элемент является ключевым для общей картины национальной безопасности. В нашу эпоху, когда финансовая отрасль тесно переплетена с высокотехнологичными информационными системами, немаловажно учитывать и углубленно исследовать связи между этими двумя сферами [3].

Суть информационной безопасности заключается в защите данных от несанкционированного доступа, изменения или уничтожения, что напрямую влияет на финансовую устойчивость страны. Развитие и защита информационного пространства, содержащего данные и технологии, является ключевым для стабилизации и роста всех финансовых процессов и систем.

В свете недавних событий, таких как отключение российских банков от системы межбанковских электронных переводов SWIFT и отток разработчиков программного обеспечения с рынка России, стоит особо подчеркнуть необходимость интеграции технологических разработок, которые повысят производительность финансовой сферы.

При растущей внешней угрозе важно постоянно контролировать состояние финансовой безопасности и оперативно предлагать меры по противостоянию угрозам, целенаправленно влияющим на отдельные сегменты системы [3].

В качестве ключевых индикаторов долговой безопасности можно выделить следующие: соотношение между внешним и внутренним государственным долгом к величине ВВП, долю всего объема госдолга по отношению к ВВП, пропорцию внутреннего долга к объему налоговых доходов, а также отношение внешнего госдолга России к годовому экспорту товаров и услуг.

Давайте детально рассмотрим, какие еще показатели могут быть полезны при оценке финансовой безопасности в сфере кредитов и банковской деятельности, а также долговых обязательств.

Показатели стабильности банковского сектора отображают благоприятные тенденции, чему способствовали государственные меры поддержки, принятые в период пандемии, проявившиеся в росте активов, особенно заметном в 2023 году. Наблюдалось уменьшение доли иностранного капитала в совокупном объеме капитала кредитных учреждений на 2,21% за рассматриваемый период, что может отражать тенденцию утекания капитала из страны.

Предпочтение в государственной задолженности отдается внутреннему долгу, доля которого варьируется между 74 и 78%. На фоне пандемии в 2023 году был отмечен рост общей суммы госдолга на 30%, что было связано с необходимостью займов для реагирования на COVID-19. По состоянию на начало 2022 года, банковская система и сфера государственного долга соответствовали стандартам финансовой надёжности, укладываясь в допустимые рамки. Это было так, несмотря на присутствие систематических сложностей, способных оказать влияние на фундаментальную устойчивость экономики в долговременной перспективе.

Принятые государством меры содействовали укреплению финансовой структуры в краткосрочной перспективе, но имеются вопросы, требующие внимания для поддержания функциональности финансовой системы в целости.

Существующие механизмы предоставления кредитов по льготным ставкам, хотя и являются значимыми, возможно, оказываются недостаточными для заметного стимулирования экономической активности. Для поддержки инвестиционной привлекательности и стимулирования индустриального развития необходимы стабильные инвестиционные потоки, которые обеспечат экономику страны необходимыми ресурсами.

На повестке дня все чаще возникает дилемма касательно возможности пересмотра политики Центрального банка по установлению ключевой процентной ставки. Обсуждается предложение об оптимизации данной ставки в сторону уменьшения, с целью предоставления более широкого доступа к финансированию для экономически активных агентов.

Барьеры в доступе к открытым данным, созданные как следствие санкционных мер, вполне могут оказать неблагоприятное воздействие на деятельность биржевых площадок. Недостаток важной информации ставит под угрозу достоверность проводимых анализов и оценку ключевых экономических параметров, что критически важно для прогноза денежных течений. В конечном итоге, это может препятствовать должному планированию и компрометировать процесс принятия взвешенных экономических решений [9].

Для укрепления национальной экономики и углубления финансовой независимости необходимо принять ряд мер, которые будут целенаправленно и комплексно воздействовать на все аспекты финансовой безопасности, содействуя их развитию и обеспечивая перевод на более высокий уровень функционирования.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» //www.consultant.ru

2. *Аминова, Э.М.* Влияние внешних рисков на обеспечение финансовой и экономической безопасности Российской Федерации / Э.М. Аминова // Право и управление. XXI век. – 2020. – Т. 16. – № 2 (55). – С. 68–75.

3. *Анофриков С.П.* Финансовая безопасность региона как элемент экономической безопасности / В сб.: Современные финансовые отношения: проблемы и перспективы развития // Материалы V Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 20.12.2018 г.). – 2019. – С. 7–11.

4. *Арсентьев М.М.* Финансовая безопасность России// 0бозреватель. – 2015. – № 8. – С. 13–19.

5. *Блажевич, О.Г.* Показатели оценки финансовой безопасности Российской Федерации: база данных / О.Г. Блажевич, Д.Д. Буркальцева, Е.И. Воробьева, О.В. Бойченко, А.С. Тюлин, Н.С. Сафонова, И.В. Гавриков // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019622240, 03.12.2022.

6. *Бурцев В.В.* Основные условия государственной финансовой безопасности // Экономист. – 2016. – № 9. – С. 38–31.

7. *Буянова, М.Э.* Анализ финансовой безопасности России: современные тенденции, вызовы, угрозы / М.Э. Буянова, Е.С. Рассказов // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 3: Экономика. Экология. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 19–33.

8. *Воробьева Е.И., Денeнберг Ю.М.* Финансовая безопасность национальной экономики // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2021. – № 1 (54). С. 5–15.

9. Сайт Центрального Банка РФ // URL: https://www.cbr.ru

Для цитирования: *Харчиев Г.Ш.* Современные угрозы и финансовая безопасность Российской Федерации в условиях распространения информационных технологий: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 80–84.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.80

MODERN THREATS AND FINANCIAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE SPREAD OF INFORMATION TECHNOLOGIES

G. Sh. Kharchiev *

Annotation. This publication highlights the current challenges facing the financial security of the Russian Federation against the backdrop of the rapid development of information technology. Various aspects affecting the stability of the country's financial sector are investigated, including domestic and international factors – from fluctuations in the global economy to international ones. The study presents an analysis of the current challenges facing the financial stability of Russia against the backdrop of the increasing introduction of information technology. Various aspects affecting the economic reliability of the state are outlined, including domestic and international risks: volatility

* **Kharchiev Gadzhi Shamilovich,** 2nd year student of the Master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of the Lomonosov Moscow State University. E-mail: kharchiev_gadzhi@mail.ru

Scientific supervisor: **Vladimir Nikolaevich Anishchenko**, professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Technical Sciences, professor. E-mail: anpvladimir@list.ru

of global economic conditions, the imposition of economic sanctions, the consequences of global health crises, as well as international political tensions.

Significant emphasis is placed on the relationship between information technology and financial operations, and the urgency of strengthening information security to ensure the reliability of financial infrastructure is emphasized. The discussion of financial reliability indicators relating to various segments of the economy, including the banking industry, public debt management, currency stability and budget strategies, is central.

In addition to the analysis, strategic proposals are presented to increase the ability of the financial system to effectively withstand external and internal challenges. The importance of continuous monitoring and adequate management of financial mechanisms in times of global change is emphasized, which is a key element in maintaining the country's economic sovereignty.

Key words: financial security, information technology, external threats, internal policy, banking system, debt policy, globalization, sanctions, information security, financial system of Russia.

In times of economic and political instability, the issue of taking measures aimed at strengthening all aspects of the country's financial stability becomes acute. Such measures must ensure decisive protection from threats of any nature and provide for targeted distribution of finances in key areas of the economy and social sphere, which helps to increase the financial autonomy of the state and the strength of its economic sovereignty [8].

In the era of globalization, the country's financial system is an element of the international economic field, where the economies of states are interconnected through business relations and common interests. The growing level of financial interintegration in the context of globalization increases the interdependence of market participants [7]. Given the fluctuations in global economic trends and their possible domino-like impact on related economies, attention is focused on the need to strengthen the country's financial security [6]. In the area of financial security, it is key to rethinking and adapting strategic and tactical approaches. Consequently, the importance of research for assessing the state of financial stability, identifying potential risks and developing strategies to minimize them is increasing [5]. Fundamental documents that set the direction in the field of financial security include the Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". This legislative act aims to create a basis for strengthening the country's financial structure through the development of national economic infrastructure, increasing economic resilience to various emergency situations and other threats [1].

The term "financial security" still remains undefined in legislative acts, which leads to a wide range of discussions among scientists regarding its true meaning. M.M. Arsenyev interprets financial security as an element of the country's overall economic security, based on the independence and productivity of the financial and credit spheres.

The definition of the term "financial security" is not unambiguously interpreted in regulatory documents, which becomes the subject of active discussions in academic circles. M.M. Arsenyev perceives this term as an element of the economic security of the nation, which is based on the autonomy and effectiveness of the financial and credit sector of the Russian Federation [4].

Countries constantly face problems that threaten their financial security due to pressure coming from both outside and inside. These threats force us to identify those factors that have a significant impact on the dynamics of the financial system. Here, the key role is played by financial policy aimed at accumulating resources and using them effectively, as well as the political situation and the quality of the legislative framework that controls financial activity.

Threats to the financial stability of the country can be divided into internal and external. Internal threats are often associated with short-term thinking and ineffective policies of agencies that set the basic parameters for the functioning of financial markets, influencing the distribution of capital within the country. The lack of strategic planning, the lack of analytical work on the part of government agencies, economic crimes and local corruption, as well as an unreliable legislative framework lead to the creation of a financial system that does not meet the domestic needs of the population. External threats are formed under the influence of financial support from international organizations, which can limit the country's financial independence, fluctuations in global politics dictating the terms of interaction with other states, and international political ambitions within the country. A special external factor for Russia is the sanctions policy, which flourished in 2014 and reached its peak in the spring of 2022, becoming a significant instrument of economic pressure.

In the process of analyzing the factors and threats that may affect the financial well-being of the country, the aspect of information security becomes extremely important. This element is key to the overall picture of national security. In our era, when the financial sector is closely intertwined with high-tech information systems, it is important to take into account and thoroughly study the connections between these two areas [3].

The essence of information security is to protect data from unauthorized access, modification or destruction, which directly affects the financial stability of the country. The development and protection of the information space containing data and technology is key to the stabilization and growth of all financial processes and systems.

In light of recent events, such as the disconnection of Russian banks from the SWIFT interbank electronic transfer system and the outflow of software developers from the Russian market, it is worth emphasizing the need to integrate technological developments that will increase the productivity of the financial sector. With a growing external threat, it is important to constantly monitor the state of financial security and promptly propose measures to counter threats that specifically affect individual segments of the system [3].

The following can be identified as key indicators of debt security: the ratio of external and internal public debt to GDP, the share of the total public debt in relation to GDP, the proportion of internal debt to the volume of tax revenues, as well as the ratio of Russia's external public debt to annual exports of goods and services.

Let's take a closer look at what other indicators can be useful in assessing financial security in the field of loans and banking activities, as well as debt obligations.

The stability indicators of the banking sector reflect favorable trends, which were facilitated by government support measures taken during the pandemic, manifested in the growth of assets, especially noticeable in 2023. There was a decrease in the share of foreign capital in the total capital of credit institutions by 2.21% over the period under review, which may reflect a trend of capital flight from the country.

Preference in government debt is given to domestic debt, the share of which varies between 74 and 78%. Against the backdrop of the pandemic, in 2023, there was an increase in the total amount of government debt by 30%, which was associated with the need for loans to respond to COVID-19. As of the beginning of 2022, the banking system and the public debt sector met financial soundness standards, staying within acceptable limits. This was so despite the presence of systemic difficulties that could affect the fundamental stability of the economy in the long term.

The measures taken by the state helped strengthen the financial structure in the short term, but there are issues that require attention to maintain the functionality of the financial system intact. The existing mechanisms for providing loans at preferential rates, although significant, may be insufficient to significantly stimulate economic activity. Stable investment flows are needed to support investment attractiveness and stimulate industrial development, which will provide the country's economy with the necessary resources.

The dilemma of whether to revise the Central Bank's policy on setting the key interest rate is increasingly on the agenda. A proposal to optimize this rate downwards in order to provide greater access to financing for economically active agents is being discussed.

Barriers to access to open data created as a result of sanctions measures may well have an adverse effect on the activities of exchange platforms. The lack of important information threatens the reliability of the analyses and assessment of key economic parameters, which is critical for forecasting cash flows. Ultimately, this may hinder proper planning and compromise the process of making informed economic decisions [9].

To strengthen the national economy and deepen financial independence, it is necessary to take a number of measures that will purposefully and comprehensively affect all aspects of financial security, promoting their development and ensuring their transfer to a higher level of functioning.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/71572608/

2. Aminova, E.M. Impact of External Risks on Financial and Economic Security of the Russian Federation /E.M. Aminova // Law and Management. XXI century. 2020. T. 16. № 2 (55). P. 68–75.

3. Anofrikov S.P. Financial security of the region as an element of economic security/In the collection: Modern financial relations: problems and development prospects. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 7–11.

4. Arsentiev M.M. Financial Security of Russia//0review. 2015. № 8. P. 13–19.
5. Blazhevich O.G. Financial security assessment indicators of the Russian Federation: database/O.G. Blazhevich, D.D. Burkalceva, E.I. Vorobyova, O.V. Boychenko, A.S. Tyulin, N.S. Safonova, I.V. Gavrikov //Certificate of registration of the RU 2019622240 database, 03.12.2022.
6. Burtsev V.V. basic conditions of state financial security//Economist. 2016. No. 9. P. 38–31.
7. Buyanova M.E. Analysis of financial security of Russia: modern trends, challenges, threats /M.E. Buyanova, E.S. Stories//Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. 2019. Vol. 21. № 2. P. 19–33.
8. Vorobyova E.I., Denenberg Yu.M. Financial security of the national economy 14 Scientific Bulletin: Finance, banks, investments. 2021. No. 1 (54). P. 5–15.
9. Website of the Central Bank of the Russian Federation // URL: https:// www.cbr.ru/support_ measures/ https://www.cbr.ru/

For citation: Kharchiev G.Sh. Modern threats and financial security of the Russian Federation in the context of the spread of information technologies: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 84–88.
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.80

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 331.109.648
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.89

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЙ

П.В. Ивлиев*

Аннотация. В данной статье рассматриваются объективные предпосылки применения цифровых технологий в гражданском обороте. Подробно анализируются актуальные проблемы процессов цифровизации в современном российском обществе, связанные с деятельностью физических и юридических лиц в экономической и социальной сфере. Также предлагаются актуальные и эффективные пути и способы решения вышеназванных проблем, подробно излагаются потенциальные преимущества, которые может получить российское общество и государство в случае решения рассмотренных в настоящем исследовании проблем и массового внедрения и использования цифровых технологий в гражданский оборот.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые технологии, защита информации, кибербезопасность, права интеллектуальной собственности, онлайн платформы, гражданский оборот, онлайн-форумы, гражданские правоотношения, защита прав.

Вся история развития цивилизации на нашей планете показывает, что технологии с каждой новой эпохой развивались и становились более совершенными. В XXI веке эти тенденции достигли в некотором роде своего апогея. Именно по этой причине текущий век является веком технологий и информации и данный факт можно смело считать абсолютно объективным и неизбежным. Общество уже никогда добровольно не вернется к опыту прошлых поколений, когда взаимодействие между людьми происходило традиционными способами.

Необходимо понимать, что цифровая революция трансформирует каждый аспект нашей жизни, от того, как мы работаем, и до покупки до того, как мы взаимодействуем с государственным органами либо гражданами и получаем доступ к всевозможным сервисам и услугам. Организации, предприятия и граждане пытаются принять цифровую трансформа-

* **Ивлиев Павел Валентинович,** доцент кафедры гражданского права и процесса Института Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

цию, внедрять новые технологии и процессы для повышения эффективности, достижения новых результатов своей деятельности, завоевания новых рынков и при этом оставаться конкурентоспособными. Тем не менее, эта быстрая эволюция имеет уникальный набор юридических проблем, которые организации, граждане и государство должны тщательно и эффективно решать.

Первой проблемой в исследуемой сфере является обеспечение конфиденциальности и безопасности данных [2]. Поток всевозможных данных, сгенерированных цифровым технологиями, требует надежных мер защиты информации. Организации должны соответствовать все более строгим правилам, гарантируя, что они имеют соответствующие меры защиты для обеспечения конфиденциальной информации и получения явного согласия на обработку данных.

Ещё одной проблемой можно назвать то, что цифровые платформы часто используют права интеллектуальной собственности, такие как патенты, товарные знаки и авторские права. Предприятия должны понимать, как их действия влияют на цифровую трансформацию, особенно в таких областях, как облачные вычисления, искусственный интеллект и разработка программного обеспечения.

Ещё одной проблемой является рост киберугроз и, как следствие, необходимость создание прозрачного и безопасного киберпространства. По мере того, как организации становятся более зависимыми от цифровых систем, риск кибератак значительно увеличивается. Появляются правовые вопросы, связанные с нарушениями данных, атаками вымогателей и ответственности, связанной с этими инцидентами. Реализация мер в области в кибербезопасности и навигация на основе комплексных рамок ответственности имеет решающее значение [5].

Также необходимо сказать, что цифровая трансформация включает в себя новые партнерские отношения, сотрудничество и лицензии на программное обеспечение. Организации должны тщательно пересматривать контракты, чтобы отразить в них конкретные риски и возможности, связанные с цифровыми технологиями. Это включает в себя решение таких вопросов, как владение данными, права интеллектуальной собственности и ответственность за сторонние услуги.

Необходимо отметить, что юридический ландшафт, окружающий цифровые технологии, постоянно развивается. Организации должны быть в курсе новых правил, которые управляют искусственным интеллектом, блокчейном и автономными транспортными средствами. Для достижения долгосрочного успеха, необходимо оставаться в полном информировании происходящих процессов и максимально быстро адаптироваться к этим изменениям.

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкивается общество в сфере цифровой трансформации является недостаточная осведомленность граждан о правах в сфере реализации цифровых технологий. Многие пользователи не знают о своих правах и не знают, как осуществить защиту своих прав.

Особо важной проблемой является недостаточная защита несовершеннолетних и вообще подрастающего поколения. Цифровая информаци-

онная среда представляет большую угрозу для детей, что находит своё выражение в кибербуллинге, нецензурном контенте, а также коммуникации с незнакомыми людьми, представляющими опасность.

Решение этих проблем требует большого количества мер и комплексного подхода. Есть объективные препятствия и затруднения, которые предстоит решить обществу и государству на среднесрочной перспективе [3].

Так, например, первой и основной мерой будет создание целого пакета нормативных инициатив, более детально и качественно регламентирующих процесс регулирования отношений в сфере цифровых технологий, связанных с гражданским оборотом. Так, например закрепление на законодательном уровне обязанностей компаний, связанных с тем, что они должны собирать только данные, которые строго необходимы для реализации их законных целей. Также необходимо разработать надежные меры безопасности для защиты данных от несанкционированного доступа, использования или их раскрытия.

Еще одним решением будет являться сам факт прозрачности и согласия со стороны пользователей всевозможными цифровыми новеллами. Так, например, необходимо обеспечить информирования людей о том, как используются их данные, и предоставляют четкое и однозначное согласие на обработку данных.

Еще одним комплексом мер будет, безусловно, развитие и своевременное внедрение технических возможностей, которые обеспечат безопасность и комфорт пользователей. Так, например создание удобных условий для пользователей, которые касаются исправления и стирания их личных данных.

В рамках защиты прав интеллектуальной собственности также необходимо разработать целый комплекс инициатив эффективно решающих данную проблему. Так, например, принять технологические меры, которые контролируют использование и распространение контента, защищенного авторским правом. Также использование технологий блокчейна для отслеживания владения и происхождения цифровых активов, способствующих обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности. Также можно использовать наработки иностранных государств в области защиты прав интеллектуальной собственности в цифровом пространстве.

Также целый комплекс защитных мер необходимо принять в сфере обеспечения кибербезопасности и эффективной борьбы с киберпреступностью. Так, например, внедрение и активное применение надежных протоколов безопасности, включая брандмауэры, системы обнаружения вторжений и многофакторную аутентификацию. Более того необходимо постоянно пользователям, которые хотят максимально обезопасить себя от кибератак должны проходить обучение у лучших практиков и экспертов в исследуемой сфере. Также не лишнем будет заимствование международного опыта в целях обмена информации и разработки скоординированных ответов на киберпреступность.

Необходимо отметить, целый комплекс мер, которые требуются при проведении электронной коммерции и заключении соответствующих контрактов, так как рост онлайн предприятий ввел новые проблемы, связан-

ные с формированием контрактов, а также защитой потребителей и разрешением споров. В данной ситуации необходимо обеспечить соответствующую защиту потребителей на онлайн рынках. Также необходимо осуществить предоставление платформ для разрешения споров, возникающих в результате онлайн-транзакций, а также признание обоснованности электронных подписей и цифровых контрактов для онлайн -транзакций.

Необходимо сказать о появлении искусственного интеллекта и машинного обучения, которые поднимает новые этические и юридические вопросы, касающиеся ответственности, дискриминации и алгоритмической предвзятости. Для решения этого вопроса требуется обеспечение прозрачности в проектировании, эксплуатации и принятии решений систем искусственного интеллекта. Также необходимо внедрить этические руководящие принципы в работе искусственного интеллекта. Это, в свою очередь, позволит создавать такие онлайн платформы, которые обеспечат системам искусственного интеллекта предотвращать дискриминацию и содействовать справедливости.

Обеспечение информационной безопасности является одной из первостепенных задач государства в современной цифровой эпохе [1].

Борьба с киберпреступностью во многом зиждется на подкованности самих граждан [4]. И по этой причине необходимо предпринимать комплекс мер государству и общественности об увеличение качества информированности граждан в сфере цифровых технологий.

Также необходимо понимать, что цифровая трансформация помимо проблем и трудностей несет в себе большое количество возможностей, в том числе для юридических инноваций.

Во-первых, можно смело выделить использование цифровых технологий в сфере применения юридических услуг. Речь идёт об использовании инструментов, которые оптимизируют юридические процессы, от проверки контракта и управления документами до юридических исследований и должной осмотрительности. Правовая система развивается и в ней придется использовать сложные цифровых технологий. Государства создают новые правила, и суды создают плодородную почву для таких вопросов, как резолюция в онлайн – спорах, а также проведение онлайн процессов со всеми вытекающими последствиями. Также рост стартапов юридических технологий способствует инновациям и решает традиционные юридические задачи новыми способами.

Во-вторых, цифровые платформы могут оптимизировать различные аспекты гражданского оборота. Например, системы управления интеллектуальным движением, использующие данные в реальном времени, могут оптимизировать транспортный поток, снизить заторы и повысить эффективность общественного транспорта. Приложения и общие услуги по мобильности предлагают гибкие и доступные варианты транспортировки, особенно для тех, у кого нет доступа к личным транспортным средствам.

В-третьих, отслеживание перевозок и проведение аналитики данных в реальном времени могут оптимизировать цепочки поставок, минимизировать задержки и обеспечить своевременную доставку товаров и услуг. Технология блокчейна обещает революционизировать логистику путем со-

здания безопасных и прозрачных систем ведения записей. Все это самым радикальным образом оптимизирует и упростит гражданские правоотношения.

В-четвертых, цифровые платформы могут упростить доступ к государственным услугам, таким как регистрация, разрешения и преимущества, что делает их более доступными и эффективными. Это способствует более демократичному и справедливому государственному сектору.

В-пятых, необходимо отметить, оптимизация реализации социальных услуг. Так, например онлайн-платформы могут облегчить открытый диалог и сотрудничество между гражданами и властями, что способствует более быстрому принятию решений и коллективных действий. Социальные сети и онлайн-форумы могут связывать людей с общими интересами, облегчить инициативы на уровне общества и дать возможность местным органам власти удовлетворить их конкретные потребности. Цифровые библиотеки и платформы онлайн – обучения демократизируют доступ к знаниям и образованию, позволяют людям приобретать новые навыки и активно участвовать в обществе.

Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что цифровая трансформация представляет как проблемы, так и возможности для организаций. Принимая упреждающий подход, понимая юридические последствия их цифровых инициатив и оставаясь в курсе постоянно меняющегося информационного потока и нарастающего числа цифровых технологий, предприятия могут ориентироваться в этих сложных условиях и использовать преобразующую силу процессов цифровизации. Крайне важно взаимодействовать с профессионалами в области права специализирующихся на технологическом законодательстве, и прекрасно понимающих и разбирающихся в ландшафте исследуемой сферы, чтобы обеспечить качественное соблюдение правил и снижение рисков. Это позволит предприятиям процветать в эпоху цифровых технологий, используя весь потенциал цифровой трансформации, и обеспечить эффективную юридическую навигацию, что в свою очередь позволит с уверенностью двигаться по легальному лабиринту цифровых технологий.

Библиографический список

1. *Воробьев С.М., Ивлиев П.В.* «Актуальные проблемы формирования информационного общества в России» // Теория государства и права. – 2022. – № 2 (27). – С. 87–98.

2. *Комаров С.А., Мицкая Е.В.* Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография [Текст] / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2018. – 168 с.

3. *Ивлиев П.В., Крижановская Г.Н.* «Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития» // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 127–136.

4. *Ивлиев П.В., Соколова Е.А.* «Влияние цифровых технологий на развитие финансового сектора в современном мире» // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11 (215). – С. 35–37.

5. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: МАТГиП, 2022. – 320 с.

Для цитирования: *Ивлиев П.В.* Цифровая трансформация: правовые проблемы и пути решений: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 89–94.
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.89

DIGITAL TRANSFORMATION: LEGAL PROBLEMS AND SOLUTIONS

Pavel V. Ivliev*

Annotation. This article examines the objective prerequisites for the use of digital technologies in civil circulation. It analyzes in detail the current problems of digitalization processes in modern Russian society related to the activities of individuals and legal entities in the economic and social sphere. It also offers relevant and effective ways and means of solving the above-mentioned problems. It also describes in detail the potential benefits that Russian society and the state can receive in the event of solving the problems considered in this study and the mass introduction and use of digital technologies in civil circulation.

Keywords: digital transformation, digital technologies, information protection, cybersecurity, intellectual property rights, online platforms, civil circulation, online forums, civil legal relations, protection of rights.

The entire history of the development of civilization on our planet shows that technologies have developed and become more advanced with each new era. In the 21st century, these trends have reached their apogee in some way. It is for this reason that the current century is the century of technology and information, and this fact can be safely considered absolutely objective and inevitable. Society will never voluntarily return to the experience of past generations, when interaction between people took place in traditional ways.

It is necessary to understand that the digital revolution is transforming every aspect of our lives, from the way we work and to purchase, to the way we interact with government agencies or citizens and gain access to all kinds of services and services. Organizations, businesses and citizens are trying to embrace digital transformation, implement new technologies and processes to improve efficiency, achieve new results in their activities, conquer new markets and at the same time remain competitive. However, this rapid evolution has a unique set of legal issues that organizations, citizens and the state must carefully and effectively resolve. The first challenge in the area under study is ensuring data privacy and security [2]. The flow of all kinds of data generated by digital technologies requires reliable information security measures. Organizations must comply with increasingly stringent regulations, ensuring that they have appropriate protections in place to ensure confidentiality of information and obtain explicit consent for data processing.

* **Ivliev Pavel Valentinovich,** Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Legal Sciences. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Another challenge is that digital platforms often use intellectual property rights such as patents, trademarks, and copyrights. Businesses must understand how their actions affect digital transformation, especially in areas such as cloud computing, artificial intelligence, and software development.

Another challenge is the rise of cyber threats and the resulting need to create a transparent and secure cyberspace. As organizations become more dependent on digital systems, the risk of cyber attacks increases significantly. Legal issues arise related to data breaches, ransomware attacks, and the liability associated with these incidents. Implementing cybersecurity measures and navigating through comprehensive liability frameworks is critical [5].

It is also important to note that digital transformation involves new partnerships, collaborations, and software licenses. Organizations must carefully review contracts to reflect the specific risks and opportunities associated with digital technologies. This includes addressing issues such as data ownership, intellectual property rights, and liability for third-party services.

It is important to note that the legal landscape surrounding digital technologies is constantly evolving. Organizations must stay abreast of new regulations governing artificial intelligence, blockchain, and autonomous vehicles. To achieve long-term success, it is necessary to remain fully informed and adapt to these changes as quickly as possible.

One of the key problems that society faces in the field of digital transformation is the lack of awareness of citizens about their rights in the field of digital technologies. Many users are unaware of their rights and do not know how to protect their rights.

A particularly important problem is the lack of protection of minors and the younger generation in general. The digital information environment poses a great threat to children, which is expressed in cyberbullying, obscene content, as well as communication with strangers who pose a danger.

Solving these problems requires a large number of measures and a comprehensive approach. There are objective obstacles and difficulties that society and the state will have to solve in the medium term [3].

For example, the first and main measure will be the creation of a whole package of regulatory initiatives that will more thoroughly and efficiently regulate the process of regulating relations in the field of digital technologies related to civil circulation. For example, the consolidation at the legislative level of the obligations of companies related to the fact that they must collect only data that is strictly necessary for the implementation of their legitimate purposes. It is also necessary to develop reliable security measures to protect data from unauthorized access, use or disclosure.

Another solution will be the very fact of transparency and consent from users of all kinds of digital innovations. For example, it is necessary to ensure that people are informed about how their data is used, and provide clear and unambiguous consent to the processing of data.

Another set of measures will, of course, be the development and timely implementation of technical capabilities that will ensure the safety and comfort of users. For example, the creation of convenient conditions for users regarding the correction and erasure of their personal data.

Within the framework of the protection of intellectual property rights, it is also necessary to develop a whole range of initiatives that effectively solve this problem. For example, to take technological measures that control the use and distribution of content protected by copyright. Also, the use of blockchain technologies to track the ownership and origin of digital assets, helping to ensure compliance with intellectual property rights. It is also possible to use the developments of foreign states in the field of protecting intellectual property rights in the digital space.

It is necessary to take a whole range of protective measures in the field of ensuring cybersecurity and effectively combating cybercrime. For example, the introduction and active use of reliable security protocols, including firewalls, intrusion detection systems and multi-factor authentication. Moreover, it is necessary for users who want to maximally protect themselves from cyber attacks to undergo training from the best practitioners and experts in the field under study. It will also not be superfluous to borrow international experience in order to exchange information and develop coordinated responses to cyber crime.

It is also necessary to note a whole range of measures that are required when conducting e-commerce and concluding relevant contracts, since the growth of online enterprises has introduced new problems associated with the formation of contracts, as well as consumer protection and dispute resolution. In this situation, it is necessary to ensure adequate consumer protection in online markets. It is also necessary to provide platforms for resolving disputes arising from online transactions, as well as to recognize the validity of electronic signatures and digital contracts for online transactions.

It is necessary to mention the emergence of artificial intelligence and machine learning, which raise new ethical and legal issues concerning liability, discrimination and algorithmic bias. To address this issue, it is necessary to ensure transparency in the design, operation and decision-making of artificial intelligence systems. It is also necessary to introduce ethical guidelines in the work of artificial intelligence. This in turn will allow the creation of online platforms that will enable artificial intelligence systems to prevent discrimination and promote justice.

Ensuring information security is one of the primary tasks of the state in the modern digital era [1].

The fight against cybercrime is largely based on the savvy of the citizens themselves [4]. And for this reason, it is necessary for the state and the public to take a set of measures to increase the quality of citizens' awareness in the field of digital technologies.

It is also necessary to understand that digital transformation, in addition to problems and difficulties, brings with it a large number of opportunities, including for legal innovations.

First, we can safely highlight the use of digital technologies in the field of legal services. This refers to the use of tools that optimize legal processes, from contract review and document management to legal research and due diligence. The legal system is evolving and will have to use sophisticated digital technologies. States are creating new rules and courts are creating fertile ground for issues such as online dispute resolution and online trials with all

the ensuing consequences. Also, the growth of legal technology startups is driving innovation and solving traditional legal problems in new ways.

Second, digital platforms can optimize various aspects of civil circulation. For example, intelligent traffic management systems using real-time data can optimize traffic flow, reduce congestion and improve the efficiency of public transport. Mobility apps and shared services offer flexible and affordable transportation options, especially for those who do not have access to personal vehicles.

Third, real-time tracking and analytics can optimize supply chains, minimize delays, and ensure the timely delivery of goods and services. Blockchain technology promises to revolutionize logistics by creating secure and transparent record-keeping systems. All of this will radically optimize and simplify civil legal relations.

Fourth, digital platforms can simplify access to public services such as registration, permits, and benefits, making them more accessible and efficient. This contributes to a more democratic and fair public sector.

Fifth, it is necessary to note the optimization of the delivery of social services. For example, online platforms can facilitate open dialogue and collaboration between citizens and authorities, which contributes to faster decision-making and collective action. Social networks and online forums can connect people with common interests, facilitate community initiatives, and enable local authorities to meet their specific needs. Digital libraries and online learning platforms democratize access to knowledge and education, enabling people to acquire new skills and actively participate in society.

In summary, digital transformation presents both challenges and opportunities for organizations. By taking a proactive approach, understanding the legal implications of their digital initiatives and staying abreast of the ever-changing information landscape and growing number of digital technologies, businesses can navigate this complex environment and harness the transformative power of digitalization. It is vital to engage with technology law professionals who have a keen understanding of the landscape to ensure compliance and risk mitigation. This will enable businesses to thrive in the digital age, harnessing the full potential of digital transformation and ensuring effective legal navigation to navigate the legal maze of digital technology with confidence.

Bibliographic list

1. Vorobyov S.M., Ivliev P.V. "Actual problems of the formation of the information society in Russia" // Theory of state and law. 2022. № 2 (27). Pp. 87–98.

2. Komarov S.A., Mitskaya E.V. Legal regulation of information security and personal data protection: monograph [Text] / Ed. S.A. Komarov. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2018. 168 p.

3. Ivliev P.V., Krizhanovskaya G.N. "Digitalization of the economy: legal regulation and development paths" // Theory of state and law. 2023. No. 4 (33). Pp. 127–136.

4. Ivliev P.V., Sokolova E.A. "The influence of digital technologies on the development of the financial sector in the modern world" // Agrarian and land law. 2022. No. 11 (215). Pp. 35–37.

5. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: MATGiP, 2022. 320 p.

For citation: Ivliev P.V. Digital transformation: legal problems and solutions: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 94–98.
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.89

Научная статья

УДК 346.075.8
ББК 67.404.9
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.99

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А.Р. Лугуев*

Аннотация. Статья посвящена вопросам правовой охраны предпринимательской деятельности в современных условиях. Установлено, что постковидный период, беспрецедентные экономические и политические санкционные меры стран Запада в отношении Российской Федерации, режим специальной военной операции оказали непосредственное влияние на особенности осуществления предпринимательской деятельности и на ее охрану. В статье рассматриваются проблемы, с которыми столкнулись предприниматели на современном этапе, а также меры государственной поддержки субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, санкции, присоединенные регионы, государство, меры поддержки, экономика, предпринимательство, бизнес.

Развитие экономики – это одна из приоритетных задач Российской Федерации, в решении которой ключевое значение играет развитие малого и среднего бизнеса. Безусловно, малый и средний бизнес положительно влияют на решение социально-экономических задач, поставленных перед государством, обеспечивая при этом устойчивое развитие и конкурентоспособность.

Как справедливо отмечает в своем исследовании Ю.Н. Радченко, положение малого и среднего бизнеса напрямую поставлено в зависимость от принимаемых политических решений, при этом враждебные взаимоотношения на мировой арене также обуславливают создание препятствий для ведения адекватной и эффективной экономической политики [4, с. 249]. Острая политическая и экономическая ситуация на мировой арене и меняющаяся геополитическая обстановка обуславливают актуальность рассмотрения вопросов, связанных с правовым регулированием и охраной предпринимательской деятельности в России [7, 8].

Особенности правовой охраны предпринимательской деятельности в России в современных условиях обусловлены рядом факторов, среди ко-

* **Лугуев Азизбек Рустамович,** магистрант 2 курса Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Анищенко Владимир Николаевич**, профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор. E-mail: anpvladimir@list.ru

торых, например, можно выделить: активное внесение изменений в действующее законодательство; постковидный период; беспрецедентные экономические и политические санкционные меры стран Запада в отношении Российской Федерации; режим специальной военной операции и т.д. Помимо этого, как отмечает А.С. Чемисова, факторами, влияющими на особенности правовой охраны предпринимательской деятельности, выступают: вызванное западными санкциями изменение экономической ситуации в стране; наличие административных барьеров; несовершенство нормативно-правовой базы, наличие криминальных угроз экономической направленности и т.д. [5, 7, 8].

Таким образом, сложившиеся в настоящее время специфические обстоятельства обуславливают новые особенности развития предпринимательской деятельности в России на современном этапе. Так, например, сейчас предприниматели вносят изменения в осуществление своей деятельности, активно адаптируются к преобразованиям и реалиям экономического мира, занимаются поиском новых поставщиков и покупателей, а также поиском новых площадок для рекламы в связи с санкционной блокировкой некоторых привычных социальных сетей. В общем и целом, рост цен и увеличение ставки Банка России, как следствие, снижение доступности заемных средств побудили предпринимателей к нахождению новых бизнес-партнеров и перестраиванию сложившихся бизнес-процессов.

Специфика особенностей предпринимательской деятельности в России объективно обуславливает и возникновение новых особенностей правовой охраны этой деятельности.

Итак, что касается санкционного режима, как отмечает в своем исследовании А.А. Бадалов, санкционная политика в сочетании с другими мерами способна нанести вред и даже дестабилизировать финансовое состояние любого государства [3, с. 90]. В таких условиях, для того, чтобы обеспечить финансовую безопасность страны и на этой основе создать благоприятные условия для развития предпринимательства, органам государственной власти целесообразно совершать действия, направленные на повышение стабильности платёжной системы государства; снижение уровня оттока капитала за пределы государственной границы; повышение стабильности экономического развития России и т.д.

Санкционные меры, безусловно, негативно повлияли на развитие предпринимательства в стране. Так, крупные международные компании, которые ранее активно сотрудничали с российскими представителями предпринимательства, покинули российский рынок; значительно ухудшились условия транспортировки импортной продукции; зарубежные компании стали отказывать представителям российского бизнеса в поставке сырья и материалов; усложнилась внешнеэкономическая и внешнеторговая деятельность; изменились условия инвестиционной привлекательности России; закупочные цены увеличились; изменился спрос среди потребителей ~~енизился~~. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Правительству Российской Федерации целесообразно уделять больше внимания на поддержку и охрану предпринимательства, ведь это напрямую оказывает влияние на решение проблемы укрепления российской экономики в целом.

Следует отметить, что несмотря на имеющиеся сложности во внешнеполитической обстановке и отношениях с рядом зарубежных, враждебно настроенных в отношении России стран, в сложившейся ситуации органы государственной власти Российской Федерации принимают широкий спектр мер поддержки и охраны предпринимательской деятельности, что выражается, в частности, в смягчении административной нагрузки на субъектов предпринимательства, развитии программ льготного кредитования и субсидирования, введении режимов льготного налогообложения, оказании содействия малым и средним предприятиям в технологическом развитии, льготном лизинге и т.д.

В начале 2023 года Банком России была разработана «Дорожная карта поддержки малого и среднего бизнеса на 2023–2024 годы», основная цель которой – обеспечение доступности кредитования, особенно инвестиционного [6]. Здесь также целесообразно обратить внимание и на присоединенные регионы, поскольку новые субъекты Федерации испытывают определенные сложности интеграции в российскую правовую систему, что влечет за собой необходимость оказания мер государственной поддержки.

В настоящее время такие меры активно принимаются. Так, на территории новых регионов субъекты малого и среднего предпринимательства до конца 2025 года могут воспользоваться льготным кредитованием: выдаваться указанные денежные средства будут сроком до 3-х лет по ставке до 10%, максимальный размер такого займа составит 50 млн руб. [2]. Активно развивается и региональная поддержка субъектов предпринимательства в указанных территориях. Так, в новых регионах утверждается список видов льготной деятельности, предприниматели, занятые в соответствующих отраслях, могут получить налоговые каникулы до двух налоговых периодов.

Кроме того, можно отметить, что для всех организаций и индивидуальных предпринимателей (ИП) в 2024 году действуют четыре важные меры поддержки:

– возмещение НДС в ускоренном режиме без банковских гарантий и поручительства (при условии, если организация или ИП не находятся в процессе реорганизации, ликвидации или в отношении них не возбуждено дело о банкротстве);

– отмена НДФЛ с материальной выгоды (если выгода была в 2023 году). Обложению НДФЛ не подлежат следующие виды доходов: от экономии на процентах за пользование заемными (кредитными) средствами от организаций (ИП), с которыми налогоплательщики состоят в трудовых отношениях; от приобретения товаров (работ, услуг) в соответствии с гражданско-правовым договором у лиц, являющихся взаимозависимыми по отношению к налогоплательщику; от приобретения налогоплательщиками ценных бумаг и производных финансовых инструментов;

– снижение транспортного налога для дорогих легковых автомобилей (до 2022 года при расчете налога на машины стоимостью от 3 до 10 млн руб. применялся повышающий коэффициент – 1,1 и 2. В настоящее время эти коэффициенты отменили);

– заморозка налогов на недвижимость и земельный участок (для расчета соответствующего налога необходимо использовать кадастровую сто-

имость по состоянию на 1 января 2022 года. Если кадастровая стоимость снижается, то надо использовать новую, более низкую).

Важной налоговой льготой выступает и то обстоятельство, что в случае, если на территорию российского государства ввозится технологическое оборудование и его комплектующие, отечественный аналог которых отсутствует, то в данной ситуации НДС не уплачивается [1].

Нельзя не отметить и такую меру поддержки как льготный лизинг для субъектов малого и среднего предпринимательства: в конце 2023 года было принято решение о выделении почти 1,3 млрд руб. в данную сферу.

Охрана и поддержка предпринимательства со стороны государства реализуется также и на информационном уровне. К примеру, существует ряд цифровых сервисов («Финансовая культура», «Сервис 360», «Мой бизнес» и т.д.), где размещены полезные информационные материалы для предпринимателей, касающиеся финансовой грамотности и мер государственной поддержки. Кроме того, не стоит забывать, что эксперты также всегда готовы оказать консультационное сопровождение предпринимателям в части разъяснения мер поддержки.

В регионах, к примеру, активно распространена грантовая поддержка, что также можно рассматривать в аспекте правовой охраны предпринимательской деятельности. Требования конкретного конкурса и условия получения субъектами малого и среднего предпринимательства денежных средств размещаются на региональных порталах.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что охрана предпринимательской деятельности представляет собой государственный экономико-правовой механизм, направленный на всецелую обеспечение поддержку субъектов предпринимательства, восстановление и защиту нарушенных прав предпринимателей. При этом охрана предпринимательской деятельности в России нацелена на создание благоприятных условий для устойчивого развития предпринимательства и экономики государства в целом, а также защиту публичных интересов.

Показано, что особенности правовой охраны предпринимательской деятельности в современных условиях, главным образом, связаны с экономическими и политическими санкциями враждебно настроенных стран «Запада» в отношении Российской Федерации; режимом специальной военной операции; расширением субъектного состава российского государства путем правового присоединения новых регионов в полном соответствии с международным правом. В результате отмеченных обстоятельств вся сфера предпринимательской деятельности стала функционировать иначе, адаптируясь и приспосабливаясь к новым реалиям.

В настоящее время органы государственной власти России в рамках охраны предпринимательства реализуют большое количество мер поддержки финансового и иного характера в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства. Это, безусловно, необходимо, поскольку, малому и среднему предпринимательству в российской экономике принадлежит роль важного рычага. Кроме того, российское государство и российское общество стремится оказать максимальную помощь новым регионам в части интеграции в российскую правовую систему, это касается и пред-

принимателей в том числе, что в полной мере согласуется с национальными интересами и стратегическими приоритетами Российской Федерации.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2009 № 372 (ред. от 14.09.2024) «Об утверждении перечня технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в Российской Федерации, ввоз которого на территорию Российской Федерации не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость» // www.consultant.ru

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2023 № 888 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2023–2025 годах субъектам малого и среднего предпринимательства на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области» // www.consultant.ru

3. *Бадалов А.А.* Санкции, как угроза финансовой безопасности России // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: сборник статей по материалам CLVIII студенческой международной научно-практической конференции, Новосибирск, 06 февраля 2023 года. Том 3 (157). – Новосибирск: «Сибирская академическая книга», 2023. – С. 88–91.

4. *Радченко Ю.Н.* Проблемы развития российского предпринимательского сектора в современных условиях // Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции к празднованию 30-летия со дня образования Казначейства России, Волгоград, 09 декабря 2022 года. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2023. – С. 249–252.

5. *Чемисова А.С.* Предпринимательство и бизнес в современных условиях // Современный менеджмент и экономика: проблемы и перспективы развития: Сборник трудов Ежегодной национальной научно-практической конференции специалистов, учёных, аспирантов и студентов, Санкт-Петербург, 01 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2024. – С. 144–148.

6. Банк России разработал Дорожную карту поддержки малого и среднего бизнеса на 2023–2024 годы. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=14474 (дата обращения: 02.10.2024).

7. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: монография / А.Г. Хабибулин, А.В. Анищенко, В.Н. Анищенко, Е.В. Анищенко, А.Н. Выборный; под общ. ред. А.Г. Хабибулина. – 2-е изд., расш. и допол. – М.: ВШГА, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. – 480 с.

8. *Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г.* Криминальные и финансовые угрозы реализации социально-экономических реформ и проектов в России (экономико-правовой анализ): Монография / Под ред. В.Н. Анищенко, А.Г. Хабибулина. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 352 с.

Для цитирования: *Лугуев А.Р.* Особенности правовой охраны предпринимательской деятельности в современных условиях: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 99–103.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.99

FEATURES OF LEGAL PROTECTION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN MODERN CONDITIONS

A. R. Luguev*

Annotation. The article is devoted to the issues of legal protection of entrepreneurial activity in modern conditions. It has been established that the post-covid period, unprecedented economic and political sanctions of Western countries against the Russian Federation, the special military operation regime have had a direct impact on the specifics of entrepreneurial activity and its protection. The article discusses the problems faced by entrepreneurs at the present stage, as well as measures of state support for business entities.

Keywords: small and medium-sized businesses, sanctions, annexed regions, state, support measures, economy, entrepreneurship, business.

Economic development is one of the priority tasks of the Russian Federation, in the solution of which the development of small and medium-sized businesses plays a key role. Of course, small and medium businesses have a positive impact on the solution of socio-economic problems set before the state, while ensuring sustainable development and competitiveness.

As Yu.N. Radchenko rightly notes in his study, the position of small and medium businesses is directly dependent on the political decisions made, while hostile relations in the world arena also lead to the creation of obstacles to the implementation of adequate and effective economic policy [4, p. 249]. The acute political and economic situation in the world arena and the changing geopolitical environment determine the relevance of considering issues related to legal regulation and protection of entrepreneurial activity in Russia [7, 8].

The peculiarities of legal protection of entrepreneurial activity in Russia in modern conditions are due to a number of factors, among which, for example, one can highlight: active amendments to the current legislation; post-covid period; unprecedented economic and political sanctions of Western countries against the Russian Federation; special military operation regime, etc. In addition, as A.S. Chemisova notes, the factors influencing the specifics of legal protection of entrepreneurial activity are: changes in the economic situation in the country caused by Western sanctions; the presence of administrative barriers; imperfection of the regulatory framework, the presence of criminal threats of an economic nature, etc. [5, 7, 8].

Thus, the specific circumstances that have developed at present determine new features of the development of entrepreneurial activity in Russia at the present stage. For example, entrepreneurs are now making changes to the implementation of their activities, actively adapting to the transformations and

* **Luguev Azizbek Rustamovich,** 2nd year master's student of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor – **Anishchenko Vladimir Nikolaevich**, professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Technical Sciences, professor. E-mail: anpvladimir@list.ru

realities of the economic world, searching for new suppliers and buyers, as well as searching for new platforms for advertising in connection with the sanctions blocking of some familiar social networks. In general, the rise in prices and the increase in the Bank of Russia rate, as a consequence, the decrease in the availability of borrowed funds, prompted entrepreneurs to find new business partners and restructure existing business processes.

The specific features of entrepreneurial activity in Russia objectively determine the emergence of new features of the legal protection of this activity.

So, as regards the sanctions regime, as A. A. Badalov notes in his study, the sanctions policy in combination with other measures can harm and even destabilize the financial state of any state [3, p. 90]. In such conditions, in order to ensure the financial security of the country and, on this basis, create favorable conditions for the development of entrepreneurship, it is advisable for government agencies to take actions aimed at increasing the stability of the state payment system; reducing the level of capital outflow beyond the state border; increasing the stability of Russia's economic development, etc.

The sanctions have certainly had a negative impact on the development of entrepreneurship in the country. Thus, large international companies that previously actively cooperated with Russian entrepreneurs have left the Russian market; the conditions for transporting imported products have significantly worsened; foreign companies have begun to refuse to supply raw materials and materials to Russian business representatives; foreign economic and foreign trade activities have become more complicated; the conditions for Russia's investment attractiveness have changed; purchase prices have increased; demand among consumers has changed and decreased. All of the above indicates that it is advisable for the Government of the Russian Federation to pay more attention to supporting and protecting entrepreneurship, since this directly affects the solution to the problem of strengthening the Russian economy as a whole.

It should be noted that despite the existing difficulties in the foreign policy situation and relations with a number of foreign countries hostile to Russia, in the current situation, the state authorities of the Russian Federation are taking a wide range of measures to support and protect entrepreneurial activity, which is expressed, in particular, in easing the administrative burden on business entities, developing preferential lending and subsidy programs, introducing preferential tax regimes, providing assistance to small and medium-sized enterprises in technological development, preferential leasing, etc.

At the beginning of 2023, the Bank of Russia developed a "Roadmap for Supporting Small and Medium-Sized Businesses for 2023–2024", the main goal of which is to ensure the availability of lending, especially investment [6]. Here, it is also advisable to pay attention to the annexed regions, since the new subjects of the Federation are experiencing certain difficulties in integrating into the Russian legal system, which entails the need to provide state support measures.

Currently, such measures are being actively taken. Thus, in the territory of the new regions, small and medium-sized businesses can take advantage of preferential lending until the end of 2025: these funds will be issued for a peri-

od of up to 3 years at a rate of up to 10%, the maximum amount of such a loan will be 50 million rubles. [2]. Regional support for business entities in these territories is also actively developing. Thus, in the new regions, a list of types of preferential activities is approved, entrepreneurs engaged in the relevant industries can receive tax holidays for up to two tax periods.

In addition, it can be noted that for all organizations and individual entrepreneurs (IE) in 2024, four important support measures are in effect:

– accelerated VAT refund without bank guarantees and sureties (provided that the organization or IE is not in the process of reorganization, liquidation, or bankruptcy proceedings have not been initiated against them);

– cancellation of personal income tax on material benefits (if the benefit was in 2023). The following types of income are not subject to personal income tax: from savings on interest for the use of borrowed (credit) funds from organizations (individual entrepreneurs) with which taxpayers have an employment relationship; from the purchase of goods (works, services) in accordance with a civil law contract from persons who are interdependent in relation to the taxpayer; from the purchase of securities and derivative financial instruments by taxpayers;

– reduction of transport tax for expensive cars (until 2022, when calculating the tax on cars worth from 3 to 10 million rubles, an increasing coefficient of 1.1 and 2 was used. Currently, these coefficients have been canceled);

– freezing of taxes on real estate and land (to calculate the corresponding tax, it is necessary to use the cadastral value as of January 1, 2022. If the cadastral value decreases, then a new, lower one must be used).

An important tax benefit is also the fact that if technological equipment and its components are imported into the territory of the Russian state, for which there is no domestic equivalent, then in this situation VAT is not paid [1].

One cannot fail to note such a support measure as preferential leasing for small and medium-sized businesses: at the end of 2023, a decision was made to allocate almost 1.3 billion rubles in this area.

The protection and support of entrepreneurship by the state is also implemented at the information level. For example, there are a number of digital services ("Financial Culture", "Service 360", "My Business", etc.), where useful information materials for entrepreneurs are posted, concerning financial literacy and measures of state support. In addition, do not forget that experts are also always ready to provide advisory support to entrepreneurs in terms of explaining support measures.

In the regions, for example, grant support is actively distributed, which can also be considered in the aspect of legal protection of entrepreneurial activity. The requirements of a specific competition and the conditions for receiving funds by small and medium-sized businesses are posted on regional portals.

Thus, summing up the above, we can conclude that the protection of entrepreneurial activity is a state economic and legal mechanism aimed at fully ensuring support for business entities, restoring and protecting the violated rights of entrepreneurs. At the same time, the protection of entrepreneurial activity in Russia is aimed at creating favorable conditions for the sustainable de-

velopment of entrepreneurship and the economy of the state as a whole, as well as protecting public interests.

It is shown that the peculiarities of legal protection of entrepreneurial activity in modern conditions are mainly associated with the economic and political sanctions of hostile "Western" countries against the Russian Federation; the regime of a special military operation; the expansion of the subject composition of the Russian state through the legal annexation of new regions in full compliance with international law. As a result of the noted circumstances, the entire sphere of entrepreneurial activity began to function differently, adapting and adjusting to new realities.

Currently, government bodies of Russia, within the framework of entrepreneurship protection, implement a large number of financial and other support measures in relation to small and medium-sized businesses. This is certainly necessary, since small and medium-sized businesses play an important role in the Russian economy. In addition, the Russian state and Russian society strive to provide maximum assistance to new regions in terms of integration into the Russian legal system, this also applies to entrepreneurs, which is fully consistent with the national interests and strategic priorities of the Russian Federation.

Bibliographic list

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.04.2009 No. 372 (as amended on 14.09.2024) "On approval of the list of technological equipment (including components and spare parts for it), analogues of which are not produced in the Russian Federation, the import of which into the territory of the Russian Federation is not subject to value added tax" // www.consultant.ru

2. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 31, 2023 No. 888 "On approval of the Rules for providing subsidies from the federal budget to Russian credit institutions to compensate for lost income on loans issued in 2023–2025 to small and medium-sized businesses in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region, Kherson region" // www.consultant.ru

3. Badalov A.A. Sanctions as a threat to Russia's financial security // Scientific community of students. Interdisciplinary research: a collection of articles based on the materials of the CLVIII student international scientific and practical conference, Novosibirsk, February 6, 2023. Volume 3 (157). Novosibirsk: "Siberian Academic Book", 2023. P. 88–91.

4. Radchenko Yu.N. Problems of development of the Russian business sector in modern conditions // Development of the financial market and entrepreneurial structures in modern conditions: Materials of the All-Russian scientific and practical conference for the celebration of the 30th anniversary of the formation of the Treasury of Russia, Volgograd, December 09, 2022. Volgograd: Limited Liability Company "Sfera", 2023. Pp. 249–252.

5. Chemisova A.S. Entrepreneurship and business in modern conditions // Modern management and economics: problems and prospects of development: Collection of works of the Annual national scientific and practical conference of specialists, scientists, graduate students and students, St. Petersburg, April 01, 2024. – St. Petersburg: LLC Center for Scientific and Information Technologies Asterion, 2024. – Pp. 144–148.

6. The Bank of Russia has developed a Roadmap for supporting small and medium-sized businesses for 2023-2024. www.consultant.ru

7. Financial sovereignty and financial security of Russia: threats and risks: monograph / A.G. Khabibulin, A.V. Anishchenko, V.N. Anishchenko, E.V. Anishchenko, A.N. Vyborny; under the general editorship of A.G. Khabibulin. 2nd ed., expanded. and supplemented. Moscow: Lomonosov Moscow State University. Higher School of Public Audit, 2023. 480 p.

8. Anishchenko V.N., Khabibulin A.G. Criminal and financial threats to the implementation of socio-economic reforms and projects in Russia (economic and legal analysis): Monograph / Under the editorship of V.N. Anishchenko, A.G. Khabibulina. Moscow: Publishing house of Moscow University, 2014. 352 p.

For citation: Luguev A.R. Features of legal protection of entrepreneurial activity in modern conditions: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 104–108.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.99

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.109

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

С.С. Абдулаев*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности международного сотрудничества в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, при использовании цифровых финансовых активов. Отмечается, что стремительное развитие криптовалют и других цифровых активов создает новые вызовы для борьбы с финансовыми преступлениями. Приводится анализ деятельности ФАТФ как ключевой международной организации, координирующей усилия государств в этой сфере. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, включающего, как национальные, так и международные меры, для эффективного противодействия незаконному использованию криптовалют.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, отмывание денежных средств, криптовалюты, ФАТФ.

Стремительное развитие индустрии цифровых финансовых активов создает новые вызовы для борьбы с финансовыми преступлениями, в особенности все активно данные технологии используются в преступных целях при легализации денежных средств [1]. Одновременно с этим, технологии блокчейн открывают уникальные возможности для правоохранительных органов.

Появление децентрализованных финансов, рост популярности NFT, игровых платформ и метавселенных требуют повышенного внимания со стороны регуляторов и правоохранителей. Данные инновационные сферы потенциально могут использоваться для отмывания денежных средств из-за их децентрализованной природы и кажущейся анонимности.

* **Абдулаев Салах Саламуевич,** студент 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: salah954@yandex.ru

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

Однако сама специфика блокчейн-технологий предоставляет новые инструменты для борьбы с финансовыми преступлениями. Все транзакции с криптовалютами фиксируются в публичном, неизменяемом реестре, что позволяет правоохранительным органам отслеживать движение средств и собирать доказательства даже спустя длительное время после совершения преступления. Преступники, использующие криптовалюты для незаконной деятельности, оставляют цифровой след, который невозможно подделать или уничтожить. Даже мелкие ошибки злоумышленников могут привести к раскрытию их личности или выявлению преступной сети.

Вместе с тем, пространственные границы преступности в данной сфере стираются в силу развития онлайн пространства, именно поэтому эффективное противодействие новым угрозам в сфере цифровых финансовых активов требует совместных усилий государственных органов, частного сектора и разработчиков инструментов кибербезопасности [3; 4].

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ) является ключевой международной организацией, координирующей усилия государств в противодействии легализации преступных доходов. ФАТФ применяет риск-ориентированный подход, который эффективно балансирует между угрозами и возможностями, связанными с криптовалютами.

В качестве альтернативы традиционным централизованным методам, развитие децентрализованных управленческих сетей, не подчиняющихся ФАТФ, рассматривается как инновационный и потенциально более эффективный способ борьбы с экономическими преступлениями в условиях быстро меняющейся технологической среды [2]. Сетевой подход к контролю за цифровыми финансовыми активами успешно внедряется в большинстве стран, следующих стандартам ФАТФ [8]. Важным достижением стало внедрение «правила контроля переводов» для поставщиков услуг цифровых финансовых активов, что усиливает взаимодействие между государственным и частным секторами в сфере противодействия экономическим преступлениям.

Подобное партнерство фокусируется на мониторинге и контроле движения виртуальны активов, под которыми ФАТФ подразумевает криптовалюту и другие цифровые финансовые активы [6]. Такой подход отражает адаптацию международного сообщества к новым финансовым реалиям и технологическим инновациям.

Однако в текущих условиях стандарты ФАТФ требуют пересмотра из-за проблем с внедрением «правила контроля переводов», а также из-за распространения анонимных одноразовых транзакций. Сегодня ФАТФ расширяет повестку международного сотрудничества, но и возможности цифровых финансовых активов стремительными темпами продолжают развиваться, что еще больше усиливает отстающие темпы международного сотрудничества [5].

ФАТФ также прилагает усилия для создания централизованного репозитория законодательства и информации о киберпреступлениях, а также координирует международное сотрудничество для оценки потребностей уголовной юстиции и оказания технической помощи государствам.

Несмотря на то, что цифровые финансовые активы пока не стали основным инструментом отмывания денег, ФАТФ призывает правительства внедрять международные рекомендации для контроля над цифровыми активами, что обусловлено необходимостью интеграции незаконных финансовых потоков в легальную систему и появлением новых способов проведения транзакций вне политических границ государства.

Как было отмечено ранее, глобальный характер цифровых финансовых активов требует скоординированных международных усилий для регулирования их использования. Цель состоит в том, чтобы минимизировать риски отмывания денег, не ограничивая при этом полезные функции цифровых активов. Эффективное регулирование в этой сфере возможно только при тесном сотрудничестве между государствами. Однако возникает вопрос о справедливости и эффективности действий правительств в борьбе с отмыванием денег через цифровые активы. Ограниченное регулирование на национальном уровне подчеркивает необходимость глобального подхода, который позволит контролировать использование цифровых активов, не нарушая их трансграничную природу.

С момента своего основания в 1989 году ФАТФ разработала 40 рекомендаций, ставших международными стандартами по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Начиная с 2003 года, ФАТФ внедрила риск-ориентированный подход, направленный на предотвращение и выявление экономических преступлений. В отличие от традиционных методов, этот подход предоставляет национальным регуляторам значительную гибкость в принятии решений, позволяя им эффективно снижать риски отмывания денег.

ФАТФ акцентирует внимание на необходимости координации между национальными органами власти для активного обмена информацией, что способствует более глубокому пониманию рисков, связанных с отмыванием средств в сфере криптовалют. Риск-ориентированный метод предполагает фокусировку на ключевых элементах системы, особенно в юрисдикциях с высоким уровнем отмывания доходов, которые пересекаются с традиционными финансовыми системами.

В рамках рекомендаций ФАТФ предусматривает обмен данными о цифровых транзакциях, используя такие идентификационные средства, как национальные идентификационные номера или IP-адреса. Также рекомендуется проводить онлайн-проверки клиентов для подтверждения информации, соответствующей профилю их транзакций. При обнаружении нарушений на криптовалютных биржах ФАТФ рекомендует принимать комплексные меры для противодействия преступной деятельности и её предотвращения, что может включать введение прямых запретов или наложение различных санкций – уголовных, гражданско-правовых или административных. Важно, чтобы такие меры учитывали влияние как на национальном, так и на глобальном уровнях, избегая создания регуляторного арбитража и трансграничных различий в регулировании бирж, которые являются ключевыми элементами в финансовых операциях с криптовалютами.

Таким образом, рекомендации ФАТФ подчеркивают важность совместных усилий национальных властей для эффективного противодей-

ствия отмыванию денег в сфере криптовалют, акцентируя внимание на необходимости надежного мониторинга, регулирования ключевых участников рынка и применения адекватных санкций за нарушения, что направлено на создание более безопасной и прозрачной финансовой экосистемы, способной противостоять современным вызовам, связанным с цифровыми активами.

Глобальные вызовы в сфере коллективных действий по противодействию экономическим преступлениям, связанным с новыми технологиями, существуют уже давно. Международное сотрудничество в этой области нередко сталкивается с административными препятствиями. Для эффективной борьбы с отмыванием денег через цифровые финансовые активы международные организации работают над созданием единых стандартов, согласующих национальное законодательство и регуляции, что представляется особенно актуальным в условиях, когда членство России в ФАТФ приостановлено, и в последние годы активно неоднократно на повестку дня ФАТФ ставится вопрос о включении России в черный список ФАТФ и наложении в отношении нее санкций. Иными словами, сотрудничество в борьбе с отмыванием преступных доходов под эгидой ФАТФ может стать недоступным для России, в связи с чем требуется проработка альтернативных, но не менее эффективных механизмов сотрудничества в данной сфере.

В 2014 году Управление ООН по наркотикам и преступности выпустило руководство, направленное на выявление и изъятие цифровых активов, используемых в отмывании денег. Вместе с ОБСЕ они проводят обучение государственных служащих методам расследования преступлений, связанных с криптовалютами.

В 2015 году Международная организация комиссий по ценным бумагам учредила рабочую группу по блокчейну, а Содружество наций сформировало инициативу для регулирования виртуальных валют и координации мер по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма. Кроме того, Интерпол и Европол объединили усилия для борьбы с экономическими преступлениями, связанными с криптовалютами и другими цифровыми активами, создавая совместные партнерства и обмен опытом.

Обозначенные шаги демонстрируют стремление международного сообщества к согласованным действиям и внедрению эффективных механизмов контроля в условиях быстроразвивающихся технологий и новых финансовых инструментов.

Хотя значение цифровых финансовых активов в случаях отмывания доходов пока ниже по сравнению с традиционными финансовыми инструментами, это не снимает необходимости постоянного мониторинга потенциальных угроз и рисков. В большинстве ситуаций используется один тип виртуального актива, а при применении нескольких типов преступники стремятся распределить незаконные доходы, что требует внимательного наблюдения и адаптации регуляторных мер [7].

В качестве рекомендаций по дальнейшему укреплению существующих каналов международного сотрудничества, повышению их эффективности и проактивно, чтобы противостоять стремительно развивающейся и глобальной природе виртуальных активов, предлагается развитие сов-

местных усилий государств по укреплению как формального, так и неформального взаимодействия между правоохранительными органами, базирующимися в различных юрисдикциях [6].

Как было отмечено ранее, глобальный характер цифровых финансовых активов создает благоприятные условия для международной преступной деятельности. Высокая скорость транзакций усложняют борьбу с незаконными операциями. В этой связи правоохранительным органам крайне важно эффективно использовать все доступные каналы взаимодействия для обмена информацией. Ключевую роль в противодействии преступности в сфере виртуальных активов могут сыграть международные организации, такие как Интерпол и Европол, глобальные механизмы сотрудничества которых позволяют координировать усилия правоохранительных органов разных стран. Предлагается для повышения эффективности расследований внедрить практику проверки через Европол ключевых данных, связанных с цифровыми кошельками и их владельцами, что поможет выявлять связи между различными преступными схемами и способствовать раскрытию серьезных и организованных преступлений в сфере цифровых финансовых активов.

Таким образом, эффективное противодействие экономическим преступлениям в цифровую эпоху невозможно без тесного международного сотрудничества, что должно охватывать разработку единых стандартов и лучших практик по борьбе с отмыванием денег, а также обмен передовыми методиками расследований, адаптированными к постоянно эволюционирующим цифровым механизмам. Особое внимание предлагается уделять созданию и распространению новых ресурсов – инновационных методик, стратегий и лучших практик, широкое внедрение которых позволит обеспечить согласованный ответ на современные вызовы цифрового пространства. Комплексный подход к решению проблемы должен сочетать национальные и международные меры, гибко адаптируясь к динамичной технологической среде. Только объединив усилия на глобальном уровне, можно создать эффективную систему противодействия незаконному обороту цифровых финансовых активов и связанным с ним экономическим преступлениям.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // www.consultant.ru.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // www.consultant.ru.

3. *Анищенко В.Н., Сельянов К.С.* Международные аспекты противодействия финансированию терроризма // Проблемы правоохранительной деятельности. – Международный журнал. – 2005. – № 2. – С. 75–78.

4. *Сомик К.В., Хабибулин А.Г.* Актуальные проблемы финансовой безопасности // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 98–105.

5. Abdramanova, N.K., Bekenova, A.B., Abayev, M.B., Satkey, T.B., & Alimbekova, M.A. (2019). Latent crime research methodology in Europe, commonwealth of independent states (CIS) and Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics, 10(5), 1358-69.

6. Financial action task force (2020c). 12 Month review of revised FATF standards – virtual assets and VASPs. // www.fatf-gafi.org/publications/ fatfrecommendations/documents/12-month-review-virtual-assets-vasps.html (дата обращения: 13.10.2024).

7. Onishchenko, N.M., & Bobrovnyk, S.V. (2019). The relevance of law: Some determinants of identifying // Journal of Advanced Research in Law and Economics, 10 (1), 321-5.

8. Oxford Analytica (2017). Law will lag international cryptocurrency crime. Emerald Expert Briefings. // URL: https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OXAN-DB222104/full/html (дата обращения: 13.10.2024).

Для цитирования: *Абдулаев С.С.* Особенности развития международного сотрудничества в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем при использовании цифровых финансовых активов: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 109–114.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.109

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COMBATING THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF PROCEEDS FROM CRIME USING DIGITAL FINANCIAL ASSETS

S.S. Abdulayev*

Annotation. The article examines the features of international cooperation in the field of combating the legalization of proceeds from crime using digital financial assets. It is noted that the rapid development of cryptocurrencies and other digital assets creates new challenges for the fight against financial crimes. An analysis of the activities of the FATF as a key international organization coordinating the efforts of states in this area is provided. A conclusion is made about the need for a comprehensive approach, including both national and international measures, to effectively combat the illegal use of cryptocurrencies.

Keywords: digital financial assets, money laundering, cryptocurrencies, FATF.

The rapid development of the digital financial asset industry creates new challenges for combating financial crimes, especially since these technologies are actively used for criminal purposes in money laundering [1]. At the same time, blockchain technologies open up unique opportunities for law enforcement agencies.

The emergence of decentralized finance, the growing popularity of NFTs, gaming platforms, and metaverses require increased attention from regulators and law enforcement agencies. These innovative areas can potentially be used

* **Abdulayev Salakh Salamuevich,** 2nd year student of the Master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: salah954@yandex.ru

Scientific supervisor: **Alik Galimzyanovich Khabibulin**, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

for money laundering due to their decentralized nature and apparent anonymity.

However, the very specificity of blockchain technologies provides new tools for combating financial crimes. All transactions with cryptocurrencies are recorded in a public, immutable registry, which allows law enforcement agencies to track the movement of funds and collect evidence even long after the crime has been committed. Criminals who use cryptocurrencies for illegal activities leave a digital trail that cannot be forged or destroyed. Even minor mistakes by attackers can lead to the disclosure of their identity or the identification of a criminal network. At the same time, the spatial boundaries of crime in this area are being erased due to the development of the online space, which is why effective counteraction to new threats in the field of digital financial assets requires joint efforts of government agencies, the private sector and developers of cybersecurity tools [3; 4].

The Financial Action Task Force on Money Laundering (hereinafter referred to as FATF) is a key international organization coordinating the efforts of states to combat the legalization of criminal proceeds. FATF uses a risk-oriented approach that effectively balances between the threats and opportunities associated with cryptocurrencies.

As an alternative to traditional centralized methods, the development of decentralized management networks that are not subject to FATF is considered an innovative and potentially more effective way to combat economic crime in a rapidly changing technological environment [2]. The network approach to the control of digital financial assets is being successfully implemented in most countries that follow FATF standards [8]. An important achievement was the introduction of the “transfer control rule” for digital financial asset service providers, which strengthens the cooperation between the public and private sectors in the field of combating economic crime.

Such partnership focuses on monitoring and controlling the movement of virtual assets, which the FATF means cryptocurrency and other digital financial assets [6]. This approach reflects the adaptation of the international community to new financial realities and technological innovations.

However, in the current conditions, the FATF standards require revision due to problems with the implementation of the “transfer control rule”, as well as the spread of anonymous one-time transactions. Today, the FATF is expanding the agenda of international cooperation, but the capabilities of digital financial assets continue to develop at a rapid pace, which further increases the lagging pace of international cooperation [5].

The FATF also works to establish a centralized repository of cybercrime legislation and information, and coordinates international cooperation to assess criminal justice needs and provide technical assistance to states.

Although digital financial assets have not yet become a primary tool for money laundering, the FATF encourages governments to implement international recommendations for the control of digital assets, which is due to the need to integrate illicit financial flows into the legal system and the emergence of new ways to conduct transactions outside the political borders of a state.

As noted earlier, the global nature of digital financial assets requires coordinated international efforts to regulate their use. The goal is to minimize the risks of money laundering without limiting the useful functions of digital assets. Effective regulation in this area is possible only with close cooperation between states. However, the question arises about the fairness and effectiveness of government actions in combating money laundering through digital assets. Limited national regulation highlights the need for a global approach that will control the use of digital assets without compromising their cross-border nature.

Since its founding in 1989, the FATF has developed 40 Recommendations that have become international standards for combating money laundering and terrorist financing. Since 2003, the FATF has implemented a risk-based approach aimed at preventing and detecting economic crime. Unlike traditional methods, this approach provides national regulators with significant flexibility in decision-making, allowing them to effectively mitigate the risks of money laundering.

The FATF emphasizes the need for coordination between national authorities to actively share information, which contributes to a deeper understanding of the money laundering risks associated with cryptocurrencies. The risk-based approach involves focusing on key elements of the system, especially in jurisdictions with high levels of money laundering that overlap with traditional financial systems.

The FATF recommendations include exchanging data on digital transactions using identification tools such as national identification numbers or IP addresses. It also recommends conducting online customer checks to confirm information that matches their transaction profile. When violations are detected on cryptocurrency exchanges, the FATF recommends taking comprehensive measures to combat and prevent criminal activity, which may include outright prohibitions or the imposition of various sanctions – criminal, civil or administrative. It is important that such measures take into account the impact at both the national and global levels, avoiding the creation of regulatory arbitrage and cross-border differences in the regulation of exchanges, which are key elements in financial transactions with cryptocurrencies.

The FATF recommendations therefore highlight the importance of joint efforts by national authorities to effectively combat money laundering in the cryptocurrency sector, emphasizing the need for robust monitoring, regulation of key market participants and the application of adequate sanctions for violations, all aimed at creating a safer and more transparent financial ecosystem capable of withstanding the modern challenges associated with digital assets.

Global challenges in the area of collective action to combat economic crimes associated with new technologies have existed for a long time. International cooperation in this area often faces administrative obstacles. In order to effectively combat money laundering through digital financial assets, international organizations are working to create uniform standards that harmonize national legislation and regulations, which seems especially relevant in the context of Russia's suspended membership in the FATF, and in recent years the issue of including Russia in the FATF blacklist and imposing sanctions

against it has been actively and repeatedly put on the FATF agenda. In other words, cooperation in the fight against money laundering under the auspices of the FATF may become inaccessible to Russia, which requires the development of alternative, but no less effective mechanisms for cooperation in this area.

In 2014, the United Nations Office on Drugs and Crime issued guidance on identifying and seizing digital assets used in money laundering. Together with the OSCE, they train government officials on how to investigate crimes related to cryptocurrencies.

In 2015, the International Organization of Securities Commissions established a working group on blockchain, and the Commonwealth of Nations formed an initiative to regulate virtual currencies and coordinate measures to combat money laundering and terrorist financing. In addition, Interpol and Europol have joined forces to combat economic crimes related to cryptocurrencies and other digital assets, creating joint partnerships and exchanging experiences. These steps demonstrate the desire of the international community to act in a coordinated manner and implement effective control mechanisms in the context of rapidly developing technologies and new financial instruments.

Although the importance of digital financial assets in cases of money laundering is still lower compared to traditional financial instruments, this does not eliminate the need for constant monitoring of potential threats and risks. In most situations, one type of virtual asset is used, and when several types are used, criminals seek to distribute illegal proceeds, which requires careful monitoring and adaptation of regulatory measures [7]. As recommendations for further strengthening existing channels of international cooperation, increasing their effectiveness and proactively countering the rapidly evolving and global nature of virtual assets, the development of joint efforts of states to strengthen both formal and informal interaction between law enforcement agencies based in different jurisdictions is proposed [6].

As noted earlier, the global nature of digital financial assets creates favorable conditions for international criminal activity. High transaction speeds complicate the fight against illegal operations. In this regard, it is extremely important for law enforcement agencies to effectively use all available channels of interaction to exchange information. International organizations such as Interpol and Europol, whose global cooperation mechanisms allow coordinating the efforts of law enforcement agencies in different countries, can play a key role in combating crime in the field of virtual assets. It is proposed to introduce the practice of checking key data related to digital wallets and their owners through Europol in order to improve the effectiveness of investigations, which will help identify links between various criminal schemes and facilitate the disclosure of serious and organized crimes in the field of digital financial assets.

Thus, effective counteraction to economic crimes in the digital era is impossible without close international cooperation, which should cover the development of uniform standards and best practices to combat money laundering, as well as the exchange of advanced investigative techniques adapted to the constantly evolving digital mechanisms. Particular attention is proposed to be paid to the creation and dissemination of new resources – innovative methods, strategies and best practices, the widespread implementation of which will en-

sure a coordinated response to modern challenges of the digital space. A comprehensive approach to solving the problem should combine national and international measures, flexibly adapting to the dynamic technological environment. Only by combining efforts at the global level can we create an effective system to counter the illegal turnover of digital financial assets and related economic crimes.

Bibliographic list

1. Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism" // www.consultant.ru.

2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 02.10.2024) // www.consultant.ru.

3. Anishchenko V.N., Selyanov K.S. International Aspects of Counteracting the Financing of Terrorism // Problems of Law Enforcement Activity. International Journal. 2005. No. 2. P. 75–78.

4. Somik K.V., Khabibulin A.G. Actual problems of financial security // Legal field of modern economy. 2014. No. 10. P. 98–105.

5. Abdramanova, N.K., Bekenova, A.B., Abayev, M.B., Satkey, T.B., & Alimbekova, M.A. (2019). Latent crime research methodology in Europe, commonwealth of independent states (CIS) and Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics, 10(5), 1358-69.

6. Financial action task force (2020c). 12 Month review of revised FATF standards – virtual assets and VASPs // www.fatf-gafi.org/publications/ fatfrecommendations/ documents/12-month-review-virtual-assets-vasps.html

7. Onishchenko, N.M., Bobrovnyk, S.V. (2019). The relevance of law: Some determinants of identifying // Journal of Advanced Research in Law and Economics, 10 (1), 321-5.

8. Oxford Analytica (2017). Law will lag international cryptocurrency crime. Emerald Expert Briefings. // URL: https://www.emerald.com/insight/ content/doi/10.1108/OXAN-DB222104/full/html

For citation: Abdulayev S.S. Features of the development of international cooperation in the field of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime using digital financial assets: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 114–118.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.109

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.2
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.119

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МИГРАЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г.Г. Агабабян*

Аннотация. В 2023–2024 году наблюдается беспрецедентный рост преступлений совершаемых мигрантами различной направленности, степени тяжести и характера их совершения. Проблема роста миграционных преступлений была затронута в том числе в выступлении Председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина, который обратил внимание на глобальную для нашего государства проблему – рост миграционной преступности и распространение феномена нелегальной миграции. В результате формирования данных угроз причиняется ущерб безопасности личности, общества и государства, а также различным сферам общественных отношений включая экономическую, политическую, социальную структуру общества, что требует пристального внимания со стороны как законодательных, так и правоприменительных органов. Для преодоления проблемы миграционной преступности и угрозы роста нелегальной миграции необходимо сформулировать предложения в виды правовых и организационных мер, направленных на противодействие миграционным преступлениям в Российской Федерации.

Ключевые слова: Теневые миграционные процессы, миграционная преступность, экономическая безопасность, расследование миграционных преступлений, правовые средства противодействия миграционным преступлениям, миграционная политика.

Борьба с незаконной миграцией и её предотвращение осуществляются с помощью различных правовых методов и средств. Уголовно-правовой механизм играет ключевую роль в обеспечении безопасности и защите интересов государства и общества. Основным инструментом противодействия миграционной преступности является институт уголовной ответственности. В данном контексте важно разграничивать два понятия: миграционные преступления и преступления, совершаемые мигрантами.

* **Агабабян Гарик Геворгович,** магистрант 2 года обучения кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: agababyan.garik@mail.ru

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

Для подтверждения актуальности рассматриваемой темы необходимо обратиться к статистическому анализу. Генеральный прокурор Игорь Краснов заявил, что в 2023 году зафиксирован значительный рост преступности среди мигрантов в России. По его данным, количество совершенных ими преступлений увеличилось на 75%, достигнув 21,8 тысяч. В связи с этим Генпрокурор поручил региональным прокурорам провести анализ ситуации с мигрантами в субъектах Российской Федерации [8].

Пленум Верховный Суд Российской Федерации для разъяснения проблемных вопросов правоприменительной практики принял Постановление, посвященное вопросам, связанным с преступлениями в сфере незаконного пересечения государственной границы и незаконной миграцией [3]. Благодаря принятию данного акта, многие коллизии, возникающие в правоприменительной практике, были разрешены. Однако в настоящее время остаются некоторые вопросы, требующие своего разрешения.

В рамках данной научной статьи сформулируем авторский подход к определению понятия «миграционного преступления». С одной стороны, миграционное преступление рассматривается как нарушение законов, регулирующих установленный порядок миграции. Как с другой стороны, основываясь на данном подходе, миграционная преступность связана с деяниями, выраженными в незаконном пересечении границы, нарушением визового режима, а также правонарушениями в сфере трудовой миграции. Однако данный подход представляется достаточно узким и не охватывает перечня всевозможных деяний [10].

С точки зрения социологического подхода, миграционное преступление изучается как социальное явление, связанное с миграцией населения. В этом контексте акцент делается на факторы, способствующие преступности среди мигрантов, такие как экономические условия, уровень социальной интеграции и доступ к материальным ресурсам мигрантами.

Миграционные преступления могут рассматриваться как результат негативного воздействия экономических факторов, таких как бедность, безработица и отсутствие возможностей для легальной трудовой деятельности.

Обобщая различные подходы, можно выделить и авторское доктринальное определение, в соответствии с которым под миграционными преступлениями можно понимать совокупность запрещенных уголовным законом общественно опасных, противоправных деяний, совершенных специальным субъектом уголовной ответственности – мигрантом. Отсюда миграционные преступления можно разделить на следующие подгруппы:

во-первых, миграционные преступления – совокупность общественно опасных деяний, посягающих на законный порядок осуществления миграции;

во-вторых, преступления совершенные мигрантом – совокупность общественно опасных деяний, которые совершены специальным субъектом, а именно мигрантом.

В уголовном праве понятие «мигрант» часто не имеет единого определения, так как оно может варьироваться в зависимости от контекста и законодательства конкретной страны. В большинстве своем понятие «мигрант» определяется как лицо, которое покинуло свою страну проживания с целью временного или постоянного проживания в другом государстве.

Наиболее частая причина миграции выражается в осуществлении трудовой функции таким лицом.

Можно выделить следующие актуальные проблемы, возникающие при противодействии преступлениям совершаемым мигрантами и угрозе роста миграционной преступности [6]. Проблемы миграции могут быть классифицированы на несколько групп.

Первая группа проблем социального характера, включает такую угрозу, обусловленную тем, что мигранты, находясь в новом государстве, часто сталкиваются с социальной изоляцией, что может способствовать их вовлечению в преступную деятельность.

Вторая группа проблем включает экономические факторы, которые выражаются в высоком уровне безработицы и бедности среди мигрантов, что может побуждать их к совершению общеуголовных преступлений как способу выживания: кража, грабежи и разбои [2].

Третья группа обусловлена комплексом правовой неопределенности, в силу которой мигранты могут не знать своих прав или не иметь доступа к юридической помощи, что делает их более уязвимыми и склонными к преступлениям.

Четвертная группа проблем, как считают политологи, видится в недостаточно развитом международном сотрудничестве между странами по вопросам миграции. Для эффективного противодействия требуется развивать международное сотрудничество, которое может быть затруднено политическими и правовыми различиями.

Поэтому представляется, что для эффективного решения проблемы требуется интеграция различных стратегий, включая социальные программы, образование и работу с местными сообществами для адаптации мигрантов. Комплексный механизм противодействия миграционной преступности должен включать систему: правовых, организационных, экономических и социальных мер [11].

Все преступления, в том числе в сфере незаконной миграции, имеют определенные причины и условия. Н.Ф. Кузнецова определяла причины и условия преступности следующим образом – это «система негативных для соответствующей общественно-экономической формации и данного государства социальных явлений, детерминирующих как свое следствие» [9, с. 166].

В общей теории криминологии выделяют ряд детерминантов: социально-экономические, правовые, культурно-нравственные, организационные и политические. Указанные детерминанты относятся и к преступлениям в сфере незаконной миграции. Как отмечает М.Н.-О. Ахмедов, в данной сфере можно выделить внутренние детерминанты (причины и условия, связанные с обстановкой в Российской Федерации) и внешние (связанные со странами, из которых прибыли мигранты) [5, с. 19].

Для эффективного противодействия миграционным преступлениям необходимо преодолевать указанные детерминанты. В этой связи целесообразно согласиться с выводами А.И. Бастрыкина, который заявил о необходимости пересмотра миграционной политики в России. Он высказал это мнение в ходе выступления на сессии Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ). Глава Следственного комитета России счи-

тает, что изменения в миграционной политике следует проводить с помощью механизма внутренней миграции, «обеспечив достойный уровень гарантий соотечественникам и используя опыт советского прошлого» [4].

Отсюда основная цель мигранта при въезде в Российскую Федерацию должна заключаться не в переселении, а в осуществлении законной трудовой функции.

Для преодоления проблемы распространения нелегальной миграции и как следствие миграционной преступности необходимо сформулировать предложения для оптимизации правового механизма противодействия миграционным преступлениям.

Необходимо отметить, что основная часть миграционного законодательства состоит из норм административного права. Миграционное право и административное право взаимодействуют друг с другом в нескольких аспектах. Для эффективного противодействия следует предложить две группы мер направленных, во-первых, на ужесточение миграционного законодательства, которые могут выражаться во введении более строгих требований и проверок при выдаче разрешений на временное проживание и вида на жительство; усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства, в том числе увеличение штрафов и сроков лишения свободы для мигрантов; расширение полномочий правоохранительных органов по контролю и надзору за соблюдением миграционного законодательства.

В-вторых, совершенствование системы учета мигрантов как административный, выражающийся в создании единой базы данных мигрантов с биометрическими данными; внедрении обязательной дактилоскопии и фотографирования при оформлении документов; установлении обязательной регистрации мигрантов по месту пребывания.

Реализация комплекса этих мер позволит повысить эффективность противодействия преступлениям, совершаемым мигрантами, на территории Российской Федерации.

Подводя итоги, сформулируем ряд итоговых выводов.

Требуется принятие мер, связанных с адаптацией мигрантов. Адаптация мигрантов – важный процесс, который позволяет им успешно интегрироваться в новое общество. Она помогает мигрантам освоить язык, понять культуру и обычаи новой страны, а также наладить социальные контакты. Успешная адаптация может снизить риск вовлечения и участия мигрантов в преступных деяниях. Однако процесс адаптации может быть сложным и требовать времени и усилий.

Государство и общественные организации могут играть важную роль в оказании помощи мигрантам в процессе адаптации. Кроме того, важно помнить, что успешная адаптация мигрантов зависит не только от них самих, но и от отношения к ним местного населения. Толерантность и понимание со стороны местных жителей могут значительно облегчить процесс интеграции мигрантов в новую среду. Для этого мигранты должны знать историю, русский язык и нормы Конституции Российской Федерации [1; 7].

Для успешной интеграции мигрантов в российское общество необходимы меры по их адаптации, которые играют ключевую роль, позволяя мигрантам освоить язык, познакомиться с культурой и традициями страны,

наладить социальные связи. Успешная адаптация снижает риск вовлечения мигрантов в противоправную деятельность.

Однако адаптация мигрантов – сложный и длительный процесс, требующий совместных усилий государства и общества. Органы власти и общественные организации должны оказывать мигрантам всестороннюю поддержку в ходе их интеграции. При этом важную роль играет и отношение местного населения – толерантность и понимание со стороны граждан России могут значительно облегчить этот процесс.

Таким образом, комплексный подход к адаптации мигрантов, включающий как государственные, так и общественные меры, является ключевым фактором успешной интеграции приезжих в российское общество.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // www.consultant.ru.

4. Александр Бастрыкин выступил за ужесточение миграционной политики // URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/06/28/1046713-bastrikin-vistupil-za-uzhestochenie-migratsionnoi-politiki

5. *Ахмедов М.Н.* Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – 22 с.

6. *Каменева А.Н.* Противодействие миграционной преступности: некоторые вопросы // Миграционное право. – 2024. – № 2. – С. 16–19.

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации /С. А. Комаров и др.; под редакцией С. А. Комарова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 333 с.

8. *Краснов*: число совершенных мигрантами преступлений выросло на 75% // Коммерсант // URL: https: //www.kommersant.ru/doc/6594782#:~:text=Генпрокурор%20Игорь%20Краснов%20сообщил%2C%20что,ситуацию%20с%20мигрантами%20в%20регионах.

9. *Кузнецова Н.Ф., Лунеев В.В.* Криминология: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 629 с.

10. *Телегина, Е.Г.* Криминологическая характеристика миграционной преступности и ее предупреждение / Е. Г. Телегина, Е. В. Назаренко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 2. – С. 193–199.

11. *Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.* Обеспечение миграционной безопасности как фактор стратегического развития России: политико-правовой аспект // Миграционное право. – 2024. – № 3. – С. 3–5.

Для цитирования: *Агабабян Г.Г.* Правовые средства противодействия миграционным преступлениям в Российской Федерации: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 119–123.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.119

LEGAL MEANS OF COMBATING MIGRATION CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Garik G. Aghababyan*

Annotation. In 2023–2024, there is an unprecedented increase in crimes committed by migrants of various orientation, severity and nature of their commission. The problem of the growth of migration crimes was touched upon, among other things, in the speech of the Chairman of the Investigative Committee of Russia A.I. Bastrykin, who drew attention to the global problem for our state – the growth of migration crime and the spread of the phenomenon of illegal migration. As a result of the formation of these threats, damage is caused to the security of the individual, society and the state, as well as to various spheres of public relations, including the economic, political, and social structure of society, which requires close attention from both legislative and law enforcement agencies. In order to overcome the problem of migration crime and the threat of an increase in illegal migration, it is necessary to formulate proposals on the types of legal and organizational measures aimed at countering migration crimes in the Russian Federation.

Keywords: shadow migration processes, migration crime, economic security, investigation of migration crimes, legal means of countering migration crimes, migration policy.

The fight against illegal migration and its prevention are carried out using various legal methods and means. The criminal-legal mechanism plays a key role in ensuring security and protecting the interests of the state and society. The main instrument for combating migration crime is the institution of criminal liability. In this context, it is important to distinguish between two concepts: migration crimes and crimes committed by migrants.

To confirm the relevance of the topic under consideration, it is necessary to turn to statistical analysis. The Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov stated that in 2023, a significant increase in crime among migrants in Russia was recorded: the number of crimes committed by them increased by 75%, reaching 21.8 thousand. In this regard, the Prosecutor General instructed regional prosecutors to analyze the situation with migrants in the constituent entities of the Russian Federation [8].

To clarify problematic issues of law enforcement practice, the Supreme Court of the Russian Federation adopted a Resolution of the Plenum devoted to issues related to crimes in the sphere of illegal crossing of the state border and illegal migration [3]. Thanks to the adoption of this act, many conflicts arising in law enforcement practice have been resolved. However, at present, some issues remain that require resolution.

* **Aghababyan Garik Gevorgovich,** Master of 2 years of Study, Department of Economic and Financial Investigations, Higher School of State Audit Lomonosov Moscow State University. E-mail: agababyan.garik@mail.ru

Supervisor: **Alik Galimzyanovich Khabibulin**, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

Within the framework of this scientific article, it is necessary to formulate the author's approach to defining the concept of "migration crime". On the one hand, migration crime is considered as a violation of laws regulating the established procedure for migration. On the other hand, based on this approach, migration crime is associated with acts expressed in illegal border crossing, violation of the visa regime, as well as offenses in the field of labor migration. However, this approach seems to be quite narrow and does not cover a list of all possible acts [10].

From the point of view of the sociological approach, migration crime is studied as a social phenomenon associated with population migration. In this context, the emphasis is on factors contributing to crime among migrants, such as economic conditions, the level of social integration and access to material resources by migrants. Migration crimes can be seen as a result of the negative impact of economic factors such as poverty, unemployment and lack of opportunities for legal work.

Summarizing the various approaches, we can also highlight the author's doctrinal definition, according to which migration crimes can be understood as a set of socially dangerous, illegal acts prohibited by criminal law, committed by a special subject of criminal liability – a migrant. Hence, migration crimes can be divided into the following subgroups:

Firstly, migration crimes are a set of socially dangerous acts that infringe on the legal procedure for carrying out migration;

Secondly, crimes committed by a migrant are a set of socially dangerous acts that are committed by a special subject, namely a migrant.

In criminal law, the concept of "migrant" often does not have a single definition, since it can vary depending on the context and the legislation of a particular country. In most cases, the concept of "migrant" is defined as a person who left his country of residence for the purpose of temporary or permanent residence in another state. The most common reason for migration is the implementation of a labor function by such a person. The following urgent problems can be identified that arise when combating crimes committed by migrants and the threat of increasing migration crime [6]. Migration problems can be classified into several groups.

The first group of problems of a social nature includes such a threat caused by the fact that migrants, being in a new state, often face social isolation, which can contribute to their involvement in criminal activity.

The second group of problems includes economic factors, which are expressed in the high level of unemployment and poverty among migrants, which can encourage them to commit common crimes as a way of survival: theft, robbery and robbery [2].

The third group is caused by a complex of legal uncertainty, due to which migrants may not know their rights or have no access to legal assistance, which makes them more vulnerable and prone to crime.

The fourth group of problems, according to political scientists, is seen in the insufficiently developed international cooperation between countries on migration issues. Effective counteraction requires the development of international cooperation, which may be complicated by political and legal differences.

Therefore, it seems that an effective solution to the problem requires the integration of various strategies, including social programs, education and work with local communities to adapt migrants. A comprehensive mechanism for countering migration crime should include a system of legal, organizational, economic and social measures [11].

All crimes, including those in the area of illegal migration, have certain causes and conditions. N.F. Kuznetsova defined the causes and conditions of crime as follows – it is "a system of negative social phenomena for the corresponding socio-economic formation and the given state, determining as their consequence" [9, p. 166].

In the general theory of criminology, a number of determinants are distinguished: socio-economic, legal, cultural and moral, organizational and political. These determinants also apply to crimes in the area of illegal migration. As M. N.-O. Akhmedov, in this area, one can distinguish internal determinants (reasons and conditions related to the situation in the Russian Federation) and external ones (related to the countries from which the migrants arrived) [5, p. 19].

In order to effectively combat migration crimes, it is necessary to overcome the specified determinants. In this regard, it is advisable to agree with the conclusions of A.I. Bastrykin, who stated the need to revise migration policy in Russia. He expressed this opinion during his speech at the session of the St. Petersburg International Legal Forum (SPILF). The head of the Investigative Committee of Russia believes that changes in migration policy should be carried out using the mechanism of internal migration, “ensuring a decent level of guarantees for compatriots and using the experience of the Soviet past” [4].

Hence, the main goal of a migrant upon entering the Russian Federation should not be resettlement, but the implementation of a legal labor function.

In order to overcome the problem of the spread of illegal migration and, as a consequence, migration crime, it is necessary to formulate proposals for optimizing the legal mechanism for combating migration crimes.

It should be noted that the main part of migration legislation consists of administrative law norms. Migration law and administrative law interact with each other in several aspects. To effectively counteract this, two groups of measures should be proposed aimed at, firstly, tightening migration legislation, which may be expressed in the introduction of stricter requirements and checks when issuing temporary residence permits and residence permits; increasing liability for violating migration legislation, including increasing fines and prison terms for migrants; expanding the powers of law enforcement agencies to control and supervise compliance with migration legislation.

Secondly, improving the migrant registration system as an administrative one, expressed in the creation of a single database of migrants with biometric data; introducing mandatory fingerprinting and photography when processing documents; establishing mandatory registration of migrants at the place of stay.

The implementation of a set of these measures will increase the effectiveness of counteracting crimes committed by migrants on the territory of the Russian Federation.

To summarize, we will formulate a number of final conclusions.

It is necessary to take measures related to the adaptation of migrants. The adaptation of migrants is an important process that allows them to successfully integrate into a new society. It helps migrants learn the language, understand the culture and customs of the new country, and establish social contacts. Successful adaptation can reduce the risk of migrants becoming involved and participating in criminal acts. However, the adaptation process can be complex and require time and effort.

The state and public organizations can play an important role in helping migrants in the adaptation process. In addition, it is important to remember that the successful adaptation of migrants depends not only on them, but also on the attitude of the local population towards them. Tolerance and understanding on the part of local residents can significantly facilitate the process of migrants' integration into a new environment. To do this, migrants must know history, the Russian language, and the norms of the Constitution of the Russian Federation [1; 7]. For the successful integration of migrants into Russian society, measures are needed to adapt them, which play a key role, allowing migrants to learn the language, get acquainted with the culture and traditions of the country, and establish social contacts. Successful adaptation reduces the risk of migrants becoming involved in illegal activities.

However, the adaptation of migrants is a complex and lengthy process that requires joint efforts of the state and society. Authorities and public organizations must provide migrants with comprehensive support during their integration. At the same time, the attitude of the local population also plays an important role – tolerance and understanding on the part of Russian citizens can significantly facilitate this process.

Thus, a comprehensive approach to the adaptation of migrants, including both state and public measures, is a key factor in the successful integration of newcomers into Russian society.

Bibliography list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru

2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 №. 63-FZ (as amended on 08/08/2024) // www.consultant.ru

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/09/2020 № 18 «On judicial practice in cases of illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration» // www.consultant.ru

4. Alexander Bastrykin advocated stricter migration policy // URL: https: // www.vedomosti.ru/society/articles/2024/06/28/1046713-bastrikin-vistupil-za-uzhestochenie-migra-tsion-noi-politiki

5. Akhmedov M.N. Countering illegal migration: criminal law and criminological aspects: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Moscow, 2016. 22 p.

6. Kameneva A.N. Countering migration crime: some issues // Migration law. 2024. №. 2. Pp. 16–19.

7. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 333 p.

8. Krasnov: the number of crimes committed by migrants has increased by 75% // URL:https://www.kommersant.ru/doc/6594782#:~:text=AttorneyGeneral%20Anchor%20Red%20reported%2C%20thatthesituation%20c%20migrants%20in%20regions.

9. Kuznetsova N.F., Luneev V.V. Criminology: Textbook. 2nd ed., reprint and additional. Moscow: Walters Kluwer, 2004. 629 p.

10. Telegina, E. G. Criminological characteristics of migration crime and its prevention / E. G. Telegina, E. V. Nazarenko // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2020. №. 2. Pp. 193–199.

11. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Ensuring migration security as a factor of Russia's strategic development: a political and legal aspect // Migration law. 2024. №. 3. Pp. 3–5.

For citation: Agababyan G.G. Legal means of combating migration crimes in the Russian Federation: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 124–128.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.119

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.129

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

М.Д. Бекетова*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы преступлений в сфере экономической деятельности, осуществляемых с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), анализируется способность реагирования законодательства к быстро меняющейся криминальной среде, обосновывается потребность в разработке мер превентивного характера для противодействия преступлениям с использованием ИТТ.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, расследование, информационно-телекоммуникационные технологии, безопасность, финансовые процессы, нормативное правовое регулирование, превентивные меры, криминальная среда.

В эпоху цифровизации повседневной жизни наличие цифровых следов, улик и данных играет ключевую роль в обнаружении закономерностей между преступными актами. Проникновение компьютерных технологий во все аспекты существования обуславливает их применение злоумышленниками для выполнения незаконных операций, к примеру, проникновение в защищенные банковские системы, хищение конфиденциальной информации, а также проведение обманных финансовых операций [3; 4; 5; 6; 7].

В то же время, авансированные методы аналитики, опирающиеся на специализированные программные решения и сложные алгоритмы, предоставляют специалистам возможность разоблачать деяния, осуществляемые с использованием высокотехнологичных средств. Сбор и детальный разбор информационных потоков, таких как интернет-корреспонденция и банковские переводы, а также другие цифровые отпечатки, оставленные преступниками, позволяют выявлять личности виновных и восстанавливать событийные цепочки, соединяющие отдельные преступления в единую сеть.

Благодаря использованию цифровых технологий, расследование преступлений в экономической сфере становится более эффективным и быст-

* **Бекетова Мария Дмитриевна,** студент 1 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: beketova-02@bk.ru

Научный руководитель – **Костюк Михаил Фёдорович,** профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kost-mf@yandex.ru

рым [10]. Сокращается время, затрачиваемое на сбор и анализ информации, что позволяет оперативно реагировать на происходящие события и предотвращать ущерб. Использование цифровых технологий в расследовании преступлений в экономической сфере требует высокой квалификации специалистов.

Являясь важным направлением в борьбе с преступностью, цифровые технологии позволяют эффективно выявлять, анализировать и пресекать экономические преступления, способствуя общественной безопасности и процветанию. Необходимо смело двигаться в этом направлении, что способствует прогрессу развития" [11, с. 57]. Городские видеокамеры и нейросети активно используются для поиска подозреваемых в преступлениях, отслеживания их передвижений, а также выявления потенциальных соучастников. Часто они применяются на местах совершения преступлений.

В рамках криминалистической работы и уголовного судопроизводства, активное взаимодействие между научным сообществом и органами правопорядка является первостепенной задачей. Важность такого сотрудничества заключается в обмене знаниями, что способствует формированию конкретных функциональных требований и критериев оценки производительности цифровых инструментов и подсистем. Определяющая роль данного подхода отражена в процессе правового разбирательства преступлений и поддержке судебных инстанций по уголовным делам, позволяя совершенствовать методические и технические аспекты расследований [13, с. 99].

Внесены модификации в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, соответствующие Федеральному закону № 610-ФЗ от 29 декабря 2022 года [2], получившие одобрение в среде правоведов. Обновления кодифицируют использование видео-конференцсвязи для участия подозреваемых или обвиняемых в судопроизводстве без личного присутствия при определенных обстоятельствах, инновация которых имеет отношение к порядку обсуждения судьбы мер принудительного характера, применяемых к упомянутым лицам, а также указывает на детали рассмотрения уголовных категорий. К тому же, условия для осуществления видео-конференцсвязи требовали расширения существующего регламента с учетом наличия нужного технического оснащения в рамках судебных заседаний.

Расширение спектра цифровых технологий, включая методы аналитики информации и механизмы искусственного интеллекта, обусловило новые возможности для более основательного анализа цифровых улик. Сбор и архивирование электронных данных способствуют сохранению их неизменности и подлинности, что имеет первостепенное значение для правосудия. Отслеживание паттернов, разоблачение замаскированных стратегий и прогнозирование потенциальных противоправных действий или обмана становится осуществимым благодаря данным возможностям.

Технологические преобразования в сфере экономических расследований обозначили рост применения компьютеризированных систем в обнаружении финансовых нарушений, что налагает требования на наличие узкоспециализированных познаний в секторе криминалистики. В свете численного увеличения цифровой информации, к примеру, данных о транзакциях, электронном общении и цифровых следах на электронных аппа-

ратах, их актуализация стала иметь ключевое значение для проведения экономических следствий.

Акцентируется внимание на разработке софта и аппаратуры, адаптированных к задачам анализа цифровых улик в контексте экономических нарушений. Это дает основание для более результативного среза аналитической информации, в то время как учитывается уникальность данных дел.

Расширяющаяся цифровая экономика порождает новые формы противозаконных действий, включая кибермошенничество, доходящее до масштабов кибертерроризма. В связи с этим, становится приоритетом применение новаторских исследовательских методов, улучшение практик детекции и борьбы с подобного рода угрозами в экономической арене. На первый план выходит актуализация подходов к расследованиям, адаптированных к быстро меняющейся сфере финансовых преступлений.

Расследование мошенничеств, замешанных в электронные финансовые операции, усиленно заимствует результаты инновационных открытий. Благодаря разработкам в области блокчейна, искусственного интеллекта и алгоритмического машинного обучения, силы правопорядка обретают значительные преимущества. Они способны не просто детектировать неправомерные транзакции, но и обеспечивать непроницаемость данных для предотвращения фальсификаций.

Применение современных финансовых алгоритмов и крипптографически сооружённой надёжности, заложенной в блокчейн-технологиях, значительно повышает вероятность обнаружения и пресекания экономических нарушений. Действительно, в противодействии криминалу нового поколения, объединение виртуального и традиционного подходов к правоохранительной деятельности оказывается критически важным. Наряду с технологией блокчейна, "армии дропперов", осуществляющие манипуляции с поддельными платежами, теряют былую мощь, поскольку обнаружение их незаконной деятельности упрощается.

Существенно усиливается правоприменительная практика в данной области благодаря повышенной роли цифровых технологий, которые расширяют арсенал методов борьбы с такими преступлениями. Эти изменения нацелены на совершенствование мер по противодействию экономической преступности, включая улучшение системы контролирования финансовых операций, что сегодня охватывает множество областей экономической активности. Несмотря на перспективы, обеспечиваемые прогрессивными решениями, имеются озабоченности относительно потенциальных криминологических рисков, связанных с роботизированными и искусственно интеллектуальными системами [8, с. 71], которые могут влиять на человеческий фактор в правоохранительной сфере.

В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий возможности для совершения преступлений в экономической сфере значительно расширяются. Применение таких инструментов, как цифровые кошельки, онлайн-банкинг, криптовалюты и виртуальные банковские счета, потребовало от правоохранительных органов нового подхода к борьбе с этой формой преступности, которая может нанести государству и обществу критический ущерб. Методология совершения преступлений неустанно

эволюционирует, вынуждая органы уголовного преследования адаптироваться к современным преступным стратегиям, особенно к тем, что описаны в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации [1; 15].

Изучение и анализ преступлений в области информационных технологий выявляют новые вызовы для обеспечения экономической безопасности стран. Угрозы, касающиеся финансовой стабильности и доверия к финансовым институтам, усугубляются из-за их глобального характера, что усложняет процесс их выявления и блокирования, одновременно увеличивая масштаб и разнообразие подобных дел. Результатом может стать подрыв экономических отношений и запуск цепочки финансовых потерь, ведущих к снижению социально-экономической стабильности.

Важно осознать, что научное исследование киберпреступности в экономике и соответствующее регулирование законодательства являются фундаментальными для оценки рисков и создания эффективных мер противодействия [9; 12; 14]. Глубокий анализ влияния информационных технологий на криминогенную обстановку в экономической сфере способствует выявлению слабых мест в существующем законодательстве и разработке стратегий по его улучшению. Синтез научных знаний и практических мероприятий, направленных на защиту экономических интересов и восстановление экономической безопасности, становится ключевым в преодолении последствий экономических преступлений в эру технологической революции.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) //www.consultant.ru

2. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2022 № 610-ФЗ //www.consultant.ru

3. *Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. – М.: Проспект, 2022. – 192 с.

4. *Богданова М.В., Паршинцева Л.С.* Методика информационно-статистического анализа преступности в Российской Федерации // Правовая информатика. – 2018. – № 3. – С. 47–60.

5. *Иванова Е.А.* К вопросу о признаках неправомерного оборота средств платежей // Юридический бюллетень. – 2020. – № 3. – Т. 5. – С. 71–81.

6. *Лимарь А.С.* Преступления, связанные с незаконными организацией и проведением азартных игр как объект комплексного криминологического исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 2. – С. 163–167.

7. *Максуров А.А.* Предупреждение экономических преступлений: проблемы теории и практики: монография. – М.: Русайнс, 2022. – 106 с.

8. *Меньшикова Е.А.* Экономическая преступность как угроза экономической безопасности России и ее регионов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2020. – № 1 (56). – С. 71–80.

9. *Молчанова Т.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка и возможности прогнозирования: монография / под ред. Н. Д. Эриашвили. – М.: Юнити-Дана, 2022. – 193 с.

10. *Молчанова Т.В., Таранина Е.И.* Преступления, связанные с неприкосновенностью частной жизни, совершенные с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий в сфере экономической деятельности // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 5. – С. 134–139.

11. *Молчанова Т.В., Таранина Е.И.* Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: статистический анализ и тенденции развития // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2022. – № 2. – С. 57.

12. *Молчанова Т.В., Таранина Е.И.* Эмпирическое измерение преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 6. – С. 193–197.

13. *Розовская Т.И., Куликов Р.С., Грезин А.С.* Неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ) как инструмент легализации преступных доходов: особенности уголовно-правового противодействия // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 4 (56). – С. 99–104.

14. *Сидоренко Э.Л.* Криминологические риски криптовалюты: основные тенденции и прогнозы // Государственная служба. – 2018. – № 3. – С. 29–34.

15. *Халиуллина А.Н.* Личность преступника, совершающего противоправные деяния, предусмотренные ст. 186 УК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3 (68). – С. 250–253.

Для цитирования: *Бекетова М.Д.* Использование цифровых технологий при расследовании преступлений в экономической сфере: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 129–133.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.129

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE

M.D. Beketova*

Annotation. The article discusses the problems of crimes in the field of economic activity carried out using modern information and telecommunication technologies (ITT). The importance of legislation's response to the rapidly changing criminal environment is also analyzed, the need for the development of preventive measures to counter crimes using ITT is justified.

Keywords: economic crimes, investigation, information and telecommunication technologies, security, financial processes, regulatory legal regulation, preventive measures, criminal environment.

In the era of digitalization of everyday life, the presence of digital traces, evidence and data plays a key role in detecting patterns between criminal acts. The penetration of computer technologies into all aspects of existence determines their use by criminals to carry out illegal operations, for example, pene-

* **Beketova Mariya Dmitrievna,** 1st year student of the Master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: beketova-02@bk.ru

Scientific supervisor – **Mikhail Fedorovich Kostyuk**, professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, professor. E-mail: kost-mf@ yandex.ru

trating secure banking systems, stealing confidential information, and conducting fraudulent financial transactions [3; 4; 5; 6; 7]. At the same time, advanced analytical methods based on specialized software solutions and complex algorithms provide specialists with the opportunity to expose acts carried out using high-tech means. The collection and detailed analysis of information flows, such as online correspondence and bank transfers, as well as other digital fingerprints left by criminals, make it possible to identify the culprits and reconstruct chains of events connecting individual crimes into a single network.

Thanks to the use of digital technologies, the investigation of crimes in the economic sphere becomes more efficient and faster [10]. The time spent on collecting and analyzing information is reduced, which allows for a prompt response to events and the prevention of damage. The use of digital technologies in the investigation of crimes in the economic sphere requires highly qualified specialists.

As an important area in the fight against crime, digital technologies allow for the effective detection, analysis and suppression of economic crimes, contributing to public safety and prosperity. It is necessary to move boldly in this direction, which contributes to the progress of development" [11, p. 57]. City video cameras and neural networks are actively used to search for suspects in crimes, track their movements, and identify potential accomplices. They are often used at the scene of crimes. In the framework of forensic work and criminal proceedings, active interaction between the scientific community and law enforcement agencies is a priority task. The importance of such cooperation lies in the exchange of knowledge, which contributes to the formation of specific functional requirements and criteria for evaluating the performance of digital tools and subsystems. The decisive role of this approach is reflected in the process of legal proceedings against crimes and support for judicial authorities in criminal cases, allowing for the improvement of methodological and technical aspects of investigations [13, p. 99].

Modifications have been made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in accordance with Federal Law No. 610-FZ of December 29, 2022 [2], which have received approval from legal experts. The updates codify the use of video conferencing for the participation of suspects or accused in legal proceedings without their personal presence under certain circumstances, the innovation of which relates to the procedure for discussing the fate of coercive measures applied to the said persons, and also indicates the details of the consideration of criminal categories. In addition, the conditions for implementing video conferencing required the expansion of the existing regulations, taking into account the availability of the necessary technical equipment in court hearings.

The expansion of the range of digital technologies, including information analytics methods and artificial intelligence mechanisms, has created new opportunities for a more thorough analysis of digital evidence. The collection and archiving of electronic data helps to preserve its integrity and authenticity, which is of paramount importance for the administration of justice. Tracking patterns, uncovering hidden strategies and predicting potential illegal actions or fraud are all possible thanks to these capabilities.

Technological changes in the field of economic investigations have marked the growth of the use of computerized systems in the detection of financial irregularities, which imposes requirements for highly specialized knowledge in the forensic sector. In light of the numerical increase of digital information, such as transaction data, electronic communication and digital traces on electronic devices, their actualization has become of key importance for conducting economic investigations.

The focus is on the development of software and hardware adapted to the tasks of analyzing digital evidence in the context of economic irregularities. This provides the basis for a more effective cut of analytical information, while taking into account the uniqueness of these cases.

The expanding digital economy is giving rise to new forms of illegal activity, including cyber fraud, reaching the scale of cyber terrorism. In this regard, the use of innovative research methods, improving detection practices and combating such threats in the economic arena is becoming a priority. Updating investigative approaches adapted to the rapidly changing field of financial crime comes to the fore. Investigation of frauds involving electronic financial transactions is heavily relying on innovative discoveries. Thanks to developments in the field of blockchain, artificial intelligence and algorithmic machine learning, law enforcement agencies are gaining significant advantages. They are able to not only detect illegal transactions, but also ensure data impenetrability to prevent counterfeiting.

The use of modern financial algorithms and cryptographically constructed reliability embedded in blockchain technologies significantly increases the likelihood of detecting and preventing economic violations. Indeed, in combating new-generation crime, the unification of virtual and traditional approaches to law enforcement is critically important. Along with blockchain technology, the "dropper armies" that manipulate counterfeit payments are losing their former power, since the detection of their illegal activities is simplified. Law enforcement practice in this area is significantly strengthened due to the increased role of digital technologies, which expand the arsenal of methods for combating such crimes. These changes are aimed at improving measures to combat economic crime, including improving the system of control over financial transactions, which today covers many areas of economic activity. Despite the prospects provided by progressive solutions, there are concerns about potential criminological risks associated with robotic and artificially intelligent systems [8, p. 71], which can affect the human factor in law enforcement.

In connection with the development of information and communication technologies, the opportunities for committing crimes in the economic sphere are significantly expanding. The use of such tools as digital wallets, online banking, cryptocurrencies and virtual bank accounts has required law enforcement agencies to take a new approach to combating this form of crime, which can cause critical damage to the state and society. The methodology of committing crimes is constantly evolving, forcing criminal prosecution agencies to adapt to modern criminal strategies, especially those described in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation [1; 15].

The study and analysis of crimes in the field of information technology reveal new challenges for ensuring the economic security of countries. Threats

to financial stability and trust in financial institutions are aggravated by their global nature, which complicates the process of their detection and blocking, while increasing the scale and diversity of such cases. The result may be the undermining of economic relations and the launch of a chain of financial losses leading to a decrease in socio-economic stability. It is important to realize that scientific research into cybercrime in the economy and the corresponding regulation of legislation are fundamental for assessing risks and creating effective countermeasures [9; 12; 14]. A deep analysis of the impact of information technology on the crime situation in the economic sphere helps to identify weaknesses in existing legislation and develop strategies for its improvement. The synthesis of scientific knowledge and practical measures aimed at protecting economic interests and restoring economic security is becoming key in overcoming the consequences of economic crimes in the era of technological revolution.

Bibliographic list

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 14.02.2024) //www.consultant.ru

2. Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated 29.12.2022 No. 610-FZ //www.consultant.ru

3. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Artificial Intelligence and Criminal Law: monograph. Moscow: Prospect, 2022. 192 p.

4. Bogdanova M. V., Parshintseva L. S. Methodology of Information and Statistical Analysis of Crime in the Russian Federation // Legal Informatics. 2018. No. 3. P. 47–60.

5. Ivanova E. A. On the Issue of Signs of Illegal Circulation of Payment Funds // Legal Bulletin. 2020. No. 3. Vol. 5. Pp. 71–81.

6. Limar A. S. Crimes Related to the Illegal Organization and Conduct of Gambling as an Object of Comprehensive Criminological Research // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2019. Vol. 5 (71). No. 2. Pp. 163–167.

7. Maksurov A. A. Prevention of Economic Crimes: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Rusains, 2022. 106 p.

8. Menshikova E. A. Economic Crime as a Threat to the Economic Security of Russia and Its Regions // Bulletin of the Pacific State University. 2020. No. 1 (56). P. 71–80.

9. Molchanova TV Crimes in the Sphere of Economic Activity. Statistical Assessment and Forecasting Possibilities: Monograph / edited by N. D. Eriashvili. Moscow: Unity-Dana, 2022. 193 p.

10. Molchanova TV, Taranina EI Crimes Related to the Inviolability of Privacy Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies in the Sphere of Economic Activity // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 5. P. 137–139.

11. Molchanova TV, Taranina EI Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies: Statistical Analysis and Development Trends // Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice. 2022. No. 2. P. 57.

12. Molchanova T. V., Taranina E. I. Empirical measurement of crimes committed using information and telecommunication technologies // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 6. P. 193–197.

13. Rozovskaya T. I., Kulikov R. S., Grezin A. S. Illegal turnover of means of payment (Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation) as a tool for legalization of criminal proceeds: features of criminal-legal counteraction // Legal science and practice // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (56). P. 99–104.

14. Sidorenko E. L. Criminological risks of cryptocurrency: main trends and forecasts // Public service. 2018. No. 3. P. 29–34.

15. Khaliullina A. N. Personality of the criminal committing illegal acts provided for in Art. 186 of the Criminal Code of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 5-3 (68). P. 250–253.

For citation: Beketova M.D. Use of digital technologies in the investigation of crimes in the economic sphere: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 133–137.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.129

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.2.7
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.138

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ДРАЙВЕР ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ю.В. Василихина*

Аннотация. В статье аргументируется идея о том, что праву свойственно отражать изменения в общественных отношениях, реагировать на инновации и создавать поле для их безопасного применения. Технологическое развитие, внедрение новшеств – двухсторонний процесс, причем недостаточно создать, важно урегулировать. Роль права проявляется в том числе и в скорости технологических преобразований, поскольку отсутствие специальных норм выступает барьером для внедрение той или иной технологии, что мы наблюдаем на примере беспилотного транспорта или расширения поля применения искусственного интеллекта. В силу этого технологии влияют на право, а право на технологии. В настоящем исследовании рассматриваются аспекты взаимообусловленности двух этих явлений, включая проблематику согласованности в их развитии.

Ключевые слова: информационные технологии, право, искусственный интеллект, преступления в сфере компьютерной информации, уголовное законодательство.

Развитие информационных технологий порождает пласт изменений в различных сферах государственной и общественной жизни, особенно в сфере цифрового суверенитета, на что справедливо указывается в юридической литературе [9]. Юридическая деятельность – не исключение, при этом влияние технологического развития двояко. С одной стороны – оно позволяет повысить эффективность правовой работы посредством автоматизации рутинных процессов. С другой – порождает новые вызовы и задачи перед юридическим сообществом, часть которых лежит в необходимости законодательных преобразований и создании новых правовых режимов.

Данное веяние прослеживается в актах стратегического планирования, где зачастую указывается, что для реализации поставленных страте-

* **Василихина Юлия Владимировна,** студент 1 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Каменева Анна Николаевна,** доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru

гических задач необходимо разработать правовой режим и создать нормативно-правовую базу для их реализации. Примером тому Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года [4], Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта до 2024 года [6], Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» [3] в которых упоминается о важности совершенствования законодательства с целью более активного внедрения технологий искусственного интеллекта в жизнь общества и создания механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в случае их нарушения.

Другой пример – включение в дорожное движение на территории определенных субъектов России беспилотного транспорта (высокоавтоматизированных транспортных средств) и оказание с их применением транспортных услуг участникам гражданского оборота. Результат инновации – экспериментальный-правовой режим, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 2495 [5], который в том числе устанавливает юридическую ответственность за причинение вреда жизни и здоровью пострадавшим в ходе дорожно-транспортного происшествия с участием беспилотного транспорта.

Данная тенденция логически ясна. Право – регулятор общественных отношений, призванный к их упорядочению и в тоже время механизм защиты законных интересов граждан. Современные технологии – поле, создающее новые правовые ситуации, которые требуют разрешения и отражения в нормативно-правовых актах. В настоящее время темпы развития российского законодательства в сфере информационных технологий ниже, чем темпы внедрения инноваций. Как следствие, зарождение пробелов в различных отраслях права.

Флагманский, и одновременно с тем дискуссионный и сложный вопрос, – юридическая ответственность за причинение вреда человеку, обществу и государству с использованием информационных технологий, с тем учетом, что определенные из них (такие как искусственный интеллект) автономны в совершении действий и дискуссия об их правосубъектности не завершена, а весьма востребована. В области уголовного права данный вопрос стоит наиболее остро, в силу его специфики и жесткости норм.

Так, в продолжение обсуждения внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств в качестве участников дорожного движения, возникает практическая дилемма. В июне 2023 года на Петербургском международном форуме было запущено движение беспилотных грузовых автомобилей «Камаз» на трассе М-11 (Санкт-Петербург – Москва). Они передвигаются без участия человека, процесс передвижения контролируется лишь дистанционно – оператором, в силу чего вероятность предотвращения дорожно-транспортного происшествия в чрезвычайных условиях сни-

жается, а риск причинения вреда человеку с летальным исходом сохраняется. Однако, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 2495 уголовная ответственность за данное деяние не предусматривается [5]. Возможна лишь компенсация материального и морального вреда? Это противоречит фундаментальным положениям теории уголовного права и создает коллизию, так как в случае причинения смерти человеку водителем, управляющим транспортным средством, будет следовать уголовная ответственность, но, в том случае, если смерть наступит в ходе ДТП с участие беспилотного грузовика, будет возможно применить лишь механизм гражданско-правовой ответственности. Подобное разрешение ситуации некорректно, поскольку регулирует схожие правовые ситуации различным образом и тем самым подрывает авторитет права. В действительности, это не единственный пример [15].

Обращаясь к опыту прошлого, также прослеживается влияние технологических новшеств на право. Так, появление новых компьютерных технологий обусловило закрепление в 1996 году в Уголовном кодексе РФ составов преступлений в сфере компьютерной информации, обособленных главой 28 [1]. Первостепенно в нее было включено три преступных посягательства. Позднее, в 2017 и 2022 годах глава была дополнена еще двумя составами.

Данная группа преступлений вызывала дискуссии с момента ее появления. Рядом специалистов отмечалось, что в юридическом смысле категория «компьютерные преступления» существовать не может, поскольку по своему содержанию она представляет собой те или иные преступные деяния, которые совершаются с использованием компьютерных технологий. Таким образом, по данному критерию к этому виду преступлений может быть отнесено большее число составов, среди которых, например, мошенничество, присвоение и растрата, нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, потовых, телеграфных или иных сообщений и ряд других. С. Бражник в целом назвал нормы данной главы неточными, неконкретными, неясными, несовершенными и неопределенными [8, с. 12].

Спорные вопросы остаются не разрешенными и сейчас. Часть из них лежит в плоскости обоснованности существования специализированной главы, актуальности и полноты покрытия ею всех общественно-опасных деяний, которые в настоящее время могут совершаться с использованием компьютерных технологий и информации, часть – в области элементов состава преступлений, их содержания и особенностях их расследования. Первая группа подлежит рассмотрению далее.

Действующая редакция главы 28 Уголовного кодекса РФ содержит 5 составов преступлений в сфере компьютерной информации. К ним отнесены статьи 272, 273, 274, 274.1, 274.2 УК РФ [1].

Однако с учетом активного развития и появления новых компьютерных и информационных технологий и отнесения к объекту преступления информации, обрабатываемой в компьютерной сети [10], данные составы не покрывают всю совокупность потенциальных общественно-опасных деяний, которые могут быть совершены с их использованием.

Так, технологии искусственного интеллекта, как было сказано выше, тесно вошли во все сферы жизни общества. Они благо и бремя одновременно, поскольку могут нести как пользу, так и вред и использоваться в преступных целях, увеличивая в силу своих характеристик общественную опасность, совершаемых преступных деяний или создавая поле для появления новых, еще не криминализированных составов преступлений.

В.С. Овчинский в своих трудах выделяет следующие возможные направления использования систем искусственного интеллекта в преступных целях: дискредитация и внедрение вредоносных программ в платежные системы; противоправные деяния в сфере интеллектуальной собственности; посягательства на жизнь и здоровье человека; незаконные консолидация и распространение информации; экстремистская и террористическая деятельность (террористические акт, вандализм, выведение из строя объектов жизнеобеспечения и др.); криминальная 3D-печать (реализация контрафактного товара и др.) [11].

Потенциально в таком качестве система искусственного интеллекта может применяться при совершении таких преступлений как мошенничество (ст. 159 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), клевета (ст. 128.1 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и ряде других [1]. Приведенный перечень не является исчерпывающим.

Вследствие этого, границы главы 28 Уголовного кодекса РФ фактически подлежат размытию и утрачивают свою структурность. Наиболее релевантным в существующих обстоятельствах видится закрепление квалифицирующих признаков в отдельных составах преступлений по аналогии с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств) [1], что позволит избежать путаницы в квалификации преступных деяний и разграничении смежных составов преступлений.

Существует проблематика и в терминологической, смысловой составляющей. На сегодняшний день формулировка преступления в сфере «компьютерной информации» не отвечает реалиям текущего законодательства. Наиболее корректным на наш взгляд является использование термина «информационные технологии» в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 09.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] . Эту позицию разделяет и ряд других исследователей [12, с. 12; 13, с. 11; 14, с. 7–8]. О важности использования правильной терминологии с опорой на специализированные акты говорит и Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022 [7].

Помимо спорных положений в области законодательной техники существуют проблемы и в сфере правоприменительной практики. Согласно данным информационного банка «Судебная статистика РФ» эти категории преступлений не выделяются, и судебная практика по ним не фиксируется, поскольку составляет единичный процент от общего числа уголовных дел.

Хотя все же приговоры по пяти рассматриваемым статьям за период существования главы имеются.

Данная ситуация нетипична, поскольку число посягательств с использованием информационных технологий прогрессирует, однако количество зафиксированных уменьшается. Во-первых, это демонстрирует латентный характер данной категории преступлений, а во-вторых, показывает сложность их раскрытия, что объясняется законодательной и практической непроработанностью структуры и содержание главы 28 УК РФ и ее норм [1].

Появляются и новые общественно-опасные деяния, при совершении которых используются информационные технологии. Среди них вишинг, фишинг, смишинг, фарминг, скимминг, претекстинг и другие. Совершение преступлений с использованием данных технологий увеличивает общественную опасность в силу тех возможностей, которые они дают преступнику и увеличивают масштаб реализации преступных посягательств.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что развитие информационных технологий является драйвером правовых преобразования, в том числе и уголовного законодательства. Динамика развития делает акцент на важности структурных изменений, уделению внимания терминологической составляющей и первостепенному разрешению ключевых вопросов теории права.

В части норм Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, требуются изменения по нескольким возможным сценариям в комплексе:

1) структурные изменения в Уголовный кодекс РФ с полным пересмотром содержания норм главы 28 УК РФ и норм, иных составов, являющихся смежными составам глава 28 УК РФ [1];

2) уточнение терминологического аппарата и приведение его в соответствие со специальными законами;

3) расширение содержания предмета преступления для покрытия тех общественно-опасных деяний, которые порождаются развитием информационных технологий и для более активного законодательного реагирования на угрозы информационной безопасности.

Библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2024) // www.consultant.ru

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 09.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // www.consultant.ru

3. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // www.consultant.ru

4. Указ Президента от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // www.consultant.ru.

5. Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 № 2495 (ред. от 21.09.2024) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» // www.consultant.ru

6. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года» // www.consultant.ru

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // www.consultant.ru

8. *Бражник С.Д.* Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. – Ижевск, 2002. – 22 с.

9. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Цифровой суверенитет Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 45–53.

10. *Лавицкая М.И., Крапчатова И.Н.* Структурно-содержательная характеристика главы 28 УК РФ: юридико-технические и правореализационные проблемы составов преступлений в сфере компьютерной информации // Российский следователь. – 2021. – № 6. – С. 35–41.

11. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. – М.: Норма, 2018. – 351 с.

12. *Зинина У.В.* Преступления в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 33 с.

13. *Карпов В.С.* Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: дис....канд.юрид.наук. – Красноярск, 2002. – 27 с.

14. *Копырюлин А.Н.* Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007. – 22 с.

15. Bergen M., Newcomer E. Uber Halts Autonomous Car Tests After Fatal Crash in Arizona// https://news.bloomberglaw.com/tech-and-telecom-law/uber-halts-autonomous-car-tests-after-fatal-crash-in-arizona-3; Газета.ру «Женщину сбило беспилотное такси» // https: //www.gazeta.ru/tech/news/2023/10/04/21424249.shtml

Для цитирования: *Василихина Ю.В.* Развитие информационных технологий как драйвер правовых преобразований уголовного законодательства: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 138–143.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.138

DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AS A DRIVER OF LEGAL TRANSFORMATIONS OF CRIMINAL LEGISLATION

Yu.V. Vasilikhina*

Annotation. The article argues that law is inherently capable of reflecting changes in social relations, responding to innovations and creating a field for their safe application. Technological development and the introduction of innovations is a two–way process. It is not enough to create, it is important to regulate. The role of law is manifested, among other things, in the speed of technological transformations, since the absence of special norms acts as a barrier to the introduction of a particular technology, which we observe on the example of unmanned vehicles or the expansion of the field of application of artificial intelligence. Because of this, technology affects law, and law affects technology. This study examines the aspects of the interdependence of these two phenomena, including the problems of consistency in their development.

Keywords: information technology, law, artificial intelligence, crimes in the field of computer information, criminal law.

The development of information technologies gives rise to a layer of changes in various spheres of state and public life, especially in the sphere of digital sovereignty, which is rightly pointed out in the legal literature [9]. Legal activity is no exception, and the impact of technological development is twofold. On the one hand, it allows for increasing the efficiency of legal work through the automation of routine processes. On the other hand, it gives rise to new challenges and tasks for the legal community, some of which lie in the need for legislative reforms and the creation of new legal regimes.

This trend can be traced in strategic planning acts, where it is often indicated that in order to implement the set strategic objectives, it is necessary to develop a legal regime and create a regulatory framework for their implementation. An example of this is the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030 [4], the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Sphere of Artificial Intelligence Technologies until 2024 [6], Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation – the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data"" [3], which mention the importance of improving legislation in order to more actively introduce artificial intelligence technologies into the life of society and create a mechanism for protecting the rights and freedoms of man and citizen in the event of their violation.

* **Vasilikhina Yulia Vladimirovna,** 1st year student of the master's program of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor **– Kameneva Anna Nikolaevna,** associate professor of the department of economic and financial investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, candidate of legal sciences, associate professor. E-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru

Another example is the inclusion of unmanned vehicles (highly automated vehicles) in road traffic on the territory of certain constituent entities of Russia and the provision of transport services to participants in civil turnover with their use. The result of the innovation is an experimental legal regime approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 29.12.2022 No. 2495 [5], which, among other things, establishes legal liability for causing harm to the life and health of victims in a road accident involving unmanned vehicles.

This trend is logically clear. Law is a regulator of public relations, designed to streamline them and, at the same time, a mechanism for protecting the legitimate interests of citizens. Modern technologies are a field that creates new legal situations that require resolution and reflection in regulatory legal acts. Currently, the pace of development of Russian legislation in the field of information technology is lower than the pace of innovation. As a result, gaps are emerging in various branches of law.

The flagship, and at the same time controversial and complex issue is legal liability for causing harm to a person, society and the state using information technologies, given that some of them (such as artificial intelligence) are autonomous in committing actions and the discussion of their legal capacity is not over, but is in high demand. In the field of criminal law, this issue is most acute, due to its specificity and the rigidity of the rules.

Thus, in continuation of the discussion of the introduction of highly automated vehicles as road users, a practical dilemma arises. In June 2023, at the St. Petersburg International Forum, the movement of unmanned Kamaz trucks was launched on the M-11 highway (St. Petersburg – Moscow). They move without human participation, the movement process is controlled only remotely by the operator, due to which the probability of preventing a road accident in emergency conditions is reduced, but the risk of causing harm to a person with a fatal outcome remains.

However, according to the Decree of the Government of the Russian Federation of 29.12.2022 No. 2495, criminal liability for this act is not provided for [5]. Is it possible to compensate only for material and moral damage? This contradicts the fundamental provisions of the theory of criminal law and creates a conflict, since in the event of death of a person by a driver operating a vehicle, criminal liability will follow, but if death occurs during an accident involving an unmanned truck, it will be possible to apply only the mechanism of civil liability. Such a resolution of the situation is incorrect, since it regulates similar legal situations in different ways and thereby undermines the authority of the law. In fact, this is not the only example [15].

Turning to the experience of the past, the influence of technological innovations on the law can also be traced. Thus, the emergence of new computer technologies led to the consolidation in 1996 in the Criminal Code of the Russian Federation of the elements of crimes in the field of computer information, isolated by Chapter 28 [1]. Primarily, it included three criminal offenses. Later, in 2017 and 2022, the chapter was supplemented with two more elements.

This group of crimes has caused discussions since its appearance. A number of experts noted that in the legal sense, the category of "computer

crimes" cannot exist, since in its content it represents certain criminal acts that are committed using computer technologies. Thus, according to this criterion, a larger number of elements can be attributed to this type of crime, including, for example, fraud, embezzlement and misappropriation, violation of the secrecy of correspondence, telephone conversations, sweat, telegraph or other messages, and a number of others. S. Brazhnik generally called the provisions of this chapter imprecise, vague, unclear, imperfect and undefined [8, p. 12].

Controversial issues remain unresolved to this day. Some of them lie in the area of the validity of the existence of a specialized chapter, the relevance and completeness of its coverage of all socially dangerous acts that can currently be committed using computer technologies and information, some – in the area of elements of the composition of crimes, their content and the specifics of their investigation. The first group is subject to further consideration.

The current version of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation contains 5 crimes in the field of computer information. These include Articles 272, 273, 274, 274.1, 274.2 of the Criminal Code of the Russian Federation [1]. However, given the active development and emergence of new computer and information technologies and the inclusion of information processed in a computer network as an object of crime [10], these compositions do not cover the entire range of potential socially dangerous acts that can be committed using them.

Thus, artificial intelligence technologies, as was said above, have closely entered into all spheres of society. They are a blessing and a burden at the same time, since they can be both beneficial and harmful and be used for criminal purposes, increasing, due to their characteristics, the social danger of criminal acts committed or creating a field for the emergence of new, not yet criminalized, crimes.

V.S. Ovchinsky in his works identifies the following possible areas of use of artificial intelligence systems for criminal purposes: discrediting and introducing malicious programs into payment systems; illegal acts in the field of intellectual property; attacks on human life and health; illegal consolidation and dissemination of information; extremist and terrorist activities (terrorist acts, vandalism, disabling life support facilities, etc.); criminal 3D printing (sale of counterfeit goods, etc.) [11].

Potentially, in this capacity, the artificial intelligence system can be used in the commission of such crimes as fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation), extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation), fraud in the field of computer information (Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation), intentional destruction of or damage to property (Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation), slander (Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), violation of the inviolability of private life (Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation), public calls for extremist activity (Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation) and a number of others [1]. The above list is not exhaustive.

As a result, the boundaries of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation are actually subject to blurring and lose their structure. The most relevant in the current circumstances seems to be the consolidation

of qualifying features in individual crimes by analogy with paragraph "g" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (theft from a bank account, as well as in relation to electronic money) [1], which will avoid confusion in the qualification of criminal acts and the distinction between related crimes.

There are also problems in the terminology and semantic component. To date, the wording of a crime in the field of "computer information" does not correspond to the realities of the current legislation. In our opinion, the most correct is the use of the term "information technology" in the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on November 9, 2024) "On Information, Information Technology and the Protection of Information" [2]. This position is shared by a number of other researchers [12, p. 12; 13, p. 11; 14, pp. 7–8]. The importance of using correct terminology based on specialized acts is also indicated by Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 of 15.12.2022 [7].

In addition to controversial provisions in the field of legislative technique, there are also problems in the field of law enforcement practice. According to the data of the information bank "Judicial Statistics of the Russian Federation", these categories of crimes are not distinguished and judicial practice on them is not recorded, since they constitute a single percentage of the total number of criminal cases. Although there are still sentences under the five articles under consideration during the period of existence of the chapter.

This situation is atypical, since the number of attacks using information technology is progressing, but the number of recorded ones is decreasing. Firstly, this demonstrates the latent nature of this category of crimes, and secondly, it shows the difficulty of solving them, which is explained by the legislative and practical lack of development of the structure and content of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation and its norms [1].

New socially dangerous acts are also emerging, in the commission of which information technologies are used. Among them are vishing, phishing, smishing, pharming, skimming, pretexting and others. The commission of crimes using these technologies increases the social danger due to the opportunities they give to the criminal and increase the scale of the implementation of criminal encroachments.

Thus, it should be concluded that the development of information technologies is the driver of legal transformations, including criminal legislation. The dynamics of development emphasizes the importance of structural changes, paying attention to the terminological component and the primary resolution of key issues of legal theory.

In terms of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation that provide for liability for crimes in the sphere of computer information, changes are required according to several possible scenarios in a complex:

– structural changes to the Criminal Code of the Russian Federation with a complete revision of the content of the provisions of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation and the provisions of other compositions that are related to the compositions of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation [1];

– clarification of the terminology and bringing it into line with special laws;

– expansion of the content of the subject of the crime to cover those socially dangerous acts that are generated by the development of information technologies and for a more active legislative response to threats to information security.

Bibliographic list

1. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 09.11.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 20.11.2024) // www.consultant.ru

2. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended on 09.11.2024) "On Information, Information Technologies and Information Protection" // www.consultant.ru

3. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation – the federal city of Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data"" // www.consultant.ru

4. Decree of the President of 10.10.2019 No. 490 (as amended on 15.02.2024) "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") // www.consultant.ru.

5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 29.12.2022 No. 2495 (as amended on 21.09.2024) "On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and approval of the Program for an experimental legal regime in the field of digital innovations for the provision of transport services using highly automated vehicles in the territories of certain constituent entities of the Russian Federation" // www.consultant.ru

6. Order of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 No. 2129-r "On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies for the period up to 2024" // www.consultant.ru

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 of 15.12.2022 "On certain issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes, committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet // www.consultant.ru

8. Brazhnik S.D. Crimes in the field of computer information: problems of legislative technology: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Izhevsk, 2002. 22 p.

9. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Digital sovereignty of the Russian Federation: theoretical and legal analysis: article // Theory of state and law. 2024. No. 1 (35). P. 45–53.

10. Lavitskaya M.I., Krapchatova I.N. Structural and substantive characteristics of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation: legal, technical and law-enforcement problems of crimes in the field of computer information // Russian investigator. 2021. No. 6. P. 35–41.

11. Ovchinsky V.S. Criminology of the digital world: a textbook for master's degree programs. Moscow: Norma, 2018. 351 p.

12. Zinina U.V. Crimes in the field of computer information in Russian and foreign criminal law: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2007. 33 p.

13. Karpov V.S. Criminal liability for crimes in the field of computer information: diss. ... candidate of legal sciences. Krasnoyarsk, 2002. 27 p.

14. Kopyryulin A.N. Crimes in the field of computer information: criminal-legal and criminological aspects: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Tambov, 2007. 22 p.

15. Bergen M., Newcomer E. Uber Halts Autonomous Car Tests After Fatal Crash in Arizona// https://news.bloomberglaw.com/tech-and-telecom-law/uber-halts-autonomous-car-tests-after-fatal-crash-in-arizona-3 (дата обращения: 05.02.2022); Gazeta.ru “Woman hit by driverless taxi” // https: //www.gazeta.ru/tech/news/2023/10/04/21424249.shtml (date accessed: 03.06.2024).

For citation: Vasilikhina Yu.V. Development of information technologies as a driver of legal transformations of criminal legislation: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 144–149.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.138

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.2.7.
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.150

ЗАЩИТА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В.Г. Джоган*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения имущественных прав потерпевших по уголовному делу, учитываются нормы международного и европейского права, российского законодательства. Автор особое внимание уделяет препятствиям, которые не дают в полной мере обеспечить имущественные права потерпевших от преступных посягательств. Предлагается создать прозрачную и эффективную систему мер возмещения вреда, обеспечивая защиту интересов потерпевших и установление ответственности за совершенные преступления.

Ключевые слова: имущественные права, уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, права и свободы человека, компенсация, возмещение вреда.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное судопроизводство направлено на гарантированную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, которые в результате противоправного, общественно-опасного деяния стали жертвами преступлений [1]. Весьма внушительный перечень прав потерпевшего содержит в себе уголовно-процессуальное законодательство, однако вопреки этому вопрос защиты и обеспечения имущественных прав потерпевших по уголовному делу остается открытым и насущным. В уголовном судопроизводстве Российской Федерации отсутствует четкое определение и порядок обеспечения имущественных прав потерпевшего.

В соответствии с нормами, закрепленными в статьях 44 и 54 УПК РФ, пострадавший (как юридического, так и физического лица), которому преступлением причинен материальный ущерб, наделен правом заявлять гражданский иск в отношении подозреваемого (обвиняемого) или лицам, несущим имущественную ответственность за их действия [1].

Согласно положениям статьи 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 года № 35-ФЗ, на государство возложена обязанность производить компенсационные выплаты лицам, понесшим ущерб в результате террористического акта. Тем не менее, в настоящее время вопрос о возмещении ущерба в полном объеме, причиненного такими преступлениями, за счет бюджетных средств не рассматривается [3].

* **Джоган Валерия Геннадьевна,** помощник прокурора Туркменского района Ставропольского края. E-mail: 20002000.lera@inbox.ru

В соответствии с п. 4, 6, 12 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (далее – Декларация ООН) «лица, которым был причинен вред в результате деяния, нарушающего национальные уголовные законы, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством, а судебные и административные процедуры должны отвечать их потребностям» [5].

Таким образом, согласно положениям Декларации ООН, на государство возложена обязанность обеспечения компенсацией пострадавших лиц в случаях, когда компенсация не может быть получена от правонарушителей или из других источников в полном объеме. Представляется, что назначение финансовой компенсации будет распространяться на две основные категории лиц: жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения, или было существенно подорвано их физическое или психическое здоровье и семьям, в частности, иждивенцам умерших лиц или ставшими физически или психически недееспособными в результате такой виктимизации. Важно учитывать, что сумма заработной платы осужденного не всегда может отвечать требованиям о возмещении имущественного вреда в той мере, в какой необходимо сделать это в полном объеме и разумные сроки, не растягивая данный процесс на десятилетия.

В соответствии со ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ [4], со ст. 107 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [2], после вычета денежных средств по алиментным обязательствам из заработной платы осужденного и иных доходов, производятся иные удержания, а именно: подоходный налог, а перечисления в пенсионный фонд, а также другие обязательные платежи. Из остатка суммы производятся удержания в рамках исполнительного производства по исполнительным листам и иным исполнительным документам [2]. Законодательно предусмотрен обязательный минимум в размере 25%, который должен быть доступен осужденному, не зависимо от других сумм, подлежащих удержанию.

Учитывая вышеизложенное, ежемесячные платежи в пользу потерпевшего будут производиться незначительными суммами на протяжении нескольких лет, что в значительной мере увеличивает срок возмещения вреда в полном объеме и соответственно затрудняет обеспечение имущественных прав потерпевшего.

Кроме того, порой материальное положение осужденного не всегда отвечает требованиям обвинительного приговора суда (далее – приговор), для исполнения приговора в части исковых требований или иного решения о возмещении вреда. Поскольку имущества, находящегося в собственности осужденного может быть недостаточно для исполнения приговора, суду важно учитывать фактическое материальное положение осужденного.

При избрании осужденному вида наказания, связанного с возмещением имущественного вреда суду необходимо возлагать обязанности по трудоустройству в равной степени, как на самого осужденного, так и на уполномоченный орган, исполняющий наказание.

Необходимо создание государством условий для получения профессионального образования и подготовки осужденных, предоставление им воз-

можности трудоустройства и стимулирование осужденных к занятию профессиональными и квалифицированными видами труда. Такая система поможет осужденным обрести финансовую стабильность, новые навыки и перспективы для успешной реинтеграции в общество. Вместе с тем, такой подход способствует облегчению финансовой нагрузки на осужденных, у которых нет достаточных средств для полного возмещения вреда. Кроме того, такие меры уменьшат случаи рецидивизма и общественные затраты на содержание осужденных.

По результатам совместной работы Общественной палаты Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации был разработан проект федерального закона «О потерпевших от преступлений» [7]. Главной целью законопроекта являлось создание государственного внебюджетного Федерального фонда помощи потерпевшим. Предполагалось, что данный фонд будет финансироваться за счет бюджетных средств и предоставлять компенсации различным категориям потерпевших. Этот круг лиц был значительно шире, в отличие от предлагаемого в Декларации ООН и Европейской конвенции 1983 года [5; 6]. Тем не менее, законопроект не был принят.

Среди российских ученых-правоведов ведутся дискуссии о создании государственного фонда, который должен стать эффективным и справедливым инструментом компенсации ущерба пострадавшим, не получившим должного возмещения ущерба. Воплощение этой идеи видится уместным и справедливым решением, поскольку, такой инструмент принес бы пользу как пострадавшим от преступления лицам, так и самому государству, так как правоохранительные силы государства порой не в силах предупредить совершение преступления или своевременно его пресечь, потерпевшие остаются наедине со своей проблемой, без должной поддержки со стороны государства в лице его органов.

Обязанность государства заключается, в том числе в предупреждении и пресечении преступлений, а также принятию эффективных мер в целях их раскрытия и уголовного преследования виновных лиц. Кроме того, необходимо обеспечить безопасность потерпевших в ходе уголовного процесса, гарантируя их право на справедливое судебное разбирательство с возможностью защиты своих интересов и получении соответствующих компенсаций за причиненный им ущерб. Вместе с тем, необходимо обеспечить законодательную базу нормами, возлагающими на государство обязанность возмещения ущерба потерпевшим, а также регламентирующими порядок участия государства в рамках сложившихся правоотношений.

Для реализации такого механизма обеспечения имущественных прав потерпевших возможно применение следующих мер:

1) создание государственного фонда, в который будут поступать средства, назначение которых – возмещение причиненного вреда лицам, пострадавшим от преступления (потерпевшим). Фонд может формироваться за счет средств осужденных, а также за счет бюджетных ассигнований;

2) установление процедуры для определения размера возмещения вреда потерпевшему. Для этого могут использоваться экспертизы, позволяющие оценить степень ущерба, нанесенного преступлением, а также приниматься во внимание другие обстоятельства, влияющие на размер компенсации;

3) разработка механизмов для контроля за осуществлением возмещения вреда со стороны государства. Это может включать в себя обязательное отчетность со стороны государственных органов, ответственных за осуществление таких выплат;

4) предоставление помощи потерпевшим в рамках социальной поддержки. Государство может обеспечить различные программы и меры, направленные на восстановление потерпевшего, его реабилитацию и повышение качества жизни после причиненного вреда.

Такие меры помогут создать прозрачную и эффективную систему возмещения вреда, обеспечивая защиту интересов потерпевших и установление ответственности за совершенные преступления.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // www.consultant.ru

3. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // www.consultant.ru

4. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // www.consultant.ru

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1050 г.) // www.consultant.ru

7. Проект федерального закона «О потерпевших от преступлений» // https://sledcom.ru/document/1130/?pdf=1

Для цитирования: *Джоган В.Г.* Защита и обеспечение имущественных прав потерпевших по уголовному делу: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 150–153.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.150

PROTECTION AND ENSURING OF PROPERTY RIGHTS OF VICTIMS IN A CRIMINAL CASE

V. G. Dzhogan*

Annotation. The article examines the problems of legal regulation in the sphere of ensuring the property rights of victims in a criminal case, taking into account the norms of international and European law, Russian legislation. The author pays special attention to the obstacles that do not allow fully ensuring the property rights of victims of criminal attacks. It is proposed to create a transparent and effective system of measures for compensation for damage, ensuring the protection of the interests of victims and the establishment of liability for the crimes committed.

Keywords: property rights, criminal procedure legislation, criminal executive legislation, human rights and freedoms, compensation, compensation for damage.

* **Dzhogan Valeria Gennadyevna,** assistant prosecutor of the Turkmen district of the Stavropol region. E-mail: 20002000.lera@inbox.ru

According to paragraph 1 of part 1 of article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF), criminal proceedings are aimed at guaranteed protection of the rights and legitimate interests of individuals and organizations that have become victims of crimes as a result of an unlawful, socially dangerous act [1]. The criminal procedure legislation contains a very impressive list of the rights of the victim, however, despite this, the issue of protecting and ensuring the property rights of victims in a criminal case remains open and urgent. In the criminal proceedings of the Russian Federation, there is no clear definition and procedure for ensuring the property rights of the victim. In accordance with the provisions of Articles 44 and 54 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a victim (either a legal entity or an individual) who has suffered material damage as a result of a crime has the right to file a civil claim against the suspect (accused) or persons who are not financially liable for their actions [1].

According to the provisions of Article 18 of the Federal Law "On Combating Terrorism" dated 06.03.2006 No. 35-FZ, the state is obliged to make compensation payments to persons who have suffered damage as a result of a terrorist act. However, at present, the issue of full compensation for damage caused by such crimes from budgetary funds is not being considered [3].

In accordance with paragraphs 4, 6, 12 of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power (hereinafter referred to as the UN Declaration), “persons who have suffered harm as a result of an act that violates national criminal laws have the right to access to the mechanisms of justice and prompt compensation for the damage they have suffered, in accordance with national law, and judicial and administrative procedures should be responsive to their needs” [5]. Thus, in accordance with the provisions of the UN Declaration, the state is obliged to provide compensation to victims in cases where compensation cannot be obtained from offenders or from other sources in full. It appears that the assignment of financial compensation will apply to two main categories of persons: victims who, as a result of serious crimes, received significant bodily injuries or had their physical or mental health significantly undermined, and families, in particular, dependents of deceased persons or those who became physically or mentally incapacitated as a result of such victimization.

It is important to take into account that the amount of the convicted person's salary may not always meet the requirements for compensation for property damage to the extent that it is necessary to do this in full and within a reasonable time frame, without stretching this process out for decades.

In accordance with Art. 99 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings" dated 02.10.2007 No. 229-FZ [4], with Art. 107 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation [2], after deducting funds for alimony obligations from the convicted person's salary and other income, other deductions are made, namely: income tax, transfers to the pension fund, as well as other mandatory payments. Deductions are made from the remaining amount within the framework of enforcement proceedings on writs of execution and other enforcement documents [2]. The law provides for a mandatory minimum of 25%, which must be available to the convicted person, regardless of other amounts subject to deduction.

Taking into account the above, monthly payments in favor of the victim will be made in small amounts over several years, which significantly increases the period for full compensation for damages and, accordingly, complicates ensuring the property rights of the victim.

In addition, sometimes the financial situation of the convicted person does not always meet the requirements of the court's guilty verdict (hereinafter referred to as the verdict) for the execution of the verdict in terms of claims or other decisions on compensation for damage. Since the property owned by the convicted person may not be sufficient to execute the verdict, it is important for the court to take into account the actual financial situation of the convicted person.

When choosing a type of punishment for a convicted person related to compensation for property damage, the court must impose employment obligations equally on both the convicted person and the authorized body executing the punishment.

It is necessary for the state to create conditions for obtaining professional education and training for convicted persons, providing them with employment opportunities and stimulating convicted persons to engage in professional and skilled types of work. Such a system will help convicted persons gain financial stability, new skills and prospects for successful reintegration into society. At the same time, such an approach helps to ease the financial burden on convicted persons who do not have sufficient funds to fully compensate for the damage. In addition, such measures will reduce recidivism and public costs for the maintenance of convicted persons.

As a result of the joint work of the Public Chamber of the Russian Federation and the Investigative Committee of the Russian Federation, a draft federal law "On Victims of Crime" was developed [7]. The main goal of the draft law was to create a state extra-budgetary Federal Fund for Assistance to Victims. It was assumed that this fund would be financed from budgetary funds and provide compensation to various categories of victims. This circle of persons was significantly wider, in contrast to that proposed in the UN Declaration and the European Convention of 1983 [5; 6]. However, the draft law was not adopted.

There are discussions among Russian legal scholars about the creation of a state fund, which should become an effective and fair instrument for compensating damages to victims who have not received due compensation for damages.

The implementation of this idea seems to be an appropriate and fair solution, since such a tool would benefit both the victims of the crime and the state itself, since the law enforcement forces of the state are sometimes unable to prevent the commission of a crime or stop it in a timely manner, the victims are left alone with their problem, without the proper support from the state in the person of its bodies. The duty of the state is, among other things, to prevent and stop crimes, as well as to take effective measures to solve them and prosecute the perpetrators.

In addition, it is necessary to ensure the safety of victims during criminal proceedings, guaranteeing their right to a fair trial with the opportunity to protect their interests and receive appropriate compensation for the damage caused to them.

At the same time, it is necessary to provide the legislative base with norms that impose on the state the obligation to compensate for damage to vic-

tims, as well as regulating the procedure for state participation in the framework of established legal relations.

The following measures can be used to implement such a mechanism for ensuring the property rights of victims:

1) the creation of a state fund that will receive funds intended to compensate for damage caused to persons who suffered from a crime (victims). The fund can be formed at the expense of convicted persons, as well as at the expense of budgetary allocations;

2) the establishment of a procedure for determining the amount of compensation for damage to the victim. For this purpose, expert examinations can be used to assess the extent of the damage caused by the crime, and other circumstances affecting the amount of compensation can be taken into account;

3) development of mechanisms for monitoring the implementation of compensation for damage by the state. This may include mandatory reporting by state bodies responsible for implementing such payments;

4) provision of assistance to victims within the framework of social support. The state can provide various programs and measures aimed at the recovery of the victim, his rehabilitation and improvement of the quality of life after the damage caused.

Such measures will help to create a transparent and effective system of compensation for damage, ensuring the protection of the interests of victims and the establishment of responsibility for the crimes committed.

Bibliographic list

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 25.10.2024) // www.consultant.ru

3. Federal Law "On Counteracting Terrorism" of 06.03.2006 No. 35-FZ (as amended on 10.07.2023) // www.consultant.ru

4. Federal Law "On Enforcement Proceedings" of 02.10.2007 No. 229-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

5. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // www.consultant.ru

6. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1050) // www.consultant.ru

7. Draft federal law "On Victims of Crime" // https://sledcom.ru/document/1130/?pdf=1

For citation: Dzhogan V.G. Protection and Ensuring of Property Rights of Victims in a Criminal Case: Article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 153–156.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.150

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.157

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕДУРЫ ОБМЕНА ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

А.Н. Каменева*
Д.Д. Ступин**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос уголовно-правовой природы процедуры обмена заключенными. Актуальность выбранной тематики подтверждается активной практикой применения такой процедуры. Целью настоящего исследования является выявление уголовно-правового и конституционно-правового генезиса обозначенной процедуры. В статье так же рассмотрен вопрос применение данного института в рамках формирования единого правового пространства Союзного Государства России и Белоруссии. Предложены концептуальные решения правового регулирования.

Ключевые слова: уголовное право, конституционное право, обмен заключенными, помилование, Союзное государство.

В современной российской юридической науке механизм, закрепленный в статье 85 Уголовного кодекса РФ [2], а именно – институт помилования изучен недостаточно. Такой же научной неосвещенности подвергся и институт обмена заключенными, который к тому же не имеет никакого правового регулирования. Между тем, данные два института являются смежными для уголовно-правовых и конституционно-правовых наук и являются социально значимыми.

Необходимость научной актуализации рассматриваемых понятий обусловлена изменениями политико-правовой ситуации в мире и довольно активном применении данных институтов в отсутствии должного регулирования. Процедура обмена представляет собой сложный механизм, в котором лица осужденные, как правило, за совершения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства обмениваются на лиц, совершившие такие же преступления за рубежом, в процессе данной процедуры указанные субъекты подвергаются процедуре помилования в рамках статьи 85 УК РФ [2].

Эта процедура имеет массу особенностей, так, зачастую субъектами подлежащему обмену со стороны РФ являются иностранные лица, многие из которых являются представителями иностранных спецслужб, в свою

* **Каменева Анна Николаевна,** доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru

** **Ступин Даниил Дмитриевич,** студент Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: stupindaniil1@yandex.ru

очередь, противоположными субъектами обмена из-за рубежа являются российские граждане, некоторые из которых являются сотрудниками Службы внешней разведки России. Данный институт направлен на защиту прав и интересов граждан каждой из стран, осуществляющих обмен, если же дополнительно гражданин является сотрудником разведывательной службы, то это демонстрирует так же преданность государств своим гражданам и как следствие высокую оценку их деятельности.

Тонкость данного института представляет и негласный принцип равнозначности обмена, то есть ситуация при которой подлежащие обмену заключенные должны совпадать либо по количеству, либо по своей агентурной ценности, данные критерии не определенны ни одним нормативным актом и представляют собой довольно уникальный международный уголовно-правовой обычай. Такая ситуация видится странной, ведь подобные процедуры часто проводились во времена «холодной войны», главным образом между США и СССР и принятый в 1998 году Римский Статут Международно-Уголовного Суда не смог внести ясности [7].

При реализации уголовно-правовой процедуры помилования к таким лицам, возникает вопрос и необходимости оформления такого решения в форме судебного акта, однако как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ – «данная процедура является исключительной прерогативой Президента Российской Федерации как главы государства (статья 89, пункт «в") [4]. Акт о помиловании действует самостоятельно, не требует для своего исполнения принятия какого-либо судебного решения, реализуется вне рамок отправления правосудия по уголовным делам». По-сути такая позиция Конституционного суда, равно как и положения Конституции РФ, наделяют президента России особыми полномочиями в рамках уголовного судопроизводства.

Рассматриваемые институты так же имеет спорный анти-конституционный генезис. Так, в недавней процедуре обмена от 01.08.2024 года фигурировало большое количество граждан России, которые были выданы за рубеж, что на первый взгляд прямо нарушает положение ч. 1 ст. 61 Конституции РФ, которая устанавливает, что гражданин России не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству [1; 8]. Подобное вмешательство в действие Основного закона государства может косвенно свидетельствовать о политической важности процедуры обмена в целом. Однако, углубляясь в юридическую технику построения указанной конституционной нормы можно предположить, что фактически слово «обмен» не фигурирует, что формально позволяет применять данную процедуру, к тому же слово «выслан» нельзя толковать расширительно и синонимизировать его с «обменом», ибо Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) "О Конституционном Суде Российской Федерации" и его 3 статья, устанавливают, что толкование Конституции может осуществляться только Конституционным Судом РФ [3].

Таким образом, создается ситуация при которой в отсутствии разъяснения Конституционным Судом РФ статьи 61 Конституции РФ механизм обмена формально не противоречит Основному закону России и свободен к применению. Еще одной причиной допускающей применения такого ин-

ститута в отношении граждан России обмененных в результате августовских договоренностей, на наш взгляд, является степень общественной опасности и объект посягательств, совершенных ими преступлений. Так, трое из обмененных граждан России были осуждены за совершения преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ (государственная измена), где объектом посягательства этого общественно-опасного деяния является национальная безопасность и обороноспособность России [2]. Общественная опасность представляется в ослаблении способности государства к обороне и противодействия внешним угрозам и как следствие создается угроза безопасности российскому обществу, что в актуальных условиях является крайне дестабилизирующим фактором. Трое других граждан РФ из числа обменных отбывали наказание за совершение преступления предусмотренного ст. 282.1 УК РФ (организация экстремистского сообщества) [2], общественная опасность которого состоит в подготовке или совершении преступлений экстремистской направленности исходя из мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти. Объектом преступного посягательства в данном случае может выступать какая либо социальная группа.

Таким образом, группа совершенных преступлений главным образом посягает на безопасность российского государства, соответственно субъекты их совершившие, представляют особу угрозу национальной безопасности и в целях обеспечения состояния защищенности российского суверенитета, особенно в условиях проведения специальной военной операции, российским политическим руководством было принято противоречивое решение об обмене преступников с российским гражданством с иностранными государствами.

Интересным видится и механизм применения уголовного закона в пространстве. Так, одним из обмененных 1 августа 2024 года со стороны России стал гражданин Германии Рико Кригер, который в свою очередь был приговорен к смертной казни в Белоруссии за совершение преступлений на территории республики. Кригер был обвинен в совершении преступлений предусмотренных ч. 3 ст. 289 – «Акт терроризма», ст. 358 прим. 1 – «Агентурная деятельность», ст. 133 – «Наемничество», ч. 3 ст. 361 прим. 1 – «Создание экстремистского формирования либо участие в нем», ч. 4 ст. 295 – «Незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» и по ч. 4 ст. 309 – «Умышленное приведение в негодность транспортного средства или путей сообщения» Уголовного кодекса Республики Белоруссии [6].

По версии следствия немецкий гражданин по заданию спецслужб Украины собирал информацию о расположении и численном составе одной из воинской частей, фотографировал военную технику, а также установил взрывчатку на железнодорожных путях, в результате чего произошел взрыв, парализовавший движения железнодорожного транспортного узла. Позднее, гражданин Кригер был помилован актом президента Республики Белоруссии и доставлен на территорию Российской Федерации с целью дальнейшего обмена. Особый интерес здесь вызывает применение уголовного закона в рамках Союзного государства Российской Федерации и Республики Белоруссии.

Вторая статья договора о создании Союзного Государства предусматривает создание единой правовой системы, в том числе уголовно-правовой. Договор относит борьбу с преступностью, осуществляемую непосредственно через применение уголовно-правовых норм к совместному ведению между государствами, оформление которой по замыслу законодателей стран-участниц договора должно быть на уровне национальных нормативно-правовых актов. Однако, в случае обмена гражданина Кригера мы уже можем впервые наблюдать примерный механизм действия единой уголовно-правовой системы союзного государства. Соответственно, гражданин ФРГ был помилован в рамках уголовно-правовой системы Республики Белоруссии, а обменен в рамках российской юрисдикции, что реализует механизмы единого правового пространства союзного государства России и Республики Белоруссии. Такая ситуация, в свою очередь, формирует порочную практику применения отдельных уголовно-правовых механизмов в отсутствие их регулирования. Стоит надеяться, что данные правовые пробелы были позже восполнены в рамках межгосударственных соглашений о союзном государстве.

Таким образом, образовавшийся правовой вакуум требует конкретных решений. Мы предлагаем внести некоторую ясность в обозначенные процедуры и в первую очередь, конкретизировать процедуру обмена заключенных в соглашении РФ и Республики Белоруссии о Союзном государстве. Целесообразным считаем выработать предложения о создании единой системы уголовно-правового пространства Союзного государства, разграничить самостоятельный и совместный предмет ведения и определить полномочия каждого государства-участника соглашения в применении уголовного закона.

Думается, что нормативно закрепленная возможность стран-участниц Союзного государства использовать заключенных, которые были осуждены в рамках национальных уголовно-правовых (уголовно-исполнительных) систем для последующего обмена, является важным шагом и решением в рамках обеспечения безопасности Союзного государства и реализации совместных внешнеполитических целей России и Белоруссии. Выработку таких положений справедливо будет возложить на Парламентское собрание Союза Белоруссии и России, которое в данный момент исполняет парламентские функции до принятия закона о выборах депутатов единого парламента Союзного государства, рационально привлечь к такой работе ведущие научные институты Государств, в частности: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь.

Совместная работа ведущих научных институтов в области государства и права окажет существенное влияние на качественную выработку условий реализации общего правового пространства Союзного государства. Так же, после принятия соответствующих документов Союзного государства разумным будет и внести изменения в Уголовный кодекс РФ, а именно в статью 85 (помилование), в виде примечания к пункту 2, где следует указать, что помилование может осуществляться и в рамках процедуры обме-

на, реализуемым Союзным государством [2]. По общему смыслу, примечание будет носить бланкетный характер, и направлять к указанным документам. Таким образом, общая конструкция 85 статьи УК РФ будет сконструирована исключительно бланкетно [2].

Стоит заметить, что в данном случае опасение об излишней отсылочности и бланкетности нормы, и как следствие, нарушения принципа правовой определенности – излишни, как указывал Конституционный Суд РФ [5], принцип правовой определенности не исключает введения в уголовный закон бланкетных норм, которые для уяснения терминов требуют обращения к нормативному материалу других правовых актов. Непосредственно текст примечания следует конструировать уже после принятия обозначенных нормативных документов Союзного государства, то есть, во исполнение. Такая очередность регулирования, на наш взгляд, обусловлена формальной иерархией построения норм Союзного государства.

Таким образом, институт обмена заключенными представляет собой сложную совокупность политически обусловленных процессов, но при этом он имеет довольно давнюю практику применения, уголовно-правовой и отчасти конституционно-правовой генезис данного института раскрывается, прежде всего, через процедуру помилования, которая непосредственно закреплена в Уголовном кодексе РФ. Отраженный нами пример формирования общеправового пространства Союзного государства лишь подчеркивает необходимость регулирования процедуры обмена заключенными.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) "О Конституционном Суде Российской Федерации» // www.consultant.ru

4. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 283-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудика Андриана Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 43, части третьей статьи 59 и статьи 85 Уголовного кодекса Российской Федерации" // www.consultant.ru

5. Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 817-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Люлинского Артема Хаимовича на нарушение его конституционных прав статьей 185.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 2 части 1 и частью 2 статьи 5 Федерального закона "О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // www.consultant.ru

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З // https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275

7. Иногамова-Хегай, Л.В. Международное уголовное право: учебник / Л.В. Иногамова-Хегай. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 495 с.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А. М. Дроздова [и др.]; под редакцией С. А. Комарова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 410 с.

Для цитирования: *Каменева А.Н., Ступин Д.Д.* Уголовно-правовая природа процедуры обмена заключенными: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 157–162.
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.157

CRIMINAL-LEGAL NATURE OF THE PROCEDURE FOR EXCHANGING PRISONERS

A. N. Kameneva*
D. D. Stupin**

Annotation. The present article considers the issue of the criminal-legal nature of the procedure of prisoner exchange. The relevance of the chosen topic is confirmed by the active practice of application of such a procedure. The purpose of this study is to identify the criminal-legal and constitutional-legal genesis of this procedure. The article also considers the issue of application of this institution in the framework of the formation of a common legal space of the Union State of Russia and Belarus. The conceptual solutions of legal regulation are proposed.

Key words: criminal law, constitutional law, prisoner exchange, pardon of prisoners, Union State.

In modern Russian legal science, the mechanism enshrined in Article 85 of the Criminal Code of the Russian Federation [2], namely the institution of pardon, has not been sufficiently studied. The same scientific lack of coverage was also given to the institution of prisoner exchange, which, moreover, has no legal regulation. Meanwhile, these two institutions are related to criminal law and constitutional law sciences and are socially significant. The need for scientific updating of the concepts under consideration is due to changes in the political and legal situation in the world and the rather active use of these institutions in the absence of proper regulation. The exchange procedure is a complex mechanism in which persons convicted, as a rule, for committing crimes against the foundations of the constitutional order and state security are exchanged for persons who have committed the same crimes abroad; in the process of this procedure, these subjects are subject to the pardon procedure within the framework of Article 85 of the Criminal Code of the Russian Federation [2]. This procedure has many peculiarities, for example, often the subjects of the exchange from the Russian Federation are foreign persons, many of whom are representatives of foreign intelligence services, while the opposite

* **Kameneva Anna Nikolaevna,** Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: anna.kameneva.msu@mail.ru
** **Stupin Daniil Dmitrievich,** student of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: stupindaniil1@yandex.ru

subjects of the exchange from abroad are Russian citizens, some of whom are employees of the Russian Foreign Intelligence Service. This institution is aimed at protecting the rights and interests of citizens of each of the countries carrying out the exchange, and if the citizen is also an employee of the intelligence service, this also demonstrates the loyalty of the states to their citizens and, as a consequence, a high assessment of their activities.

The subtlety of this institution is also the unspoken principle of the equivalence of exchange, that is, a situation in which the prisoners subject to exchange must match either in number or in their intelligence value, these criteria are not defined by any regulatory act and represent a rather unique international criminal law custom. This situation seems strange, because similar procedures were often carried out during the Cold War, mainly between the USA and the USSR, and the Rome Statute of the International Criminal Court adopted in 1998 failed to clarify this [7].

When implementing the criminal procedure of pardoning such persons, the question of the need to formalize such a decision in the form of a judicial act arises, but as the Constitutional Court of the Russian Federation has repeatedly pointed out – "this procedure is the exclusive prerogative of the President of the Russian Federation as the head of state (Article 89, paragraph "b") [4]. The act of pardon operates independently, does not require any judicial decision for its implementation, and is implemented outside the framework of the administration of justice in criminal cases." In essence, this position of the Constitutional Court, as well as the provisions of the Constitution of the Russian Federation, grant the President of Russia special powers within the framework of criminal proceedings.

The institutions in question also have a controversial unconstitutional genesis. Thus, in the recent exchange procedure of 01.08.2024, a large number of Russian citizens were involved who were extradited abroad, which at first glance directly violates the provisions of Part 1 of Article 61 of the Constitution of the Russian Federation, which establishes that a Russian citizen cannot be expelled from the Russian Federation or extradited to another state [1; 8]. Such interference in the operation of the Basic Law of the state may indirectly indicate the political importance of the exchange procedure as a whole. However, delving into the legal technique of constructing the said constitutional norm, it can be assumed that in fact the word "exchange" does not appear, which formally allows the application of this procedure, moreover, the word "sent" cannot be interpreted broadly and synonymized with "exchange", since the Federal Constitutional Law of 21.07.1994 N 1-FKZ (as amended on 31.07.2023) "On the Constitutional Court of the Russian Federation" and its Article 3 establish that the interpretation of the Constitution can only be carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation [3].

Thus, a situation is created in which, in the absence of an explanation by the Constitutional Court of the Russian Federation of Article 61 of the Constitution of the Russian Federation, the exchange mechanism formally does not contradict the Basic Law of Russia and is free to apply. Another reason that allows the application of such an institution in relation to Russian citizens exchanged as a result of the August agreements, in our opinion, is the degree of

public danger and the object of the encroachment, the crimes committed by them. Thus, three of the exchanged Russian citizens were convicted of committing a crime under Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation (high treason), where the object of the encroachment of this socially dangerous act is the national security and defense capability of Russia [2].

The public danger is represented by the weakening of the state's ability to defend itself and counter external threats and, as a result, a threat to the security of Russian society is created, which in the current conditions is an extremely destabilizing factor. Three other Russian citizens from among those exchanged were serving sentences for committing a crime under Article 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (organization of an extremist community) [2], the social danger of which consists in the preparation or commission of crimes of an extremist nature based on motives of political, ideological, racial, national or religious hatred. The object of the criminal attack in this case may be any social group.

Thus, the group of committed crimes mainly encroaches on the security of the Russian state, accordingly, the subjects who committed them pose a particular threat to national security and in order to ensure the state of protection of Russian sovereignty, especially in the context of a special military operation, the Russian political leadership made a controversial decision to exchange criminals with Russian citizenship with foreign states.

The mechanism of applying the criminal law in space also seems interesting. Thus, one of those exchanged on August 1, 2024 from Russia was German citizen Rico Krieger, who in turn was sentenced to death in Belarus for committing crimes on the territory of the republic. Krieger was accused of committing crimes under Part 3 of Article 289 – "Act of terrorism", Article 358 note 1 – "Intelligence activity", Article 133 – "Mercenarism", Part 3 of Article 361 note 1 – "Creation of an extremist formation or participation in it", Part 4 of Article 295 – "Illegal actions in relation to firearms, ammunition and explosives" and Part 4 of Article 309 – "Intentional rendering unusable a vehicle or means of communication" of the Criminal Code of the Republic of Belarus [6].

According to the investigation, the German citizen, on assignment from the Ukrainian special services, collected information about the location and strength of one of the military units, photographed military equipment, and also planted explosives on the railway tracks, which resulted in an explosion that paralyzed the movement of the railway transport hub. Later, citizen Krieger was pardoned by an act of the President of the Republic of Belarus and delivered to the territory of the Russian Federation for the purpose of further exchange. Of particular interest here is the application of criminal law within the framework of the union state of the Russian Federation and the Republic of Belarus.

The second article of the treaty on the establishment of the Union State provides for the creation of a unified legal system, including criminal law. The treaty attributes the fight against crime, carried out directly through the application of criminal law norms, to joint jurisdiction between states, the design of which, according to the plan of the legislators of the countries participating in the treaty, should be at the level of national regulatory legal acts. However, in the case of the exchange of citizen Krieger, we can already observe for the first

time an approximate mechanism of the operation of a single criminal-legal system of the union state. Accordingly, the citizen of the FRG was pardoned within the framework of the criminal-legal system of the Republic of Belarus, and exchanged within the framework of the Russian jurisdiction, which implements the mechanisms of a single legal space of the union state of Russia and the Republic of Belarus. This situation, in turn, forms a vicious practice of applying individual criminal-legal mechanisms in the absence of their regulation. It is worth hoping that these legal gaps were later filled in the framework of interstate agreements on the union state. Thus, the resulting legal vacuum requires specific solutions. We propose to introduce some clarity into the designated procedures and, first of all, to specify the procedure for the exchange of prisoners in the agreement of the Russian Federation and the Republic of Belarus on the Union State. We consider it appropriate to develop proposals for the creation of a unified system of criminal-legal space of the Union State, to delineate independent and joint subject of jurisdiction and to determine the powers of each state party to the agreement in the application of criminal law.

It seems that the legally enshrined possibility of the member countries of the Union State to use prisoners who were convicted within the framework of national criminal-legal (penal-executive) systems for subsequent exchange is an important step and decision in the framework of ensuring the security of the Union State and the implementation of the joint foreign policy goals of Russia and Belarus. It would be fair to entrust the development of such provisions to the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia, which currently performs parliamentary functions until the adoption of the law on the election of deputies of the single parliament of the Union State; it would be rational to involve leading scientific institutes of the States in such work, in particular: the Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", the National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus.

Joint work of leading scientific institutes in the field of state and law will have a significant impact on the qualitative development of conditions for the implementation of the common legal space of the Union State. Also, after the adoption of the relevant documents of the Union State, it would be reasonable to amend the Criminal Code of the Russian Federation, namely Article 85 (pardon), in the form of a note to paragraph 2, where it should be indicated that pardon can also be carried out within the framework of the exchange procedure implemented by the Union State [2]. In general, the note will be of a blanket nature and refer to the specified documents. Thus, the general structure of Article 85 of the Criminal Code of the Russian Federation will be constructed exclusively in a blanket manner [2].

It is worth noting that in this case, concerns about excessive referentiality and blanket nature of the norm, and as a consequence, violation of the principle of legal certainty, are unnecessary, as the Constitutional Court of the Russian Federation pointed out [5], the principle of legal certainty does not exclude the introduction of blanket norms into the criminal law, which require reference to the normative material of other legal acts to clarify the terms. The

text of the note itself should be constructed after the adoption of the designated normative documents of the Union State, that is, in their implementation. Such a sequence of regulation, in our opinion, is due to the formal hierarchy of the construction of norms of the Union State.

Thus, the institution of prisoner exchange is a complex set of politically determined processes, but at the same time it has a fairly long-standing practice of application, the criminal-legal and partly constitutional-legal genesis of this institution is revealed, first of all, through the pardon procedure, which is directly enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation. The example we have reflected of the formation of the general legal space of the Union State only emphasizes the need to regulate the procedure for exchanging prisoners.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

3. Federal Constitutional Law dated 21.07.1994 No. 1-FKZ (as amended on 31.07.2023) "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // www. consultant.ru

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.01.2009 No. 283-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dudik Andrian Vladimirovich on the violation of his constitutional rights by the provisions of part one of Article 43, part three of Article 59 and Article 85 of the Criminal Code of the Russian Federation" // www.consultant.ru

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 31, 2022 No. 817-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Artem Khaimovich Lyulinsky on the violation of his constitutional rights by Article 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, paragraph 2 of Part 1 and Part 2 of Article 5 of the Federal Law "On Counteracting the Unlawful Use of Insider Information and Market Manipulation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // www.consultant.ru

6. Criminal Code of the Republic of Belarus dated July 9, 1999 No. 275-Z // https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275

7. Inogamova-Khegay, L.V. International criminal law: textbook / L.V. Inogamova-Khegay. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 495 p.

8. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Edited by S.A. Komarov. 5th ed., revised and add. Moscow: Publishing House Yurait, 2023. 410 p.

For citation: Kameneva A.N., Stupin D.D. Criminal-legal nature of the procedure for exchanging prisoners: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 2 (134). P. 162–166.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.157

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.167

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ

Ф.С. Канукова*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос отсутствия легального закрепления понятий «электронное доказательство и «цифровое доказательство», что в научных кругах вызывает ряд дискуссий относительно отставания законодательства от уровня развития общественных отношений в результате влияния новых технологий. На основе исследования данных мнений автором аргументирована позиция относительно необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве нового вида доказательств.

Ключевые слова: электронное доказательство, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, вещественные доказательства, уголовное судопроизводство, цифровые доказательства.

Доказательства можно назвать своеобразным «фундаментом», на основе которого строится уголовное дело, они играют ключевую роль, так как именно на их основе определяется виновность или же, напротив, невиновность того или иного лица. Доказательства важны абсолютно для каждого участника уголовного судопроизводства: участники со стороны обвинения на основе их могут строить и выдвигать обвинение, сторона защиты – формулировать тактику и позицию, направленную на доказывание невиновности лица, суд на основе анализа совокупности доказательств принимает решение о вынесении обвинительного или оправдательного приговора. Однако в силу появления и развития цифровых технологий изменились формы и способы совершения преступлений. Отсюда в теории уголовно-процессуального права появился новый вид доказательств – электронные доказательства.

Электронное доказательство – термин, который охватывает любую информацию, хранящуюся или передаваемую в электронном виде и которая является юридически значимой. Сюда включаются электронные документы, файлы, электронные письма, аудио- и видеозаписи, данные с компьютеров и мобильных устройств, история сетевых запросов, переписки

* **Канукова Фатима Сергеевна**, студентка 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: kanukovafatima@mail.ru

Научный руководитель – **Курышева Наталья Сергеевна**, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: taison2403@yandex.ru

в мессенджерах и тому подобное. Важно отметить, что электронное доказательство может существовать, как в аналоговой, так и в цифровой форме. Например, запись телефонного разговора на магнитную ленту или электронные документы на оптическом диске также будут электронными доказательствами.

Законодатель не стал выделять электронные доказательства в отдельную группу, о чем свидетельствует перечень, закрепленный в статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. В связи с этим на практике правоприменитель по-разному расценивает электронные доказательства. В том случае, когда важна именно форма, такое доказательство относят к вещественному; когда важно содержание – доказательство признается иным документом. Такой подход также приводил в своих научных трудах С.П. Ворожбит, отмечая, что, если при доказывании важны физические характеристики объекта, то его следует относить к категории вещественных доказательств, а в случае, если имеет значение содержание, передаваемое посредством текста и так далее, такое объект следует рассматривать как иной документ [5, с. 8].

В теории уголовного процесса указанное вызывает дискуссии относительно необходимости легального закрепления понятия «электронные доказательства». Так, ряд авторов утверждают о необходимости закрепления в УПК РФ рассматриваемого понятия, аргументом выступает специфических характер таких доказательств, особенности их сбора, предоставления и оценивания, и выделение такого вида доказательств в отдельную группу будет способствовать установлению единого подхода к использованию электронных доказательств в уголовном деле [6, с. 149]. Другие авторы, наоборот, отвергают потребность в выделении в качестве самостоятельного вида электронных доказательств. Такая позиция базируется на том, что способы доказывания являются схожими независимо от того, на чем базируется позиция – на электронном или другом виде доказательств [4, с. 35].

При анализе приведённых выше позиций необходимо учесть тот факт, что электронные доказательства, как правило, приобщаются к материалам уголовного дела на специальном носителе, что требует специальных познаний для изъятия информации, которую он содержит. Правовое выделение электронных доказательств будет способствовать созданию процедурных правил, разработке методики обработки, изъятия и использования цифровой информации в качестве доказательства, а также предоставить правовую базу для доступа к первоисточникам, содержащим цифровые данные.

В вопросе регулирования электронных доказательств необходимо рассмотреть также дискуссию по вопросу выделения наряду с электронными доказательствами цифровых (как отдельный вид или подвид электронных доказательств).

На этот счёт стоит указать, что зарубежные правовые и научные источники уделяют большое внимание анализу значения цифровых доказательств, делая акцент не столько на носителе информации, сколько на самой цифровой информации. Терминология может отражать технические аспекты объектов исследования (цифровые следы, цифровые доказатель-

ства) или их значимость в процессе доказывания. При этом в большинстве зарубежных стран при разработке законов и подзаконных актов активно используется именно термин «электронные доказательства» (зачастую под ними понимается информация, хранящаяся или передаваемая в двоичной форме, которую можно использовать в суде [3, с. 276].

Для аргументации приведённой выше позиции стоит привести в качестве примера Соединённые Штаты Америки. В данном государстве под цифровыми доказательствами принято понимать информацию и данные, которые хранятся, принимаются или передаются электронным устройством [9, с. 111].

При этом зарубежные правоведы подчёркивают, что цифровые доказательства имеют тенденцию к увеличению объёма и усложнению структуры, обладают высокой изменчивостью, в связи с чем могут быть легко модифицированы. Кроме того, они могут быть доступными для широкого круга лиц [3, с. 277], что создаёт необходимость в постоянном совершенствовании правовой базы по указанному вопросу.

Возвращаясь к рассмотрению отечественного законодательства, необходимо отметить, что в теории не прекращаются дискуссии относительно того, к какому виду доказательств отнести цифровое доказательство. Интересной представляется позиция Карташова И.И., который отмечает, что цифровые доказательства – это новый вид доказательств, наряду с теми, которые закреплены в ч. 4 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ [7, с. 101]. Такое убеждение основано на том, что цифровая информация обладает особыми свойствами, которые отличают её и от вещественных доказательств, и от иных документов. Карташова И.И. выдвигает позицию, согласно которой под цифровой информацией в уголовном судопроизводстве предлагает понимать любую информацию в виде дискретных сигналов любой физической природы, передаваемую или хранящуюся в информационно – телекоммуникационных сетях или отдельных устройствах (носителях), которая имеет значение для уголовного дела [8, с. 78].

Несмотря на активное использование таких доказательств при расследовании уголовного дела, в теории до сих пор существуют точки зрения, авторы которых категорически отрицают в целом существование такого доказательства. Например, А.М. Баранов в своей работе «Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI века» утверждает, что цифровые доказательства являются иллюзией и фантазией авторов, а единственным источником и носителем доказательств (информации) в уголовном процессе всегда является человек [2, с. 65]. Сложно согласиться с указанным доводом. Цифровое доказательство – это лишь условное название источника доказательств новой группы, которые могут быть воспроизведены в ходе проведения следственных мероприятий.

Можно констатировать необходимость в исследовании и правовом регулировании электронных и цифровых доказательств в связи с тем, что они становятся все более распространёнными и важными для расследования преступлений, однако в настоящее время в УПК РФ отсутствуют указанные определения. Они находят своё применение лишь в научной литературе в качестве разных концепций, относящихся к доказательствам, свя-

занным с использованием технологий. Там же отмечаются их различия, такие как:

– форма хранения (электронные доказательства могут существовать как в аналоговом (магнитные записи), так и в цифровом формате, тогда как цифровые доказательства хранятся исключительно в цифровом виде);

– источники данных (электронные доказательства могут включать данные с аналоговых устройств, а цифровые доказательства включают исключительно цифровые данные, созданные или сохранённые с использованием современных технологий);

– область использования и применения (цифровые доказательства связаны с использованием компьютерных систем, интернета и других цифровых технологий, тогда как электронные доказательства более универсальны и могут охватывать как цифровые, так и аналоговые формы данных).

Отсюда можно прийти к выводу о том, что при юридическом закреплении понятия электронных и цифровых доказательств, первое можно отнести к последнему как общее к частному, так как все цифровые доказательства являются электронными, но не все электронные доказательства могут быть цифровыми.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. *Баранов, А.М.* Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. / А. М. Баранов // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. – 64–69 с.

3. *Бирюков П.Н.* О Цифровых доказательствах в зарубежном уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 275–286.

4. *Владимировна К.И.* Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе // Вестник науки и образования. – 2021. – № 4-1 (107). – С. 34–36.

5. *Ворожбит, С.П.* Электронные средства доказывания в уголовном и гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.П. Ворожбит. – СПб., 2011. – 25 с.

6. *Пастухов, П.С.* Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве / П.С. Пастухов // Вестник Томского государственного университета. Общенаучный периодический журнал. – 2015. – № 2 (396). – С. 149–153.

7. *Карташов, И.И.* Проблемы формирования доказательств в уголовном судопроизводстве на основе цифровой информации / И.И. Карташов // Юридическая наука. – 2018. – № 3 (99). – 103 с.

8. *Карташов И.И., Лесников О.А.* Цифровая информация в уголовно-процессуальном доказывании: понятие и свойства // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 73–80.

9. *Черецких А.В.* Цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 4 (39). – С. 110–117.

Для цитирования: *Канукова Ф.С.* Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовые пробелы: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 167–170.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.167

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND LEGAL GAPS

F.S. Kanukova*

Annotation. The article examines the issue of the lack of legal consolidation of the concepts of "electronic evidence" and "digital evidence", which in scientific circles causes a number of discussions regarding the lag of legislation behind the level of development of social relations as a result of the influence of new technologies. Based on the study of these opinions, the author argues the position regarding the need to consolidate a new type of evidence in the criminal procedure legislation.

Keywords: electronic evidence, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, material evidence, criminal proceedings, digital evidence.

Evidence can be called a kind of "foundation" on which a criminal case is built, it plays a key role, since it is on its basis that the guilt or, conversely, the innocence of a particular person is determined. Evidence is important for absolutely every participant in criminal proceedings: participants from the prosecution can build and bring charges on their basis, the defense can formulate tactics and a position aimed at proving the innocence of a person, the court, based on an analysis of the totality of evidence, makes a decision on whether to issue a guilty or acquittal verdict. However, due to the emergence and development of digital technologies, the forms and methods of committing crimes have changed. Hence, a new type of evidence has appeared in the theory of criminal procedural law – electronic evidence.

Electronic evidence is a term that covers any information stored or transmitted electronically and which is legally significant. This includes electronic documents, files, emails, audio and video recordings, data from computers and mobile devices, history of network requests, correspondence in instant messengers, etc. It is important to note that electronic evidence can exist in both analog and digital form. For example, a recording of a telephone conversation on magnetic tape or electronic documents on an optical disk will also be electronic evidence.

The legislator did not single out electronic evidence as a separate group, as evidenced by the list set out in Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) [1]. In this regard, in practice, law enforcement officers evaluate electronic evidence differently. In cases where the form is important, such evidence is classified as material; when the content is important, the evidence is recognized as another document. This approach was also cited in his scientific works by S.P. Vorozhbit, noting that if the physical characteris-

* **Kanukova Fatima Sergeevna,** Master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: kanukovafatima@mail.ru

Scientific supervisor – **Natalia Sergeevna Kurysheva**, associate professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, candidate of legal sciences, associate professor. E-mail: taison2403@yandex.ru

tics of an object are important when proving, then it should be classified as material evidence, and if the content transmitted through text and so on is important, such an object should be considered as another document [5, p. 8].

In the theory of criminal procedure, this gives rise to discussions regarding the need for legal consolidation of the concept of "electronic evidence". Thus, a number of authors argue about the need to consolidate the concept in question in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the argument being the specific nature of such evidence, the features of its collection, provision and evaluation, and the allocation of this type of evidence to a separate group will contribute to the establishment of a unified approach to the use of electronic evidence in a criminal case [6, p. 149]. Other authors, on the contrary, reject the need to single out electronic evidence as an independent type. This position is based on the fact that the methods of proof are similar regardless of what the position is based on – electronic or another type of evidence [4, p. 35].

When analyzing the above positions, it is necessary to take into account the fact that electronic evidence is usually attached to the materials of a criminal case on a special medium, which requires special knowledge to remove the information it contains. The legal allocation of electronic evidence will facilitate the creation of procedural rules, the development of methods for processing, seizing and using digital information as evidence, and also provide a legal basis for access to primary sources containing digital data. In the issue of regulating electronic evidence, it is also necessary to consider the discussion on the issue of separating digital evidence along with electronic evidence (as a separate type or subtype of electronic evidence).

In this regard, it is worth noting that foreign legal and scientific sources pay great attention to the analysis of the significance of digital evidence, focusing not so much on the information carrier as on the digital information itself. The terminology may reflect the technical aspects of the objects of study (digital traces, digital evidence) or their significance in the process of proof. At the same time, in most foreign countries, when developing laws and regulations, the term “electronic evidence” is actively used (often understood as information stored or transmitted in binary form, which can be used in court [3, p. 276].

To support the above position, it is worth citing the United States of America as an example. In this country, digital evidence is usually understood as information and data that are stored, received or transmitted by an electronic device [9, p. 111].

At the same time, foreign legal experts emphasize that digital evidence tends to increase in volume and complexity of structure, is highly variable, and therefore can be easily modified. In addition, it can be accessible to a wide range of people [3, p. 277], which creates the need for constant improvement of the legal framework on this issue.

Returning to the consideration of domestic legislation, it should be noted that in theory there are ongoing discussions about what type of evidence digital evidence should be classified as.

The position of I. I. Kartashov seems interesting, who notes that digital evidence is a new type of evidence, along with those enshrined in Part 4 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [7, p. 101].

This belief is based on the fact that digital information has special properties that distinguish it from both material evidence and other documents. I. I. Kartashov puts forward a position according to which digital information in criminal proceedings is understood to mean any information in the form of discrete signals of any physical nature, transmitted or stored in information and telecommunication networks or individual devices (media), which is important for the criminal case [8, p. 78].

Despite the active use of such evidence in criminal investigations, in theory there are still points of view whose authors categorically deny the existence of such evidence in general. For example, A.M. Baranov in his work "Electronic evidence: the illusion of criminal proceedings in the 21st century" claims that digital evidence is an illusion and fantasy of the authors, and the only source and carrier of evidence (information) in criminal proceedings is always a person [2, p. 65]. It is difficult to agree with this argument. Digital evidence is only a conventional name for a source of evidence of a new group that can be reproduced during investigative activities.

It can be stated that there is a need to study and legally regulate electronic and digital evidence due to the fact that they are becoming increasingly common and important for investigating crimes, however, at present, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not contain the specified definitions. They are used only in scientific literature as different concepts related to evidence associated with the use of technology. Their differences are also noted there, such as:

– storage form (electronic evidence can exist in both analog (magnetic recordings) and digital formats, while digital evidence is stored exclusively in digital form);

– data sources (electronic evidence can include data from analog devices, and digital evidence includes exclusively digital data created or stored using modern technologies);

– scope of use and application (digital evidence is associated with the use of computer systems, the Internet and other digital technologies, while electronic evidence is more universal and can cover both digital and analog forms of data).

From this we can come to the conclusion that when legally securing the concept of electronic and digital evidence, the former can be related to the latter as the general to the particular, since all digital evidence is electronic, but not all electronic evidence can be digital.

Bibliographic list

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. Baranov, A.M. Electronic evidence: the illusion of criminal proceedings in the 21st century / A.M. Baranov // Criminal justice. 2019. No. 13. 64–69 p.

3. Biryukov P.N. On Digital Evidence in Foreign Criminal Proceedings // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. P. 275–286.

4. Vladimirovna K.I. Criteria for the admissibility of evidence in criminal proceedings // Bulletin of Science and Education. 2021. No. 4-1 (107). P. 34–36.

5. Vorozhbit, S.P. Electronic means of evidence in criminal and civil proceedings: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences / S.P. Vorozhbit. St. Petersburg, 2011. 25 p.

6. Pastukhov, P.S. Electronic material evidence in criminal proceedings / P.S. Pastukhov // Bulletin of Tomsk State University. General scientific periodical journal. 2015. No. 2 (396). P. 149–153.

7. Kartashov, I.I. Problems of evidence formation in criminal proceedings based on digital information / I.I. Kartashov // Legal science. 2018. No. 3 (99). 103 p.

8. Kartashov I.I., Lesnikov O.A. Digital information in criminal procedural evidence: concept and properties // Science. Society. State. 2020. Vol. 8. No. 4 (32). P. 73–80.

9. Cheretskikh A.V. Digital (electronic) evidence in criminal proceedings // Law and order: history, theory, practice. 2023. No. 4 (39). P. 110–117.

For citation: Kanukova F.S. Electronic evidence in criminal proceedings: theoretical and legal gaps: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 171–174.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.167

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.175

АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА

И.Н. Османов*

Аннотация. В данной статье анализируется проблема финансирования терроризма, подчёркивается его значимость как основного инструмента для достижения преступных целей современных террористических организаций. Подробно рассматривается криминологическая характеристика преступлений финансирования терроризма, включая психологические и поведенческие особенности субъектов. Приводится обобщенный профиль субъекта финансирования терроризма, а также представлены характерные признаки различных типов преступников, участвующих в таких операциях. Важным выводом является необходимость комплексного подхода и активной превентивной работы для борьбы с финансовой поддержкой терроризма, включая просветительскую деятельность и меры по раннему выявлению и пресечению финансовых транзакций, направленных на финансирование терроризма.

Ключевые слова: терроризм, финансирование, преступление, причины, противодействие.

Финансирование терроризма является одним из основных инструментов современных террористических организаций для достижения своих целей. Оно подрывает законный финансовый порядок и представляет собой серьезную угрозу для национальной и международной безопасности. В Российской Федерации проблема финансирования терроризма имеет особое значение, учитывая близость некоторых соседних стран к очагам терроризма и высокий уровень угрозы террористической деятельности. Ю.М. Антонян утверждал, что смысл терроризма заключается в наведении страха, обеспечении управления и получении значительных материальных благ [3, с. 232].

Эти преступления характеризуются высокой степенью общественной опасности и могут быть совершены различными способами, включая передачу денежных средств, имущества или иного имущественного вознаграждения террористической организации или лицу, совершившему террористический акт.

* **Османов Ислам Набиюллаевич,** студент 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vanvinkl@bk.ru

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

В целях выработки эффективной методики противодействия финансированию терроризма необходимо тщательное составление криминологической характеристики данного преступления.

В.Б. Ястребов определял криминологическую характеристику как совокупность первостепенных признаков преступных деяний, изучение которых необходимо для предупреждения данных деяний [6, с. 15]. Исходя из данной дефиниции, необходимо обратить внимание на соотношение криминологической и уголовно-правовой характеристики. Л.Д. Гауфман [5, с. 6] включал в понятие уголовно-правовой характеристики исключительно аспекты понятия и квалификации конкретного преступления, в то время как криминологическая характеристика, в сущности, является исследованием обобщенной модели преступления или видов преступлений, их количественных и качественных признаков и мер, необходимых для их предупреждения.

Личность преступника является важным криминологическим значимым признаком преступления. Субъект финансирования терроризма обладает комплексом психологических и поведенческих характеристик, которые делают его способным к реализации противоправных действий. Под психологическими характеристиками следует понимать устоявшееся сочетание индивидуальных качеств, определяющих формы реагирования на внешние раздражители, механизмы адаптации, процесс межличностного взаимодействия и систему самовосприятия [2, с. 48].

В первую очередь, необходимо рассмотреть его мотивационную структуру. Такие лица могут быть мотивированы идеологическими убеждениями, религиозным фанатизмом, личной выгодой или давлением со стороны экстремистских группировок.

Обобщенный профиль субъекта финансирования терроризма включает в себя следующее – это человек из нижних социальных слоев, имеющих довольно низкий уровень образования, нравственности и морали, а также либо заниженную, либо патологически высокую самооценку. С.М. Бучаев отмечал, что потенциальными участниками преступных сообществ экстремистского толка являются социально неустроенные люди [4, с. 99].

Когнитивный стиль субъекта зачастую выражается в склонности к дихотомическому видению мира и неспособности к объективной оценке ситуации. Их мышление часто характеризуется жесткостью и узостью, что затрудняет восприятие альтернативных точек зрения и способствует восприятию любых действий как оправданных ради достижения "высшей цели".

Эмоциональные черты могут включать высокий уровень стресса, тревожность, гнев и агрессивность. В то же время, такие индивиды могут демонстрировать поверхностную аффективность, казаться спокойными и рациональными на первый взгляд, что позволяет им скрывать свои истинные намерения и действия.

Вышеупомянутая характеристика личности субъекта рассматриваемого преступления делает их уязвимыми для проведения в отношении них вербовки по ценностям – в данном случае куратор подкрепляет в субъекте уверенность в истинности его суждений о несправедливом устройстве мира, культивирует в нем ненависть к объектам преступлений. Субъект понимает, что он больше не одинок в своей позиции, что позволяет избавить-

ся от проявлений психологической защиты и делает человека удобной целью для дальнейшего воздействия.

В процессе вербовки немаловажным является и позитивное подкрепление содействия субъекта через обещание материальной и нематериальной выгоды. Серьёзную роль также играет и групповая динамика – находясь в среде единомышленников, человек получает необходимые для совершения преступных деяний смелость и решительность.

Обобщенный субъект финансирования терроризма демонстрирует ряд следующих характерных поведенческих признаков.

1. *Когнитивная диссонансная стратегия.* Субъект активно использует механизмы когнитивного диссонанса для оправдания своих действий. Такой подход позволяет ему поддерживать внутреннюю согласованность между убеждениями и поведением, несмотря на явное противоречие с социально и юридически приемлемыми нормами.

2. *Криптомания и скрытность.* Постоянное стремление к сокрытию истинной природы осуществляемых им финансовых операций является одним из центральных поведенческих признаков. Это проявляется в использовании сложных криптографических методов, оффшорных счетов и фиктивных компаний. Стремление к полной скрытности указывает на высокий уровень параноидального мышления и недоверия к окружению.

3. *Оперативная маскировка.* Субъект демонстрирует высокие навыки конспирации, что проявляется в способности изменять свои поведенческие паттерны в зависимости от ситуации и окружения. Это включает в себя смену маршрутов передвижения, использование различных идентичностей и частую смену средств коммуникации.

4. *Контрфактуальное мышление*. Частое использование контрфактуального мышления позволяет субъекту прорабатывать различные сценарии развития событий и предвидеть возможные действия правоохранительных органов. Это когнитивное свойство способствует более тактичному планированию и повышает шансы на успех террористической деятельности.

5. *Диссимуляция.* Субъект применяет технику диссимуляции для маскировки своих намерений и действий. Он умело вводит в заблуждение окружающих, создавая ложные представления о своём истинном характере и целях. Это позволяет ему оставаться незамеченным в социальном окружении и продолжать совершать действия, направленные на финансирование терроризма, продолжая благовидную деятельность без изменения привычного поведения.

Финансирование терроризма может осуществляться различными типами преступников, включая следующие.

– *Идеологические террористы* – это люди, мотивированные политическими, религиозными или идеологическими убеждениями, которые могут собирать средства для финансирования собственной противоправной деятельности. Их характерными чертами выступают устойчивость к внешнему давлению, осуждению со стороны третьих лиц, высокая степень преданности своей идее и склонность к радикализации.

– *Сочувствующие* – частные лица, поддерживающие террористические группы и готовые пожертвовать деньги или ресурсы из идеологиче-

ских соображений. Данной группе свойственен высокий уровень эмпатии, а также наивность и недостаток критического мышления, данные лица зачастую не осознают правовые последствия содействия террористическим организациям.

– *Конформисты* – лица, осуществляющие содействие террористической организации из соображений избегания конфликтной ситуации в социальной группе, к которой они принадлежат. Для представителей данного типа характерна заниженная самооценка, низкий уровень развития волевых качеств. В отличие от радикалов, уверенных в истинности исповедуемых идей, данные лица оказывают материальную поддержку террористам, желая подстроиться под актуальную политическую или социальную ситуацию.

– *Лица, преследующие корыстные цели* – к данной группе можно отнести предпринимателей, занимающихся вполне легальной деятельностью. Для представителей этой группы характерна высокая степень вовлеченности, они крайне заинтересованы в активной деятельности террористической организации, так как способны извлекать выгоду из преступных деяний террористов. В данном случае радикальная идея отходит на второй план, главенствующая же роль отводится жажде наживы. Процесс финансирования для представителей данного типа тождественен инвестированию, ведь в перспективе они могут приумножить свой капитал путем получения доступа к ресурсам, находящимся в зоне активности террористической группы, а также непосредственно использовать самих террористов для запугивания или устранения конкурентов, повреждения или получения прав на их имущественный капитал и т.д.

В качестве примера можно привести деяния осужденного по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ Ахмеднабиева С.С. и его родного брата – Ахмеднабиева И.С., находящегося в федеральном розыске по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ [1]. Согласно версии следственных органов, в период с 2015 по 2019 годы Сааду Ахмеднабиев совместно со своим братом Исраилом Ахмеднабиевым, который находился на территории Турции и Сирийской Арабской Республики, известным под именем «Абу-Умар Саситлинский», организовали финансирование деятельности международной террористической организации.

Это финансирование осуществлялось путем сбора денежных средств под предлогом благотворительности и гуманитарной помощи гражданам Сирийской Арабской Республоики. Кроме того, «Абу-Умар Саситлинский», находясь в Сирии, создал исламские благотворительные фонды «Мухаджирун» и «Ансар» с целью поддержки международной террористической организации. Сборы осуществлялись на расчетные счета аффилированных лиц. В течение указанного периода им удалось собрать не менее 2 миллионов рублей для финансирования деятельности международной террористической организации.

Для предотвращения вовлечения людей в финансирование терроризма необходимо проводить активную просветительскую работу, повышать правовую грамотность населения и формировать у них негативное отношение к радикальным идеологиям и противоправному поведению.

Важно также развивать механизмы раннего обнаружения и предотвращения оборота денежных средств, связанного с финансированием тер-

роризма, путем мониторинга и активной работы по выявлению подозрительных финансовых операций, что особенно необходимо в регионах со сложной оперативной обстановкой.

Таким образом, борьба с финансированием терроризма является сложной и многогранным задачей, требующей комплексного подхода и совместных усилий со стороны государства и гражданского общества.

Библиографический список

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. – СПб, 2004. – 366 с.

3. *Антонян, Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовноправовое исследование / Ю.М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998. – 350 с.

4. *Бучаев С.М.* Криминологическая характеристика личности преступника-террориста и особенности ее формирования// Криминологическая ситуация и реагирование на нее. – М., 2014. – С. 98–103.

5. *Гаухман Л.Д.* Расследование по делам о телесных повреждениях и хулиганстве. – М., 1975. – 80 с.

6. *Ястребов В.Б.* К вопросу о понятии криминологической характеристики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 37. – М., 1982. – С. 14–20.

Для цитирования: *Османов И.Н.* Анализ личности преступника, осуществляющего финансирование терроризма: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 175–179.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.175

ANALYSIS OF THE IDENTITY OF THE CRIMINAL WHO CARRIES OUT THE FINANCING OF TERRORISM

I.N. Osmanov*

Annotation. This article analyzes the problem of terrorist financing and emphasizes its importance as the main tool for achieving the criminal goals of modern terrorist organizations. The criminological characteristics of terrorist financing crimes, including the psychological and behavioral characteristics of the subjects, are considered in detail. A generalized profile of the terrorist financing entity is provided, as well as the characteristic features of various types of criminals involved in such operations. An important conclusion is the need for an integrated approach and active preventive work to combat financial support for terrorism, including educational activities and measures for early detection and suppression of international financial transactions related to terrorism.

Keywords: terrorism, funding, crime, causes, counteraction.

* **Osmanov Islam Nabiyullayevich,** 2nd year student of the Master's degree of the Department Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University. E-mail: vanvinkl@bk.ru

Scientific supervisor – **Khabibulin Alik Galimzyanovich**, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

Terrorist financing is one of the main tools used by modern terrorist organizations to achieve their goals. It undermines the legitimate financial order and poses a serious threat to national and international security. In the Russian Federation, the problem of terrorist financing is of particular importance, given the proximity of some neighboring countries to hotbeds of terrorism and the high level of threat of terrorist activity. Yu. M. Antonyan argued that the purpose of terrorism is to instill fear, ensure control and obtain significant material benefits [3, p. 232].

These crimes are characterized by a high degree of public danger and can be committed in various ways, including the transfer of funds, property or other material reward to a terrorist organization or a person who has committed a terrorist act.

In order to develop an effective method of counteracting the financing of terrorism, it is necessary to carefully compile a criminological characteristic of this crime.

V. B. Yastrebov defined a criminological characteristic as a set of primary features of criminal acts, the study of which is necessary for the prevention of these acts [6, p. 15]. Based on this definition, it is necessary to pay attention to the relationship between criminological and criminal-legal characteristics. L. D. Gaufman [5, p. 6] included in the concept of criminal-legal characteristics exclusively aspects of the concept and qualification of a specific crime, while criminological characteristics, in essence, are a study of a generalized model of a crime or types of crimes, their quantitative and qualitative features and measures necessary for their prevention.

The personality of the criminal is an important criminologically significant feature of the crime. The subject of terrorist financing has a set of psychological and behavioral characteristics that make him capable of carrying out illegal actions. . Psychological characteristics should be understood as an established combination of individual qualities that determine the forms of response to external stimuli, adaptation mechanisms, the process of interpersonal interaction and the system of self-perception [2, p. 48].

First of all, it is necessary to consider his motivational structure. Such persons can be motivated by ideological convictions, religious fanaticism, personal gain or pressure from extremist groups.

The general profile of the subject of terrorist financing includes the following – this is a person from the lower social strata, with a fairly low level of education, morality and ethics, as well as either low or pathologically high self-esteem. S.M. Buchaev noted that potential participants in criminal communities of an extremist nature are socially disadvantaged people [4, p. 99].

The subject's cognitive style is often expressed in a tendency toward a dichotomous view of the world and an inability to objectively assess the situation. Their thinking is often characterized by rigidity and narrowness, which makes it difficult to perceive alternative points of view and contributes to the perception of any actions as justified for the sake of achieving a "higher goal".

Emotional traits may include high levels of stress, anxiety, anger, and aggressiveness. At the same time, such individuals may demonstrate superfi-

cial affectivity, appear calm and rational at first glance, which allows them to hide their true intentions and actions.

The above-mentioned personality characteristics of the subject of the crime in question make them vulnerable to recruitment based on values - in this case, the curator reinforces the subject's confidence in the truth of his judgments about the unfair structure of the world, and cultivates hatred towards the objects of crimes. The subject understands that he is no longer alone in his position, which allows him to get rid of manifestations of psychological defense and makes the person a convenient target for further influence.

In the recruitment process, positive reinforcement of the subject's assistance through the promise of material and non-material benefits is also important. Group dynamics also play a serious role – being in an environment of like-minded people, a person gains the courage and determination necessary to commit criminal acts.

The generalized terrorist financing subject demonstrates a number of the following characteristic behavioral features.

1. *Cognitive dissonance strategy*. The subject actively uses cognitive dissonance mechanisms to justify their actions. This approach allows them to maintain internal consistency between beliefs and behavior, despite the obvious contradiction with socially and legally acceptable norms.

2. *Cryptomania and secrecy*. The constant desire to conceal the true nature of the financial transactions they carry out is one of the central behavioral features. This is manifested in the use of complex cryptographic methods, offshore accounts, and fictitious companies. The desire for complete secrecy indicates a high level of paranoid thinking and mistrust of the environment.

3. *Operational disguise.* The subject demonstrates high conspiracy skills, which is manifested in the ability to change their behavioral patterns depending on the situation and environment. This includes changing routes, using different identities, and frequently changing means of communication.

4. *Counterfactual Thinking.* Frequent use of counterfactual thinking allows the subject to work out different scenarios for the development of events and anticipate possible actions of law enforcement agencies. This cognitive property facilitates more tactful planning and increases the chances of success of terrorist activities.

5. *Dissimulation.* The subject uses the technique of dissimulation to mask his intentions and actions. He skillfully misleads others by creating false ideas about his true character and goals. This allows him to remain undetected in the social environment and continue to commit actions aimed at financing terrorism, continuing plausible activities without changing his usual behavior.

Financing of terrorism can be carried out by various types of criminals, including the following.

– Ideological terrorists are people motivated by political, religious or ideological convictions who can raise funds to finance their own illegal activities. They are characterized by resistance to external pressure, condemnation from third parties, a high degree of devotion to their idea and a tendency to radicalization.

– Sympathizers are individuals who support terrorist groups and are willing to donate money or resources for ideological reasons. This group is

characterized by a high level of empathy, as well as naivety and lack of critical thinking; these individuals often do not understand the legal consequences of assisting terrorist organizations.

– Conformists are individuals who assist a terrorist organization for reasons of avoiding a conflict situation in the social group to which they belong. Representatives of this type are characterized by low self-esteem and a low level of development of volitional qualities. Unlike radicals, who are confident in the truth of the ideas they profess, these individuals provide material support to terrorists, wanting to adapt to the current political or social situation.

– Persons pursuing selfish goals – this group includes entrepreneurs engaged in completely legal activities. Representatives of this group are characterized by a high degree of involvement, they are extremely interested in the active activities of a terrorist organization, since they are able to benefit from the criminal acts of terrorists. In this case, the radical idea fades into the background, while the dominant role is given to the thirst for profit. The process of financing for representatives of this type is identical to investing, because in the long term they can increase their capital by gaining access to resources located in the area of activity of the terrorist group, as well as directly use the terrorists themselves to intimidate or eliminate competitors, damage or obtain rights to their property capital, etc.

As an example, we can cite the actions of Akhmednabiev S.S., convicted under Part 4 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. and his brother, Akhmednabiyev I.S., who is on the federal wanted list for committing a crime under Part 1 of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation [1]. According to the investigative authorities, between 2015 and 2019, Saadu Akhmednabiyev, together with his brother Israil Akhmednabiyev, who was in Turkey and the Syrian Arab Republic, known under the name "Abu-Umar Sasitlinsky", organized the financing of the activities of an international terrorist organization.

This financing was carried out by collecting funds under the pretext of charity and humanitarian aid to citizens of the Syrian Arab Republic. In addition, "Abu-Umar Sasitlinsky", while in Syria, created the Islamic charitable foundations "Muhaji-run" and "Ansar" with the aim of supporting the international terrorist organization. The funds were transferred to the bank accounts of affiliated persons. During the specified period, they managed to collect at least 2 million rubles to finance the activities of an international terrorist organization.

To prevent people from being involved in the financing of terrorism, it is necessary to conduct active educational work, increase the legal literacy of the population and form a negative attitude towards radical ideologies and illegal behavior.

It is also important to develop mechanisms for early detection and prevention of the turnover of funds associated with the financing of terrorism, through monitoring and active work to identify suspicious financial transactions, which is especially necessary in regions with a complex operational situation.

Thus, the fight against the financing of terrorism is a complex and multifaceted task that requires an integrated approach and joint efforts from the state and civil society.

Bibliographic list

1. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. Antonyan Yu. M., Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. The identity of the criminal. St. Petersburg, 2004. 366 p.

3. Antonyan, Y. M. Terrorism. Criminological and criminal law research / Yu. M. Antonyan. Moscow: Shield-M, 1998. 350 p.

4. Buchaev S. M. Criminological characteristics of the criminal-terrorist personality and the peculiarities of its formation// Criminological situation and response to it. Mosow, 2014. Pp. 98–103.

5. Gaukhman L.D. Investigation of cases of bodily injury and hooliganism. Moscow, 1975. 80 pp.

6. Yastrebov V.B. On the concept of criminological characteristics of crimes // Issues of combating crime. Issue 37. Moscow, 1982. Pp. 14–20.

For citation: Osmanov I.N. Analysis of the personality of a criminal financing terrorism: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 179–183.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.175

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.9
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.184

КЛАССИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А.В. Пейзак*

Аннотация. Исторически предупреждение преступности родилось частично в ответ на констатированные ограничения системы уголовного правосудия в плане борьбы с преступностью. Кроме того, предупреждение преступности обычно воспринимается как нечто предварительное, поскольку оно имеет место до того, как совершено преступление. Такое определение может быть спорным, так как в конечном итоге стратегии предупреждения преступности требуют поддержки или опоры на сдерживающий эффект санкций, предлагаемых системой уголовного правосудия. Наиболее распространенной типологией профилактики преступлений, встречаемой в зарубежной литературе, является деление на первичную, вторичную и третичную профилактику преступлений, хотя встречаются работы, в которых авторы выделяют большее количество типов профилактики преступлений. В работе анализируются классический подход, нашедший свое отражение в зарубежных странах.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, профилактика преступности, преступность, борьба, типология, первичная, вторичная, третичная.

Одна из первых попыток классифицировать деятельность по предупреждению преступности была предпринята Брайтингеном и Фаустом [3]. В соответствии с их методологией, основанной на модели предупреждения с опорой на здравоохранение, деятельность по предупреждению преступности подразделяется на три группы: первичная профилактика, вторичная профилактика и третичная профилактика.

Первичная профилактика. Основа предупреждения преступности заключается в защите всего населения от всех видов преступлений, что прежде всего связано с социальным развитием общества [10]. На этом уровне профилактика заключается в улучшении условий жизни населения, создании ценностей, которые способствуют здоровым общественным отношениям. Первичная профилактика тесно связана с теорией о стиле жизни Хенделя Ланга [2].

Вторичная профилактика. Вторичная профилактика – это использование методов защиты людей, находящихся в группе риска, от преступных посягательств (например: наркоманы, бездомные, бродяги и беспризорные дети) [10]. При этом типе предупреждения цель заключается в предотвраще-

* **Пейзак Анастасия Викторовна,** доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: a.peyzak@gmail.com

нии совершения преступлений людьми, которые находятся в критическом состоянии, за счет применения к ним надлежащих мер на раннем этапе. Например, в профилактике наркомании основное внимание уделяется тем, кто развлекается с помощью наркотиков и еще не достиг уровня наркомании. Кроме того, дети, живущие в неблагополучных семьях и бедных районах в плохих условиях, или молодые люди, которые испытали насилие в своих домах, чаще совершают уголовные преступления, чем другие.

Третичная профилактика. На этом этапе предпринимаются превентивные усилия по предотвращению преступного поведения в дальнейшем (повторно), чтобы осужденные могли адаптироваться и приспособиться к своей новой социальной среде и не совершать повторных преступлений.

Третичная профилактика реализуется в результате обнаружения, выявления или задержания правонарушителя, заключению осужденного лица в места лишения свободы в соответствии с вынесенным приговором суда, а также последующей реабилитация и ресоциализации осужденного.

Однако такая методология подвергалась критике по ряду причин [12]. Хотя она обычно и способствует выявлению уровня действий (т.е. на уровне общих условий среды, групп риска или правонарушителей), она все же не принимает в расчет, кто осуществляет действия (т.е. полиция, общественность или потенциальные жертвы) или механизмы, с помощью которых действия могли бы быть наиболее эффективными (т.е. за счет повышения риска или снижения выгоды). Существует также проблема, что включать в ту или иную категорию. Например, в какую категорию следует включать работу полиции? Некоторые формы деятельности полиции могут быть отнесены к первичной профилактике (например, проведение обзоров о степени безопасности граждан и разработка программ «соседского наблюдения»), а другие – ко вторичной (проведение курсов по обучению приемам самозащиты) или даже к третичной (поддержка жертв преступлений).

Были и некоторые другие попытки классифицировать предупреждение преступности. Ван Дайк и Уаард [11] подкрепили методологию Брантингема и Фауста, дополнив ее параметрами, связанными с жертвами преступлений, а Экблом разработал классификацию на основе механизма. Последняя основана на том понимании, что преступность можно предупредить путем манипулирования компонентами криминальных действий. Он выявляет три уровня действий: 1) виды методов предупреждения преступности и причинный механизм, на который они направлены; 2) цель вмешательства, т.е. ситуация или правонарушитель; 3) виды преступлений, на предупреждение которых нацелена стратегия [4]. Каждый из этих основных элементов процесса профилактики преступности в свою очередь становится предметом самостоятельной системы классификации, конечная цель которой заключается в систематическом упорядочении знаний для практических и научных работников.

При решении социальных и культурных вопросов, в силу систематического и долгосрочного планирования, нельзя игнорировать меры по предотвращению преступления в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Эта профилактика включает общую или социальную профилактику и раннюю индивидуальную профилактику [9].

Общая профилактика включает меры, которые стремятся устранить или уменьшить причины преступности и таким образом предотвратить деструктивное развитие путем вмешательства в процесс становления преступной личности, за счет улучшая их условия жизни, нормализации социальных и психологических факторов. Согласно Гесссену [5], этот вид профилактики считается социальным так как в предупреждении участвуют прежде всего работники социальной сферы без вмешательства полиции или системы правосудия, с акцентом на недостатки несовершеннолетних правонарушителей, а также условия их развития [7].

Одна из целей этого типа профилактики заключается в том, чтобы уменьшить или устранить причины преступности в социальной среде и, по сути, предназначена для содействия изменению ситуации с преступностью в местных общинах и семьях. Создание зон отдыха и парков для отдыха, создание образовательных, образовательных, культурных центров, создание новых источников дохода и рабочих мест в районах, укрепление релятивных убеждений посредством эффективной и надлежащей активизации местных отношений- Создание центров, формирование местной полиции [1], развитие оборудования и мер, таких как молодежные спортивные клубы и проекты, основанные на деятельности, с целью удержать действующих и потенциальных нарушителей от будущих ошибок – это примеры такого вида профилактики.

Другая цель социальной профилактики – это согласование общественных членов с социальными правилами, и фокус этой профилактики – «индивидуален». Другими словами, социальное предупреждение – это то же самое, что и уголовное предупреждение, более оскорбительное и индивидуальное, и через образование, убеждение, образование и наказание, оно стремится вызвать критерий признания хороших и плохих действий для человека, и сила оценки их работы. Основной момент в этой модели профилактики является специальность, мысль и дублирование усилий, потому что из-за масштаба и сложности субъекта, несмотря на огромные и массивные инвестиции, не достигнуто срывающегося результата в плане сокращения преступности [6].

Сторонники такого типа профилактики считают, что, зная причины совершения преступления, такие как: индивидуальные и социальные, и устраняя их путем проведения индивидуальных и социальных реформ, таких как: лечение болезней и физических и психических недостатков, а также укрепление социальных ценностей и институтов и совершенствование экономических, образовательных, рекреационных, жилищных и других возможностей могут предотвратить преступные тенденции в отдельных лицах [2]15.

На самом деле, социальное предупреждение – это комплекс мер, которые контролируют факторы, влияющие на формирование преступности, и поскольку, помимо социального окружения, оно влияет на личность и мотивы человека, некоторые также называют его индивидуально-ориентированным предупреждением [8]. Еще одна цель социальной профилактики заключается в укреплении основ, способствующих социализации посредством влияния на группы риска. Другими словами, социальная профилактика стремится согласовать индивидуума с социальными правилами через образование.

Что должны делать те, кто занимается этим видом предупреждения, это вытеснить как можно больше людей из системы уголовного правосудия. Вообще говоря, социальное предупреждение – это попытка решить проблемы преступного поведения путем устранения причин преступности и включает меры, которые влияют на контекст преступности через социальные, экономические и культурные вопросы. По этой причине социальное предупреждение является наилучшим описанием первичной профилактики.

Последнему противопоставляется деятельность правоохранительных органов, результаты которой удерживают потенциальных преступников с помощью «запугивания». При предупреждении преступления в обществе создается страх, угроза наказания и потери доверия со стороны общества к тем, кто потенциально готов совершать преступления. Такой тип профилактики реализуется через общественное информирование.

Данный вид профилактики требует соответствующего просвещения широкого круга общественности и освещения не только наиболее громких и резонансных уголовных дел, но и относительно мелких с точки зрения общественной опасности, но распространенных с точки зрения удельного веса в общей массе преступлений. Так, например, большее антикриминогенное влияние на общество будет иметь репортаж о задержании обычного гражданина при попытке дать взятку, совершить хищение в торговом центре, выкопать сверток неизвестного содержания или совершившего иное общеуголовное преступление, в котором зритель мог бы увидеть себя, друга, знакомого или соседа, а не «небожителя».

Библиографический список

1. Abachi, Maryam (2004) Prevention of Delinquency and Child Victimization 47.

2. Bayat, Bahram et al, (2008) Crime Prevention, Based on Social-Based Approach, Tehran, Publication of Social Security Department of the Islamic Republic of Iran, Directorate General of Social Studies.

3. Brantingham, P.J. and Faust, F.L. (1976). «A conceptual model of crime prevention» Crime and Delinquency, № 22, (July).

4. Ekblom, Paul (1994). Proximal circumstances: A mechanism-based classification of crime prevention. Crime Prevention Studies. Vol. 2, pp. 185–232.

5. Gessen, Raymond (1991) Applied Criminology, Translation by Mehdi Kinia, Translator Publishing, First Edition.

6. Hassan Mohammadi Nevisi. 16 Types of Crime Prevention. J Forensic Sci & Criminal Inves. 2019; 11(3): 555814. 002 DOI: 10.19080/JFSCI.2018.11.555814.

7. Hughes G (2001) Crime Prevention, in Mclaughlin E and Munice J (Eds), The Sage Dictionary of Criminology, Sage Publication Ltd.

8. Mirkhalili, Mahmoud (2008) Urban development and the need to Situational prevention, Quarterly journal of private law studies, University of Tehran.

9. Niazpur, Amir Hossein (2004) Early Prevention of Sustainable Criminal Behavior, Journal of Culture and Research 161.

10. Rayejian Asli, Mehrdad (2004) A New Approach to the Foundations of the Prevention of Crime, Journal of Legal Justice.

11. Van Dijk, J. J. M. & De Waard, J. (1991). A two-dimensional typology of crime prevention projects: With a bibliography. Criminal Justice Abstracts, 23, 483–503.

12. Van Voorhis, P. (1986). «Delinquency prevention: Towards comprehensive models and a conceptual map» Criminal Justice Review, vol. 11, № 1, pp. 15–24.

Для цитирования: *Пейзак А.В.* Классическая типология профилактики преступлений в зарубежных странах: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 184–188.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.184

CLASSICAL TYPOLOGY OF CRIME PREVENTION IN FOREIGN COUNTRIES

A.V. Peyzak*

Annotation. Historically, crime prevention was born partly in response to the acknowledged limitations of the criminal justice system in combating crime. Furthermore, crime prevention is usually perceived as a preliminary matter because it occurs before the crime is committed. This definition may be controversial, as crime prevention strategies ultimately require the support or reliance of the deterrent effect of sanctions offered by the criminal justice system. The most common type of crime prevention found in foreign literature is the division into primary, secondary and tertiary crime prevention, although there are works in which the authors distinguish more types of crime prevention. The article analyzes the classical approach, which has found its reflection in the foreign countries.

Key words: crime prevention, crime prevention, crime fighting, typology, primary, secondary and tertiary prevention.

One of the first attempts to classify crime prevention activities was made by Breitingen and Faust [3]. According to their methodology, based on the health-based prevention model, crime prevention activities are divided into three groups: primary prevention, secondary prevention and tertiary prevention.

Primary prevention. The basis of crime prevention is the protection of the entire population from all types of crime, which is primarily associated with the social development of society [10]. At this level, prevention consists of improving the living conditions of the population, creating values that promote healthy social relations. Primary prevention is closely related to the lifestyle theory of Hendel Lang [2].

Secondary prevention. Secondary prevention is the use of methods to protect people at risk from criminal attacks (for example: drug addicts, homeless people, vagrants and street children) [10]. In this type of prevention, the aim is to prevent people who are in a critical condition from committing crimes by applying appropriate measures to them at an early stage. For example, in drug prevention, the focus is on those who use drugs for recreational purposes and have not yet reached the level of drug addiction. In addition, children living in dysfunctional families and poor areas in poor conditions, or young people

* **Peyzak Anastasia Viktorovna,** Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology the Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences. E-mail: a.peyzak@gmail.com.

who have experienced violence in their homes, are more likely to commit criminal offences than others.

Tertiary prevention. At this stage, preventive efforts are made to prevent further criminal behaviour (repeatedly) so that convicted persons can adapt and adjust to their new social environment and not commit repeated crimes.

Tertiary prevention is achieved by detecting, identifying or apprehending the offender, placing the convicted person in prison in accordance with the court sentence, and then rehabilitating and resocialising the convicted person. However, this methodology has been criticised for a number of reasons [12]. Although it generally helps to identify the level of action (i.e. at the level of the general environment, risk groups or offenders), it does not take into account who is carrying out the action (i.e. the police, the public or potential victims) or the mechanisms by which the action might be most effective (i.e. by increasing the risk or reducing the benefit). There is also the problem of what to include in each category. For example, in which category should policing be included? Some forms of policing may be classified as primary prevention (e.g. conducting citizen safety surveys and developing 'neighbourhood watch' programmes), while others may be classified as secondary (providing self-defence training) or even tertiary (supporting victims of crime).

There have been some other attempts to classify crime prevention. Van Dijk and Waard [11] reinforced the methodology of Brantingham and Faust by adding victim-related parameters, and Ekblom developed a mechanism-based classification. The latter is based on the understanding that crime can be prevented by manipulating the components of criminal actions. He identifies three levels of action: 1) the types of crime prevention methods and the causal mechanism they target; 2) the target of the intervention, i.e. the situation or the offender; 3) the types of crime the strategy is intended to prevent [4]. Each of these basic elements of the crime prevention process in turn becomes the subject of an independent classification system, the ultimate goal of which is to systematically organize knowledge for practitioners and researchers. In solving social and cultural issues, due to systematic and long-term planning, measures to prevent crime in the short and long term cannot be ignored. This prevention includes general or social prevention and early individual prevention [9].

General prevention includes measures that seek to eliminate or reduce the causes of crime and thus prevent destructive development by intervening in the process of formation of a criminal personality, by improving their living conditions, normalizing social and psychological factors. According to Hessen [5], this type of prevention is considered social since prevention primarily involves social workers without the intervention of the police or the justice system, with an emphasis on the shortcomings of juvenile offenders, as well as the conditions of their development [7].

One of the goals of this type of prevention is to reduce or eliminate the causes of crime in the social environment and, in fact, is intended to contribute to changing the crime situation in local communities and families. The creation of recreation areas and parks for recreation, the establishment of educational, educational, cultural centers, the creation of new sources of income and jobs in

the areas, the strengthening of relational beliefs through effective and proper activation of local relations- The establishment of centers, the formation of local police [1], the development of equipment and measures such as youth sports clubs and activity-based projects to deter current and potential offenders from future mistakes are examples of this type of prevention. Another goal of social prevention is to align social members with social rules, and the focus of this prevention is “individual” In other words, social prevention is the same as criminal prevention, more offensive and individual, and through education, persuasion, education and punishment, it seeks to bring about a criterion for recognizing good and bad actions for a person, and the power to evaluate their work Give it The main point in this model of prevention is specialty, thought and duplication of efforts, because due to the scale and complexity of the subject, despite the huge and massive investments, no significant result has been achieved in terms of reducing crime [6]. Proponents of this type of prevention believe that knowing the causes of crime, such as individual and social, and eliminating them through individual and social reforms, such as: Treatment of diseases and physical and mental disabilities, as well as strengthening social values and institutions and improving economic, educational, recreational, housing and other opportunities can prevent criminal tendencies in individuals [2].

In fact, social prevention is a set of measures that control the factors that influence the formation of crime, and since, in addition to the social environment, it affects the personality and motives of the individual, some also call it individually oriented prevention [8]. Another goal of social prevention is to strengthen the foundations that promote socialization by influencing risk groups. In other words, social prevention seeks to align the individual with social rules through education. What those involved in this type of prevention should do is to push as many people as possible out of the criminal justice system. Generally speaking, social prevention is an attempt to solve problems of criminal behavior by eliminating the causes of crime and includes measures that influence the context of crime through social, economic and cultural issues. For this reason, social prevention is the best description of primary prevention. The latter is contrasted with law enforcement activities, the results of which deter potential criminals through "intimidation".

When preventing crime, fear, the threat of punishment and loss of trust on the part of society towards those who are potentially ready to commit crimes are created in society. This type of prevention is implemented through public information.

This type of prevention requires appropriate education of a wide range of the public and coverage of not only the most high-profile and resonant criminal cases, but also relatively minor ones in terms of social danger, but common in terms of the share in the total number of crimes. For example, a report about the detention of an ordinary citizen while trying to give a bribe, commit theft in a shopping center, dig up a package of unknown contents or commit another general criminal offense, in which the viewer could see himself, a friend, acquaintance or neighbor, and not a "celestial being", will have a greater anti-criminogenic effect on society.

Bibliography list

1. Abachi, Maryam (2004) Prevention of Delinquency and Child Victimization 47.

2. Bayat, Bahram et al, (2008) Crime Prevention, Based on Social-Based Approach, Tehran, Publication of Social Security Department of the Islamic Republic of Iran, Directorate General of Social Studies.

3. Brantingham, P.J. and Faust, F.L. (1976). «A conceptual model of crime prevention» Crime and Delinquency, № 22, (July).

4. Ekblom, Paul (1994). Proximal circumstances: A mechanism-based classification of crime prevention. Crime Prevention Studies. Vol. 2, pp. 185–232.

5. Gessen, Raymond (1991) Applied Criminology, Translation by Mehdi Kinia, Translator Publishing, First Edition.

6. Hassan Mohammadi Nevisi. 16 Types of Crime Prevention. J Forensic Sci & Criminal Inves. 2019; 11 (3): 555814. 002 DOI: 10.19080/JFSCI.2018.11.555814.

7. Hughes G (2001) Crime Prevention, in Mclaughlin E and Munice J (Eds), The Sage Dictionary of Criminology, Sage Publication Ltd.

8. Mirkhalili, Mahmoud (2008) Urban development and the need to Situational prevention, Quarterly journal of private law studies, University of Tehran.

9. Niazpur, Amir Hossein (2004) Early Prevention of Sustainable Criminal Behavior, Journal of Culture and Research 161.

10. Rayejian Asli, Mehrdad (2004) A New Approach to the Foundations of the Prevention of Crime, Journal of Legal Justice.

11. Van Dijk J.J.M. & De Waard, J. (1991). A two-dimensional typology of crime prevention projects: With a bibliography. Criminal Justice Abstracts, 23, 483–503.

12. Van Voorhis, P. (1986). «Delinquency prevention: Towards comprehensive models and a conceptual map» Criminal Justice Review, vol. 11, № 1, pp. 15–24.

For citation: Peysak A.V. Classical typology of crime prevention in foreign countries: article//Legal thought. 2024. № 3 (135). P. 188–191.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.184

Научная статья

УДК 343.9
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.192

ТИПОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ПОМОЩИ ОБМАНА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Р.И. Пейзак*

Аннотация. Проведение фундаментальных научных криминологических исследований преступлений, связанных с обманом при их совершении против собственников, в зарубежных странах, направленных на анализ возможности применяемых в зарубежных странах мер его предупреждения в Российской Федерации, представляется особенно актуальным и своевременным. Данная статья посвящена проблема типологии преступлений, связанных с обманом, совершаемых в зарубежных странах. В зарубежной литературе мошенничество понимается более широко, чем это принято у нас. Если собрать описание признаков мошенничества, которые встречались при изучении соответствующих публикаций в рамках настоящего исследования, то можно сформулировать определение преступлению, связанного с обманом, или, другими словами, мошенничеству (fraud). Мошенничество или преступление против собственности, связанное с обманом, это нечестное получение выгоды или причинение убытков, совершенное путем обмана или иным способом.

Ключевые слова: мошенничество, зарубежные страны, преступность, типология, собственность, обман, злоупотребление доверием.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием новых способов мошеннических действий и увеличением числа и степени общественной опасности ежедневно совершаемых преступлений, связанных с обманом, по всему миру. В Российской Федерации статистика мошеннических атак на сбережения граждан, к сожалению, не внушает оптимизма. Так согласно данным Фонда поддержки пострадавших от преступлений, в 2022 году было похищено 14,165 млрд рублей, вернуть из которых удалось чуть более 600 млн рублей, что не превышает и 5% похищенного. За 2023 год только силами Банка России было предотвращено мошеннических хищений на сумму 5,8 трлн рублей в результате отражения около 35 млн попыток злоумышленников завладеть чужими денежными средствами, в то время как 1,17 млн операций закончились успехом для мошенников [2]. Центральный Банк России констатировал увеличение в 2023 году похищенных у клиен-

* **Пейзак Руслан Игоревич,** доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: peyzak@gmail.com

тов банков денежных средств на 11,5% по сравнению с прошлым годом, что соответствовало ущербу в 15,8 млрд рублей [3].

В связи с изложенным, проведение фундаментальных научных криминологических исследований преступлений, связанных с обманом, в зарубежных странах, направленных на анализ возможности применяемых в зарубежных странах мер его предупреждения в Российской Федерации, представляется особенно актуальным и своевременным.

Рассмотрим проблему типологии преступлений, связанных с обманом, совершаемых в зарубежных странах. В зарубежной литературе мошенничество понимается более широко, чем это принято у нас. Если собрать описание признаков мошенничества, которые встречались при изучении соответствующих публикаций в рамках настоящего исследования [5], то можно сформулировать определение преступлению, связанного с обманом, или, другими словами, мошенничеству (fraud). Мошенничество или преступление против собственности, связанное с обманом, это нечестное получение выгоды или причинение убытков, совершенное путем обмана или иным способом.

При таком подходе к определению мошенничества, принятому в зарубежных странах, под исследуемым преступлением понимается: кража; мошенничество в бухгалтерии (например, подделка счетов, незаконное присвоение); злоупотребление кредитными картами; незаконное использование или незаконное получение имущества, оборудования, материалов или услуг; причинение убытка или избежание и/или создание обязательства; предоставление ложной или вводящей в заблуждение информации или непредоставление информации, если существует обязательство сделать это; неправомерное использование имущества, оборудования или объектов; организация картеля; изготовление или использование фальшивых, поддельных или фальсифицированных документов; незаконное использование информации или интеллектуальной собственности.

Мошенничество требует намерения. Оно требует больше, чем небрежность, несчастный случай или ошибка. Когда намерение не может быть продемонстрировано, инцидент может быть признан несоблюдением каких-либо правил, а не мошенничеством. Блага не ограничиваются материальной выгодой и могут быть материальными или нематериальными, включая информацию, а прибыль может быть получена и третьими лицами [4].

Рост числа мошенничеств, бурное развитие новых способов их совершения, слабая защищенность от таких посягательств представителей различных слоев населения независимо от образования, уровня интеллекта, социального статуса, имущественного положения дают основание называть переживаемый нами период времени эпохой мошенничества.

Современные мошеннические схемы могут исключать не только прямой контакт похитителя с жертвой, но даже необходимость нахождения в каком-то определенном населенном пункте в момент хищения. В большинстве случаев до момента задержания организованные группы мошенников успевают совершить сотни преступлений, причиняя гражданам, организациям, государству ущерб, исчисляемый миллионами ежедневных потерь.

В зарубежной литературе можно встретить внушительное количество описаний способов совершения преступлений, так или иначе, связанных с обманом. Приведем перечень типов исследуемого преступления, которые встречались чаще всего.

1. *Ипотечное мошенничество (Mortgage fraud)* означает преднамеренное искажение, изменение или утаивание информации, на которую опирается страховщик или кредитор при финансировании, покупке или страховании кредита, обеспеченного залогом недвижимости.

2. *Мошенническая заявка (Application fraud)* представляет собой мошенничество с приложениями документов третьих лист, которое часто используется мошенниками, создающих синтетические личности путем смешивания реальной и фальшивой информации. Мошенничество первой стороны включает людей, использующих их истинную личность, предоставляя ложную информацию, такую как фальшивое местожительство или завышенный доход.

3. *Бухгалтерское мошенничество (Accounting fraud)* происходит, когда сотрудник манипулирует счетами своей компании. Они могут делать это для того, чтобы скрыть кражу или использовать счета кредиторов и дебиторов компании для воровства.

4. *Кража личности (Identity theft)* означает любой вид мошенничества, совершенного путем кражи личной информации. Преступник, укравший информацию о личности жертвы – например, имя, день рождения и номер социального страхования – использует эту информацию для получения доступа к ее аккаунтам и активам.

5. *Авансовое мошенничество (Advance fee fraud)* есть мошенничество с предварительным платежом – это когда мошенник требует от жертвы отправить деньги заранее для оплаты, товаров или услуг. Обещанная выгода могут варьироваться от лучшего кредита до денег от иностранного принца и больше. Но в конце концов, они либо не являются тем, что было обещано, или никогда не доставляются.

6. *Уклонение от налогов (Tax evasion)* – это незаконная попытка снизить уплату налогов частными лицами, корпорациями, трастами и другими участниками налоговых отношений. Уклонение от уплаты налогов часто влечет за собой преднамеренное искажение информации о делах налогоплательщика в целях сокращения его налоговой ответственности, и включает недобросовестную налоговую отчетность, декларирующую меньший доход, чем фактически заработанные суммы.

7. *Страховое мошенничество (Insurance fraud)* – любое действие, направленное на мошенничество в процессе страхования. Это происходит, когда заявитель пытается получить какую-либо выгоду или преимущество, на которое он не имеет права, или когда страховщик сознательно отказывается от той выгоды, которая причитается. Согласно данным Федерального бюро расследований США, наиболее распространенными схемами являются перенаправление премий, взыскание гонораров, перенос активов и мошенничество с выплатой компенсаций работникам. Преступниками в схемах могут быть работники страховых компаний или сами страхователи (выгодоприобретатели).

8. *Мошенничество с чеками (Check fraud)* происходит, когда бумажные или цифровые чеки используются для кражи денег. Преступники могут выписывать мошеннические чеки на свои собственные счета или закрытые счета, подделать подпись другого человека или выдать фальшивый чек.

9. *Мошенничество с инвестициями (Investment fraud)* в высокодоходные ценные бумаги, также называемое мошенничеством с основными банками, включает выпуск или торговлю основных финансовых инструментов, которые фактически не существуют. Мошенники-частные лица или компании обещают своим жертвам огромные прибыли с небольшим риском, если они инвестируют в эти инструменты. Промоутеры используют поддельные документы, которые кажутся вполне легальными и часто утверждают, что имеют специальный доступ к инвестиционным программам, которые обычно доступны только для ведущих финансистов в финансовых центрах мира. Мошенники утверждают, что у них есть секретные или инсайдерские знания, которыми они делятся с избранными и используют эту предпосылку для того, чтобы скрыть свои истинные намерения.

10. *Захват аккаунта (ATO) (Account takeover)* – происходит, когда мошенники завладевают онлайн-аккаунтом жертвы, часто с использованием украденных учетных данных. Воры могут легко приобрести учетные данные в даркнете или получить их с помощью социального инжиниринга, нарушения целостности данных или в результате фишинговой-атаки, а затем использовать аккаунт для жертвы для мошеннических действий с банковскими счетами.

После получения доступа злоумышленник может изменить пароль, чтобы заблокировать попытки реального владельца вернуть доступ к аккаунту. Мошенники как правило переводят деньги на другой счет, совершают платежи в счет оплаты товаров или услуг или открывать новые кредитные счета (чаще всего кредитные линии) на имя жертвы. В результате АТО приводит к дорогостоящим спорам потерпевших с банками и могут иметь негативное влияние на репутацию компании-эмитента и лояльность клиентов. Они также приводят к существенным финансовым потерям для потребителей. Около 22% взрослых клиентов банков США становятся жертвами АТО ежегодно, со средними потерями около $12,000 каждый, по не которым данным от подобного рода операций ежегодно страдает около 50% населения США.

11. *Кибермошенничество (Cybercrime)* охватывает широкий спектр видов преступной деятельности в том числе кибермошенничество, которое осуществляется при помощи цифровых устройств и/или сетей. Эти преступления включают использование технологий для совершения мошенничества, кражи личных данных, нарушения целостности данных, распространения компьютерных вирусов и других злонамеренных действий. Киберпреступники используют уязвимости компьютерных систем и сетей для получения несанкционированного доступа, кражи конфиденциальной информации, нарушения работы служб и причинения финансового или репутационного ущерба отдельным лицам, организациям и правительствам.

12. *Растрата (Embezzlement)* или расхищение – это термин, который обычно используется для описания какого-либо финансового преступления, обычно связанного с кражей денег у предприятия или работодателя. Часто растрата включает в себя использование в преступных целях своего положения лицами, которые пользуются доверием, для хищения средств или вывода активов, чаще всего на протяжении определенного периода времени.

13. *Мошенническая благотворительность (Fraudulent charities),* ситуация, когда мошенники используют филантропию в качестве обмана. Мошенничество в сфере благотворительности подразумевает создание фальшивой благотворительной организации и мнимый сбор "пожертвований", которые исчезают вместе с преступниками. Например, создание с преступным умыслом военной ветеранской благотворительной организации или фонда поддержки жертв катастроф и стихийных бедствий, которые на первый взгляд ничем не отличаются от реальных благотворительных организаций.

14. *Мошенническое самозванство (Imposter scams).* Мошенники часто притворяются кем-то другим, чтобы напугать жертву или заслужить ее доверие. Они могут попытаться убедить потерпевшего поделиться личной информацией или отправить им деньги. Мошенническое самозванство может начинаться с телефонного звонка, SMS, электронной почты, прямого сообщения в сети или даже лично. Некоторые примеры включают притворство родственником или другом, который звонит и просит о финансовой помощи; притворством, что у мошенника имеется платонический или романтический интерес к жертве мошенничества; представлением, что обращающийся к жертве мошенник является сотрудником правительственного агентства или представителем компании.

Преступники могут притвориться, что служат в полиции, налоговом управлении, ФБР, работаю в технической поддержке хорошо известной корпорации или в благотворительном фонде. В последнее время мошенники используют искусственный интеллект, чтобы выдать себя за других людей, а затем используя различные сценарии и схемы, пытаются обмануть жертву.

15. *Мошенничество, сопряженное с шантажом (Blackmail scams).* Цель шантажа – напугать жертву, чтобы она отправила деньги мошенникам, которые угрожают распространять конфиденциальные материалы с компьютера или телефона, по электронной почте, SMS, социальным сетям, что должно смутить жертву. Мошенники просят перевести им деньги, купить подарочную карту известной торговой сети или приобрести криптовалюту. Как правило жертве преступники совершенно незнакомы, но бывают случаи, они могут быть кем-то, кого потерпевший встретил в сети и подумал, что может им доверять.

16. *Мошенничество с оплатой счетов (Invoice fraud)* совершается контрагентами или сотрудниками компании, которые выставляют счет на оплату за товары или услуги, которые компания никогда не покупала, или маскирует личные расходы в качестве расходов компании.

17. *Мошенничество с продажей краденных или контрафактных товаров (Theft or counterfeit goods fraud).* Речь идет о продаже любого то-

вара (дизайнерская одежда, аксессуары, электроника или косметика), который продается как новая и оригинальная вещь, будучи краденной или контрафактной вещью. Мошенники утаивают от жертвы или искажают действительную информацию о товаре во время продажи (как правило дистанционным способом, нередко под чужим именем и с чужого аккаунта).

18. *«Телеграфное» мошенничество (Wire fraud).* Термин "телеграфный перевод" был связан с практикой перевода средств между банками через телеграфные провода. Мошенничество с телеграфными каналами – это проблема, стоимостью в несколько миллиардов долларов. Благодаря прогрессу в технологии и схемах мошенников, это стало кошмаром для регуляторов, финансовых учреждений и обычных клиентов банков. Мошенники с помощью информационно-телекоммуникационных сетей перехватывают банковские переводы, подключаясь к каналам связи банком.

19. *Мошенничество, связанное с подкупом (Bribery).* Взяточничество – это предложение, дарение, получение или вымогательство любого предмета ценности для того, чтобы повлиять на действия должностного лица или другого лица, ответственного за публичный (государственный) или коммерческий интерес, склонить отдельное лицо к действиям, противоречащим его долгу, честности и добросовестности. Подкупы должностных лиц присущи широкому спектру мошенничества, в результате чего сделки и контракты заключаются под влиянием денег и личных интересов преступников, а не законных интересов третьих лиц и лучшей цены.

20. *Мошенничество с пособиями (Social benefits fraud).* Некоторые мошеннические сети паразитируют на системе государственных пособий и выплат, например, назначаемых безработным. Законный документ об отсутствии занятости может быть использован для получения пособий по безработице от имени нескольких лиц. Те, кто участвует в этом, могут оставить себе часть похищенных средств, разделив остальную сумму с организаторами аферы.

21. *Инсайдерское мошенничество (Internal fraud / Insider fraud)* также известное как внутреннее мошенничество, совершается сотрудниками собственного финансового учреждения. Эти сотрудники, вероятно, находятся под значительным давлением и вынуждены участвовать в мошеннической схеме.

22. *Мошенничество с использованием инвестиционных схем (Investment schemes fraud / Ponzi schemes).* Мошенники часто заманивают жертв обещаниями большой прибыли, при якобы небольшом риске и огромных возможностей, которые появились и могут быть использованы лишь единожды в жизни. Во многих случаях инвестиционные схемы ориентированы на группы людей, которые разделяют общую религию или культурную принадлежность – для укрепления доверия. Иногда предполагаемых инвесторов просят подписать соглашения о неразглашении, которые будут заставлять жертв держать случившееся с ними в тайне после того, как мошенники уже исчезнут.

23. *Мошенничество с открытием счетов (New Account Fraud).* Один из самых распространенных видов банковского мошенничества, мошенни-

чество с открытием новых счетов. Мошенник или денежный мул открывает счет с намерением совершить мошенничество, часто используя украденные или синтезированные личности (например, законных клиентов банка, детей, умерших или бездомных людей). В некоторых случаях, мулы могут создавать счета с использованием своих собственных идентификационных данных для мошеннических целей, что называется мошенничеством first-party fraud.

24. *Мошенничество с почтовыми отправлениями (Mail fraud).* Механизм мошенничества, осуществляемого с помощью почтовых отправлений достаточно прост. Преступник отправляет письма, чтобы попытаться обмануть жертву, выудив личные данные (например, с помощью ложного предложения работы), спровоцировать отправку денег мошеннику, а также охватывается кражей или прочтением чужой почты.

Как можно убедиться, изучив вышеуказанный перечень самых распространенных типов преступлений, связанных с обманом, с которыми сталкиваются в зарубежных странах, сложность предупреждения и пресечения подобной преступной деятельности существенно возрастает. От правоохранительных органов требуется все больше временных и материальных затрат для реализация мер профилактического воздействия на подобный вид преступности. Проблема мошенничества перерастает из криминологической в общегосударственную и политическую. Трудно не согласиться с теми, кто видит возможное решение вышеуказанной проблемы в тщательном научном анализе причин и условий, благодаря которым процветают мошенники, изучении криминологических характеристик их личности, на основе которых может быть сформирован комплекс эффективных мер предупреждения этого явления [1].

Библиографический список

1. *Шатилов, А. В.* Особенности криминологической характеристики и предупреждения мошенничества, совершаемого организованными преступными формированиями: дисс. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2020. – 210 с. – EDN FZPSXJ.

2. «В 2023 году люди переводили мошенникам по 40 млн в день» // URL: https://fondpp.org/news/krupnym-planom

3. Объем похищенных мошенниками средств в 2023 году вырос до 15,8 млрд рублей // URL: https://www.interfax.ru/russia/945907

4. Explore the fraud problem // URL: https://www.counterfraud.gov.au/explore-fraud-problem.

5. Paragraph VIII of the Fraud Control Policy, 2022 // URL: https://www.housingaustralia.gov.au/ sites/default/files/2022-10/fraud-control-policy-february-2022-website.pdf

Для цитирования: *Пейзак Р.И.* Типология преступлений против собственности, совершаемых при помощи обмана в зарубежных странах: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 192–198.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.192

TYPOLOGY OF CRIMES AGAINST PROPERTY COMMITTED BY DECEPTION IN FOREIGN COUNTRIES

Ruslan I. Peyzak*

Annotation. Conducting fundamental scientific criminological studies of crimes related to fraud when committed against owners in foreign countries, aimed at analyzing the possibility of measures applied in foreign countries for its prevention in the Russian Federation, seems to be especially relevant and timely. This article is devoted to the problem of the typology of crimes related to fraud committed in foreign countries. In foreign literature, fraud is understood more broadly than is customary in our country. If we collect the description of the signs of fraud that were encountered when studying the relevant publications within the framework of this study, then we can formulate a definition of a crime related to deception, or, in other words, fraud. Fraud or a crime against property related to deception is a dishonest receipt of benefits or causing losses committed by deception or otherwise.

Key words: fraud, foreign countries, crime, typology, property, deception, abuse of trust.

The relevance of the research topic is due to the rapid development of new methods of fraudulent activities and the increase in the number and degree of public danger of daily crimes related to fraud all over the world. In the Russian Federation, statistics on fraudulent attacks on citizens' savings, unfortunately, do not inspire optimism. Thus, according to the Crime Victims Support Fund, in 2022, 14.165 billion rubles were stolen, of which just over 600 million rubles were returned, which does not exceed 5% of the stolen amount. In 2023, the Bank of Russia alone prevented fraudulent thefts in the amount of 5.8 trillion rubles by repelling about 35 million attempts by intruders to take possession of other people's money, while 1.17 million transactions ended in success for the fraudsters [2]. The Central Bank of Russia noted an increase in 2023 in funds stolen from bank clients by 11.5% compared to the previous year, which corresponded to damages of 15.8 billion rubles [3].

In connection with the above, conducting fundamental scientific criminological studies of fraud-related crimes in foreign countries aimed at analyzing the possibility of measures to prevent it in the Russian Federation applied in foreign countries seems particularly relevant and timely.

Let us consider the problem of the typology of fraud-related crimes committed in foreign countries. In foreign literature, fraud is understood more broadly than is customary in our country. If we collect a description of the signs of fraud that were encountered when studying the relevant publications within the framework of this study [5], then we can formulate a definition of a crime related to deception, or, in other words, fraud. Fraud or a crime against property involving deception is the dishonest obtaining of a benefit or causing of a loss, committed by deception or otherwise.

* **Peyzak Ruslan Igorevich,** Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology the Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences. E-mail: peyzak@gmail.com.

In this approach to the definition of fraud adopted in foreign countries, the crime under study is understood to be: theft; accounting fraud (e.g. falsified invoices, misappropriation); credit card abuse; illegal use or illegal receipt of property, equipment, materials or services; causing loss or avoiding and/or creating an obligation; providing false or misleading information or failure to provide information where there is an obligation to do so; unlawful use of property, equipment or facilities; organizing a cartel; making or using false, counterfeit or falsified documents; illegal use of information or intellectual property.

Fraud requires intent. It requires more than negligence, accident or error. When intent cannot be demonstrated, the incident may be considered a violation of any rules, rather than fraud. Benefits are not limited to material gain and may be tangible or intangible, including information, and profit may also be received by third parties [4]. The increase in the number of frauds, the rapid development of new methods of committing them, and the weak protection of representatives of various strata of the population from such attacks, regardless of education, level of intelligence, social status, or property status, give reason to call the period of time we are experiencing the era of fraud.

Modern fraudulent schemes can exclude not only direct contact between the thief and the victim, but even the need to be in a certain locality at the time of the theft. In most cases, before the moment of arrest, organized groups of fraudsters manage to commit hundreds of crimes, causing damage to citizens, organizations, and the state, amounting to millions in daily losses.

In foreign literature, one can find an impressive number of descriptions of methods for committing crimes, one way or another related to fraud. Here is a list of the types of crime under study that were encountered most often.

1. *Mortgage fraud means the deliberate distortion*, change, or concealment of information relied upon by an insurer or lender when financing, purchasing, or insuring a loan secured by real estate.

2. *Application fraud is a third-party document attachment fraud* that is often used by fraudsters who create synthetic identities by mixing real and false information. First-party fraud involves people using their true identities by providing false information, such as a false address or inflated income.

3. *Accounting fraud* occurs when an employee manipulates their company's accounts. They may do this to hide theft or use the company's accounts payable and receivable to commit theft.

4. *Identity theft refers to any type of fraud* committed by stealing personal information. A criminal who steals a victim's identifying information – such as name, birthday, and Social Security number – uses that information to gain access to their accounts and assets.

5. *Advance fee fraud* is a fraud with an advance fee – this is when the fraudster demands that the victim send money in advance for goods or services. The promised benefit can range from better credit to money from a foreign prince and more. But in the end, it either is not what was promised or is never delivered.

6. *Tax evasion* is an illegal attempt to reduce the payment of taxes by individuals, corporations, trusts and other parties to tax relations. Tax evasion often entails intentional misrepresentation of a taxpayer's affairs in order to re-

duce his or her tax liability, and includes dishonest tax reporting by declaring less income than the amounts actually earned.

7. *Insurance fraud* is any act of defrauding the insurance industry. This occurs when a claimant attempts to obtain a benefit or advantage to which he or she is not entitled, or when an insurer knowingly denies a benefit to which he or she is entitled. According to the U.S. Federal Bureau of Investigation, the most common schemes are premium diversion, fee collection, asset shifting, and workers' compensation fraud. The perpetrators of the schemes may be employees of insurance companies or the policyholders (beneficiaries) themselves.

8. *Check fraud* occurs when paper or digital checks are used to steal money. Criminals may write fraudulent checks on their own accounts or closed accounts, forge another person's signature, or issue a bad check altogether.

9. *Investment fraud* High-yield securities fraud, also called major bank fraud, involves the issuance or trading of major financial instruments that do not actually exist. Individuals or companies who are fraudulent promise their victims huge returns with little risk if they invest in these instruments. Promoters use fraudulent documents that appear legitimate and often claim to have special access to investment programs that are normally only available to top financiers in the world's financial centers. Fraudsters claim to have secret or insider knowledge that they share with a select few, using this premise to hide their true intentions.

10. *Account takeover* – occurs when fraudsters take over a victim's online account, often using stolen credentials. Thieves can easily purchase credentials on the dark web or obtain them through social engineering, data breaches, or phishing attacks, and then use the victim's account to commit bank account fraud.

Once access is gained, the attacker may change the password to block the real owner from trying to regain access to the account. Fraudsters typically transfer funds to another account, make payments for goods or services, or open new credit accounts (usually lines of credit) in the victim's name. As a result, ATOs result in costly disputes between victims and banks and can have a negative impact on the issuing company's reputation and customer loyalty. They also result in significant financial losses for consumers. About 22% of adult U.S. bank customers become victims of ATOs each year, with average losses of about $12,000 each, according to some estimates, about 50% of the U.S. population is affected by such transactions annually.

11. *Cybercrime* covers a wide range of criminal activities, including cyber fraud, that are committed using digital devices and/or networks. These crimes include the use of technology to commit fraud, steal identity information, compromise data integrity, distribute computer viruses, and other malicious activities. Cybercriminals exploit vulnerabilities in computer systems and networks to gain unauthorized access, steal confidential information, disrupt services, and cause financial or reputational damage to individuals, organizations, and governments.

12. *Embezzlement* is a term commonly used to describe a financial crime, usually involving the theft of money from a business or employer. Embezzle-

ment often involves the criminal use of a position of trust by individuals to steal funds or assets, usually over a period of time.

13. *Fraudulent charities* is when fraudsters use philanthropy as a deception. Charity fraud involves setting up a fake charity and pretending to collect "donations" that disappear with the criminals. For example, setting up a military veterans' charity or a disaster relief fund with criminal intent that appears to be indistinguishable from a real charity.

14. *Imposter scams*. Scammers often pretend to be someone else to scare the victim or gain their trust. They may try to convince the victim to share personal information or send them money. Imposter scams can begin with a phone call, text message, email, direct message online, or even in person. Some examples include pretending to be a relative or friend calling and asking for financial help; pretending to have a platonic or romantic interest in the victim; or pretending to be from a government agency or company.

Criminals may pretend to be with the police, the IRS, the FBI, work in tech support for a well-known corporation, or work for a charity. Recently, scammers have been using artificial intelligence to impersonate other people, and then using various scenarios and schemes, they try to deceive the victim.

15. *Fraud associated with blackmail (Blackmail scams*). The purpose of blackmail is to scare the victim so that he sends money to the scammers, who threaten to distribute confidential materials from a computer or phone, by email, SMS, social networks, which should confuse the victim. The scammers ask to transfer money to them, buy a gift card for a well-known retail chain, or buy cryptocurrency. As a rule, the criminals are completely unknown to the victim, but in some cases, they can be someone whom the victim met online and thought that he could trust them.

16. *Invoice fraud* is committed by counterparties or employees of a company who issue an invoice for goods or services that the company never purchased, or who disguise personal expenses as company expenses.

17. *Theft or counterfeit goods fraud*. This is the sale of any product (designer clothing, accessories, electronics, or cosmetics) that is sold as new and original, but is actually stolen or counterfeit. Fraudsters conceal or distort the actual information about the product from the victim during the sale (usually remotely, often under a false name and from a false account).

18. *Wire fraud*. The term "wire transfer" was associated with the practice of transferring funds between banks via telegraph wires. Wire fraud is a multibillion dollar problem. Advances in technology and fraudsters' schemes have made it a nightmare for regulators, financial institutions, and ordinary bank customers. Fraudsters use information and telecommunications networks to intercept bank transfers by tapping into banks' communications channels.

19. *Bribery Fraud*. Bribery is the offering, gift, receipt, or solicitation of anything of value to influence the actions of a public official or other person responsible for a public or commercial interest, to induce an individual to act contrary to his or her duty, honesty, and integrity. Bribery of officials is a broad category of fraud that results in transactions and contracts being concluded based on the money and personal interests of the perpetrators rather than the legitimate interests of third parties and the best price.

20. *Social benefits fraud*. Some fraudulent networks prey on government benefits and payments, such as those granted to the unemployed. A legitimate document of unemployment can be used to claim unemployment benefits on behalf of several people. Those involved may keep a portion of the stolen funds, splitting the rest with the organizers of the scam.

21. *Internal fraud* (also known as insider fraud), is committed by employees of the financial institution's own organization. These employees are likely to be under significant pressure to participate in the fraudulent scheme.

22. *Investment schemes fraud (Ponzi schemes).* Fraudsters often lure victims with promises of large returns, seemingly little risk, and huge opportunities that will only come and go once in a lifetime. In many cases, investment schemes target groups of people who share a common religion or culture to build trust. Sometimes prospective investors are asked to sign non-disclosure agreements that will force victims to keep what happened to them a secret after the scammers have disappeared.

23. *New Account Fraud*. One of the most common types of bank fraud, new account fraud. A fraudster or money mule opens an account with the intent to commit fraud, often using stolen or synthesized identities (such as legitimate bank customers, children, the dead, or homeless). In some cases, mules may create accounts using their own identification data for fraudulent purposes, which is called first-party fraud.

25. *Mail fraud*. The mechanism of fraud carried out using mail is quite simple. The criminal sends letters to try to deceive the victim by extracting personal data (for example, with a false job offer), to provoke the sending of money to the fraudster, and also involves stealing or reading someone else's mail.

As can be seen from the above list of the most common types of crimes related to fraud encountered in foreign countries, the complexity of preventing and suppressing such criminal activity increases significantly. Law enforcement agencies are required to spend more and more time and money to implement preventive measures against this type of crime. The problem of fraud is growing from a criminological one to a national and political one. It is difficult not to agree with those who see a possible solution to the above problem in a thorough scientific analysis of the causes and conditions due to which fraudsters thrive, studying the criminological characteristics of their personality, on the basis of which a set of effective measures to prevent this phenomenon can be formed [1].

Bibliographic list

1. Shatilov, A. V. Features of criminological characteristics and prevention of fraud committed by organized criminal groups: diss. ... Cand. of Law. Sciences. Saratov, 2020. 210 p. EDN FZPSXJ.

2. "In 2023, people transferred 40 million a day to fraudsters" // URL: https:// fondpp.org/ news/krupnym-planom/v-2023-godu-ljudi-perevodili-moshennikam-po-40-mln-v-den/

3. The volume of funds stolen by fraudsters in 2023 increased to 15.8 billion rubles // URL: https://www.interfax.ru/russia/945907

4. Explore the fraud problem // URL: https://www.counterfraud.gov.au/explore-fraud-problem.

5. Paragraph VIII of the Fraud Control Policy, 2022 // URL: https://www.housingaustralia.gov.au/ sites/default/files/2022-10/fraud-control-policy-february-2022-website.pdf

For citation: Peyzak R.I. Typology of crimes against property committed by means of deception in foreign countries: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 199–204.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.192

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.4
ББК 67.408.1
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.205

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.В. Пейзак*
Р.И. Пейзак**

Аннотация. Российская Федерация сталкивается с беспрецедентной ситуацией, связанной с неуклонным ростом киберпреступности. К середине 2024 года около двух пятых от общего числа зарегистрированных преступлений приходится на мошенничество, совершенное дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и преступления в сфере компьютерной информации. Подобная ситуация негативным образом сказывается не только на материальном положении российских граждан и компаний, которые ежедневно сталкиваются с попытками неправомерного доступа к защищаемой законом информации, но и на работе правоохранительных органов. Следственные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации ежегодно расследуют более полумиллиона преступлений, так или иначе связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что с учетом фактической длительности предварительного расследования по каждому подобному делу, создает нереальную нагрузку на правоохранителей. По мнению авторов, часть этих дел возможно прекратить в порядке части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, признав деяние малозначительным, однако в связи с отсутствием четких критериев, установленных законодателем, это является непростой правоприменительной задачей. В статье анализируются судебные акты, позволившие авторам сформулировать признаки малозначительности деяний, содержащих признаки преступлений в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: компьютерные преступления, неправомерный доступ, малозначительность, судебная практика, квалификация.

Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» констатируется, что «информационно-коммуникационные технологии являются основой стратегического развития в современном мире и неотъемлемой частью современных управленческих систем в ключевых отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности

* **Пейзак Анастасия Викторовна,** доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: a.peyzak@gmail.com

** **Пейзак Руслан Игоревич,** доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: peyzak@gmail.com

государства и обеспечения правопорядка» [3]. В вышеуказанном постановлении особо отмечается, что именно из-за беспрецедентных экономических санкций со стороны коллективного Запада и Соединенных Штатов Америки сектор информационно-коммуникационных технологий России претерпел значительные изменения. Отсутствие конструктивного диалога на уровне установления связей с Украиной и Польшей, начиная с 2014 года, привело к тому, что значительное количество кибератак и попыток завладеть идентификационными данными граждан России приходилось на эти две страны. Местные правоохранительные органы как будто закрывали глаза на преступную деятельность организованных преступных групп, преступная деятельность которых ведется на территории нашего государства [9; 10; 11].

Подобная ситуация привела к тому, что по состоянию на конец мая 2024 года из без малого двух миллионов преступлений, регистрируемых в Российской Федерации ежегодно, около 40% приходится на киберпреступления (мошенничество, совершенное дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и преступления в сфере компьютерной информации) [12]. Согласно сведениям ТАСС из вышеуказанного источника Генеральная прокуратура Российской Федерации зафиксировала увеличение удельного веса подобного рода преступных деяний по сравнению с прошлым годом почти на 17%.

Согласно ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] следователям органов внутренних дел Российской Федерации подследственны уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации), 273 (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), 274 (нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей) Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Не будет излишне критическим вывод, что подобная масса уголовных дел в количестве, превышающем 700 000 преступлений в год, с учетом некомплекта личного состава Министерства внутренних дел Российской Федерации в 152 000 полицейских и временем, которое за счет неоднократных продлений срока предварительного расследования отнимает каждое уголовное дело, оказывает парализующее воздействие на сотрудников. Решение вышеуказанной проблемы может быть достигнуто путем более широкого применения положений ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации о малозначительности деяния к преступлениям в сфере компьютерной информации. Однако на практике следователи Министерства внутренних дел сталкиваются с проблемой квалификации преступления данной направленности в качестве малозначительного по ряду нижеописанных проблем.

Законодатель в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации не стал раскрывать признаков малозначительности деяния, не представляющего общественной опасности, что требует обращения от следователя Министерства внутренних дел Российской Федерации к судебной практике. И если в отношении ст. 274 Уголовного кодекса Российской Федерации все

однозначно и мы не можем говорить о малозначительности в случае наличия обязательных признаков объективной стороны при квалификации деяния в соответствии с вышеуказанной нормой, таких как причинение крупного ущерба (ч. 1), тяжкие последствия или угроза их наступления (ч. 2), то в отношении практики применения положений о малозначительности по уголовным делам, предусмотренным ст.ст. 272 и 273 Уголовного кодекса Российской Федерации не все так однозначно [2].

Разъясняя судам содержание признака малозначительности по уголовным делам о преступлениях против военной службы Верховный Суд Российской Федерации указал, что малозначительным является деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов и целей и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности [4].

Таким образом имеют ключевое значение для установления малозначительности: 1) характер деяния; 2) роль лица в совершении деяния; 3) тяжесть последствий; 4) содержание мотивов; 5) цели совершения деяния; 6) иные обстоятельства, что требует от судьи или следователя на основании внутреннего отношения к вышеуказанным обстоятельствам деяния принять самостоятельное и ответственное решение об отнесении того или иного поступка к малозначительному.

Подобная позиция Верховного Суда Российской Федерации не решает проблему субъективизма в принятии соответствующего решения; создает плодотворную основу для коррупционного воздействия на следственные органы и суд; оставляет на откуп следователя вопрос о прекращении уголовного преследования, которому необходимо взяв на себя ответственность, самостоятельно принять подобное решение, обосновав его таким образом, чтобы у органов Прокуратуры, руководства сотрудника и отдела собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации не возникло к нему вопросов.

Будет ли рисковать своей карьерой и добрым именем сотрудник, закрывая дело или отказывая в возбуждении уголовного дела, опираясь на зыбкую почву оценочных суждений, не имея опоры в виде конкретных разъяснений со стороны законодателя и Верховного Суда Российской Федерации – является риторическим. При наличии достаточного количества доказательств виновности в совершении преступления, предусмотренного одной из вышеуказанных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, материалы уголовного дела с большой долей вероятности будут переданы в суд, что в очередной раз подтвердит действие принципа селективности по уголовным делам, действующего по всему миру.

Конечно, сотрудник полиции может обратиться к опубликованным в открытых источниках судебным постановлениям по уголовным делам в сфере компьютерной информации, которые были прекращены в соответствии с ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации [2], но найти их не так-то просто. Как правило подобные дела заканчиваются на стадии предварительного расследования по основанию – отсутствие состава преступления без дополнительной ссылки на вышеуказанную норму Общей ча-

сти Уголовного кодекса Российской Федерации, что конечно не может помочь в решении данной проблемы, однако некоторые из проанализированных в рамках данного исследования постановлений суда позволяют выделить ряд существенных признаков малозначительности именно в контексте правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации.

Так 30 января 2024 года Четвертый кассационный суд общей юрисдикции по делу № 77-246/2024 отменил апелляционное постановление Ростовского областного суда, указав на то, что факт неправомерного доступа к персональным данным лицевого счета абонентского номера, находящегося в пользовании супруги подсудимого, и ее профилю (аккаунту) в мобильных мессенджерах «Телеграмм», «Ватсап», «Вибер», в связи с чем, доступ стал невозможен в течение определенного времени и ограничен в надлежащем использовании, не был надлежащим образом установлен нижестоящими судами. Кассационный суд принял во внимание, что между потерпевшей и подсудимым ранее был заключен брак; сим-карта была оформлена на подсудимого, хоть и была в пользовании у его супруги; отсутствие сим-карты не препятствовало доступу к вышеуказанным мессенджерам с помощью другого устройства или источника интернета [5].

Мог ли следователь прекратить уголовное дело, определив, что между подозреваемым и потерпевшей, ранее были родственные отношения, потерпевшая не позаботилась о смене абонентского номера, а нарушение тайны переписки и иных сообщений граждан не имело последующего публичного разглашения, что могло бы нанести существенный вред репутации или чести потерпевшей? Определенно мог, но не стал, скорее всего боясь ответственности за принятое на свое усмотрение решение, в основе своей являвшимся оценочным суждением.

В данном контексте интересен опыт Италии, в которой применительно к компьютерному мошенничеству действует правило об освобождении родственников (гражданских супругов) от уголовной ответственности в порядке, определенном ст. 649 Уголовного кодекса Италии, если деяние не было сопряжено с насилием или не причинило потерпевшему ущерба, имеющего значительную тяжесть [13].

Что касается размера ущерба, который может быть признан малозначительным, отправной точкой можно признать сумму ущерба в 10 000 рублей (по состоянию на 2020 год), что с учетом инфляции на сегодняшний день может быть увеличено до 15 000 рублей, но с при условии обязательности учета материального положения потерпевшего. Согласно Обзору судебной практики за 2020 год был признан малозначительным ущерб региональному бюджету в размере 10 000 рублей несмотря на наличие квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» в деянии подсудимой [6].

Заслуживает внимания Апелляционное постановление Ачинского городского суда Красноярского края 2021 года по делу № 1-337/2021, которым уголовное дело было направлено для организации предварительного расследования [7]. Судом апелляционной инстанции было установлено, что подсудимый, используя свое служебное положение в компании ПАО «Вым-

пелком» скопировал и передал другому детализацию звонков в отношении третьего лица, абонентским номером которого пользовались иные неизвестные лица. Коллегия судей, возвращая дело с указанием на ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, установила, претензий к виновному, как таковых, владелец информации, к которой имел место неправомерный доступ, не имеет, его представитель удовлетворился извинением за допущенный дисциплинарный проступок, и он продолжает работать в компании на прежней должности. Таким образом, можно прийти к выводу, что отсутствие претензий со стороны предполагаемого потерпевшего, может свидетельствовать о малозначительности деяния, формально подпадающего под признаки преступления, описанные в ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Вместе с тем, говорить о наличии признаков малозначительности деяния, формально подпадающего под признаки, указанные в ст.ст. 272 и 273 Уголовного кодекса Российской Федерации можно лишь при отсутствии следующих признаков: 1) длительная приостановка или нарушение работы предприятия, учреждения или организации; 2) предоставление к охраняемой законом тайне доступа неограниченному кругу лиц; 3) причинение по неосторожности смерти, тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку и т.п.; 4) угроза наступления тяжких последствий, реальность которой должна быть установлена [8]. Вышеуказанный перечень можно справедливо дополнить следующим признаком. Если в результате виновных действий обвиняемого, потерпевший или иное лицо, честь и репутация потерпевшего, для которого имели большое значение (например, родители), было доведено до самоубийства, деяния, которые охватываются диспозициями ст. 272 и 273 Уголовного кодекса Российской Федерации нельзя признать малозначительными [2].

Изменение внешних и внутренних условий развития российской экономики, связанных прежде всего с влиянием, сохранением тенденции к снижению инвестиционной активности, а также с масштабным оттоком капитала, оказало непосредственное влияние на российский сектор информационно-коммуникационных технологий, что в свою очередь по мнению авторов должно снимать ответственность с российского общества по охране интересов компаний, которые «ушли» с российского рынка, открыто высказываются против позиций России, финансируют противников Российской Федерации или иным образом поддерживают недружественные России страны. Так, например, деяния по созданию, распространению или использованию компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, охватываемые ст. 273 Уголовного кодекса Российской Федерации [2], также должны признаваться малозначительными, если потерпевшим выступает компания или организация из вышеуказанного списка.

В целом следует считать, что признаками малозначительности деяния по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации являются:

1) имевшийся в прошлом правомерный доступ к охраняемой законом информации;

2) наличие родственных или иных близких отношений с потерпевшим;

3) использование информации, доступ к которой был получен неправомерно, для своих личных целей, не связанных с опубликованием;

4) размер материального ущерба, не превышающий 15 000 рублей;

5) отсутствие претензий со стороны потерпевшего;

6) потерпевший относится к компаниям или организациям, местонахождением которых являются недружественные Российской Федерации страны;

7) потерпевший открыто поддерживает противника Российской Федерации;

8) потерпевший публично оспаривает позицию Российской Федерации;

9) отсутствуют признаки, свидетельствующие о наличии тяжких последствий или крупного ущерба.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // www.consultant.ru

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru

3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 23.05.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // СЗ. – 2014. – № 18 (часть II). – Ст. 2159.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

5. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2024 г. по делу № 77-246/2024 // www.consultant.ru

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12.2020) // www.consultant.ru

7. Апелляционное постановление № 22-817/2021 от 19 августа 2021 г. по делу № 1-337/2021 //https://sudact.ru/regular/doc/vDJ6sVVFst1K

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // www.consultant.ru

9. Новый способ кражи данных: хакеры используют WebAPK для распространения вредоносных приложений на Android //URL: https: //www.security-lab.ru/news/540100.php.

10. На страже безопасности: Россия больше всех в мире блокировала вредоносные сайты // URL: https://trashbox.ru/link/2022-02-09-russia-first-block-web-malware

11. Зампред Сбербанка: Украинский Днепр – «столица» телефонного мошенничества // URL: https://rg.ru/2021/10/02/zampred-sberbanka-ukrainskij-dnepr-stolica-telefonnogo-moshennichestva.html.

12. В России доля киберпреступлений достигла 38% среди всех преступлений // URL: https://tass.ru/obschestvo/20933305

13. *Пейзак, Р.И.* Уголовно-правовой анализ компьютерного мошенничества, предусмотренного статьей 640-ter Уголовного кодекса Италии / Р.И. Пейзак // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8 (171). – С. 229–230.

Для цитирования: *Пейзак А.В., Пейзак Р.И.* Малозначительность в уголовных делах о преступлениях в сфере компьютерной информации: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 205–211.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.205

INSIGNIFICANCE IN CRIMINAL CASES OF COMPUTER INFORMATION CRIMES

Anastasia V. Peyzak*
Ruslan I. Peyzak**

Annotation. The Russian Federation is facing an unprecedented situation of steadily increasing cybercrime. By mid-2024, about two-fifths of the total number of reported crimes are related to fraud committed remotely using information and telecommunications technology and computer-related crime. This situation has a negative impact not only on the material position of Russian citizens and companies, which daily face attempts to improperly access protected information, but also on the work of law enforcement agencies. Investigative bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation investigate more than half a million crimes annually, in one way or another related to the use of information and telecommunications technologies, Given the actual length of preliminary investigation in each such case, it creates an unrealistic burden on law enforcement officials. According to the authors, some of these cases may be dismissed under article 14, paragraph 2, of the Criminal Code of the Russian Federation, but this is a difficult task in law enforcement because of the lack of clear criteria established by the legislator. The article analyzes court acts that allowed the authors to formulate signs of minor acts, containing signs of crimes in the field of computer information.

Key words: computer crimes, improper access, insignificance, judicial practice, qualification.

The Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the state program of the Russian Federation "Information Society" states that "information and communication technologies are the basis of strategic development in the modern world and an integral part of modern management systems in key sectors of the economy, public administration, national defense, state security and law enforcement" [3]. The above-mentioned resolution specifically notes that it is precisely because of the unprecedented economic sanc-

* **Peyzak Anastasia Viktorovna,** Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of The Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences. E-mail: a.peyzak@gmail.com.

** **Peyzak Ruslan Igorevich,** Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of The Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences. E-mail: peyzak@gmail.com.

tions from the collective West and the United States of America that the information and communication technology sector of Russia has undergone significant changes. The lack of a constructive dialogue at the level of establishing relations with Ukraine and Poland, starting in 2014, has led to the fact that a significant number of cyberattacks and attempts to obtain identification data of Russian citizens were concentrated in these two countries. Local law enforcement agencies seemed to turn a blind eye to the criminal activities of organized criminal groups, whose criminal activities are carried out on the territory of our state [9; 10; 11].

This situation has led to the fact that as of the end of May 2024, out of almost two million crimes registered in the Russian Federation annually, about 40% are cybercrimes (fraud committed remotely using information and telecommunications technologies and crimes in the field of computer information) [12]. According to TASS information from the above-mentioned source, the Prosecutor General's Office of the Russian Federation recorded an increase in the share of this type of criminal act compared to last year by almost 17%.

According to Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [1], investigators of the internal affairs bodies of the Russian Federation are subject to criminal investigation of crimes under Article 272 (unauthorized access to computer information), 273 (creation, use and distribution of malicious computer programs), 274 (violation of the rules for the operation of means of storing, processing or transmitting computer information and information and telecommunications networks) of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

It would not be overly critical to conclude that such a mass of criminal cases in excess of 700,000 crimes per year, taking into account the shortage of personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 152,000 police officers and the time that each criminal case takes due to repeated extensions of the preliminary investigation period, has a paralyzing effect on employees. The solution to the above problem can be achieved through a broader application of the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation on the insignificance of the act to crimes in the sphere of computer information. However, in practice, investigators of the Ministry of Internal Affairs face the problem of classifying a crime of this type as insignificant for a number of the issues described below.

The legislator in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation did not disclose the signs of insignificance of an act that does not pose a public danger, which requires the investigator of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to refer to judicial practice. And if with regard to Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation everything is unambiguous and we cannot talk about insignificance in the case of the presence of mandatory signs of the objective side when classifying an act in accordance with the above-mentioned norm, such as causing major damage (Part 1), serious consequences or the threat of their occurrence (Part 2), then with regard to the practice of applying the provisions on insignificance in criminal cases provided for in Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation, not everything is so clear [2].

In explaining to the courts the content of the element of insignificance in criminal cases on crimes against military service, the Supreme Court of the Russian Federation indicated that an act is insignificant if, although it formally contains the elements of a crime, it does not pose a public danger given the nature of the act committed and the role of the person in committing it, the severity of the consequences, the content of the motives and goals, and other circumstances [4].

Thus, the following are of key importance for establishing insignificance: 1) the nature of the act; 2) the role of the person in committing the act; 3) the severity of the consequences; 4) the content of the motives; 5) the purpose of committing the act; 6) other circumstances, which requires the judge or investigator, based on their internal attitude to the above circumstances of the act, to make an independent and responsible decision on classifying a particular act as insignificant.

This position of the Supreme Court of the Russian Federation does not resolve the problem of subjectivity in making the relevant decision; creates a fertile basis for corrupt influence on investigative bodies and the court; leaves the issue of termination of criminal prosecution to the investigator, who must take responsibility and independently make such a decision, justifying it in such a way that the Prosecutor's Office, the employee's management and the Internal Security Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation do not have any questions for him.

Whether an employee will risk his career and good name by closing a case or refusing to initiate a criminal case, relying on the shaky ground of value judgments, without support in the form of specific explanations from the legislator and the Supreme Court of the Russian Federation – is rhetorical. If there is sufficient evidence of guilt in committing a crime provided for by one of the above articles of the Criminal Code of the Russian Federation, the materials of the criminal case will most likely be transferred to the court, which will once again confirm the effect of the principle of selectivity in criminal cases, which is in effect throughout the world. Of course, a police officer can refer to court decisions on criminal cases in the field of computer information published in open sources, which were terminated in accordance with Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation [2], but it is not so easy to find them. As a rule, such cases end at the stage of preliminary investigation on the basis of the absence of corpus delicti without additional reference to the above-mentioned norm of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, which, of course, cannot help in solving this problem, however, some of the court decisions analyzed within the framework of this study make it possible to identify a number of significant signs of insignificance precisely in the context of law enforcement practice in criminal cases on crimes in the field of computer information.

Thus, on January 30, 2024, the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction in case No. 77-246/2024 overturned the appellate ruling of the Rostov Regional Court, indicating that the fact of unlawful access to the personal data of the personal account of the subscriber number used by the defendant's spouse and her profile (account) in the mobile messengers Telegram, WhatsApp,

Viber, due to which access became impossible for a certain period of time and was limited in proper use, was not properly established by the lower courts. The cassation court took into account that the victim and the defendant had previously been married; the SIM card was registered to the defendant, although it was used by his spouse; the absence of a SIM card did not prevent access to the above-mentioned messengers using another device or Internet source [5].

Could the investigator have terminated the criminal case, having determined that there had been a family relationship between the suspect and the victim, that the victim had not taken care to change her subscriber number, and that the violation of the privacy of correspondence and other communications of citizens had no subsequent public disclosure that could have caused significant harm to the reputation or honor of the victim? He certainly could have, but he did not, most likely fearing liability for a decision taken at his own discretion, which was basically a value judgment.

In this context, the experience of Italy is interesting, where, in relation to computer fraud, there is a rule on the release of relatives (common-law spouses) from criminal liability in the manner determined by Article 649 of the Italian Criminal Code, if the act was not associated with violence or did not cause damage to the victim of significant gravity [13].

As for the amount of damage that can be considered insignificant, the starting point can be recognized as the amount of damage in the amount of 10,000 rubles (as of 2020), which, taking into account inflation today, can be increased to 15,000 rubles, but with the condition that the financial situation of the victim must be taken into account. According to the Review of judicial practice for 2020, damage to the regional budget in the amount of 10,000 rubles was recognized as insignificant despite the presence of the qualifying feature "using official position" in the act of the defendant [6].

Worthy of attention is the Appellate ruling of the Achinsk City Court of the Krasnoyarsk Territory in 2021 in case No. 1-337/2021, which sent the criminal case to organize a preliminary investigation [7]. The appellate court found that the defendant, using his official position in the company PJSC VimpelCom, copied and transferred to another the call details regarding a third party, whose subscriber number was used by other unknown persons. The panel of judges, returning the case with a reference to Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, found that the owner of the information to which there was unauthorized access has no claims against the guilty party as such, his representative was satisfied with an apology for the disciplinary offense committed, and he continues to work in the company in the same position. Thus, it can be concluded that the absence of claims from the alleged victim may indicate the insignificance of the act, formally falling under the elements of a crime described in Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

At the same time, it is possible to speak about the presence of signs of insignificance of an act formally falling under the signs specified in Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation only in the absence of the following signs: 1) long-term suspension or disruption of the work of an en-

terprise, institution or organization; 2) granting access to a secret protected by law to an unlimited number of persons; 3) causing through negligence death, serious harm to health of at least one person, etc.; 4) the threat of occurrence of serious consequences, the reality of which must be established [8]. The above list can fairly be supplemented with the following sign. If, as a result of the guilty actions of the accused, the victim or another person, for whom the honor and reputation of the victim were of great importance (for example, parents), was driven to suicide, the acts covered by the dispositions of Articles 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be recognized as insignificant [2].

Changes in the external and internal conditions of development of the Russian economy, primarily related to the influence and continued downward trend in investment activity, as well as large-scale capital outflow, have had a direct impact on the Russian information and communication technology sector, which in turn, in the opinion of the authors, should relieve Russian society of responsibility for protecting the interests of companies that have “left” the Russian market, openly speak out against Russia’s positions, finance opponents of the Russian Federation, or otherwise support countries unfriendly to Russia. For example, acts of creating, distributing, or using computer programs or other computer information that are deliberately intended for the unauthorized destruction, blocking, modification, copying of computer information, or neutralization of computer information protection tools, covered by Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation [2], should also be recognized as insignificant if the victim is a company or organization from the above list.

In general, it should be considered that the signs of insignificance of an act in criminal cases on crimes in the sphere of computer information are:

1) previous lawful access to information protected by law;

2) the presence of family or other close relations with the victim;

3) use of information, access to which was obtained illegally, for personal purposes not related to publication;

4) the amount of material damage not exceeding 15,000 rubles;

5) the absence of claims from the victim;

6) the victim belongs to companies or organizations located in countries unfriendly to the Russian Federation;

7) the victim openly supports an adversary of the Russian Federation;

8) the victim publicly disputes the position of the Russian Federation;

9) there are no signs indicating the presence of serious consequences or major damage.

Bibliographic list

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 29.05.2024) // www.consultant.ru

2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 08.08.2024) // www.consultant.ru

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 313 (as amended on 23.05.2024) "On approval of the state program of the Russian Federation "Information Society" // SZ. – 2014. – No. 18 (part II). – Art. 2159.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.05.2023 No. 11 "On the practice of considering criminal cases on crimes against military service by courts" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 7.

5. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 30, 2024 in case No. 77-246/2024 // www.consultant.ru

6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020)" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 23, 2020) // www.consultant.ru

7. Appellate ruling No. 22-817/2021 dated August 19, 2021 in case No. 1-337/2021 //https://sudact.ru/regular/doc/vDJ6sVVFst1K

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022 No. 37 “On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunications networks, including the Internet” // www.consultant.ru

9. A new way to steal data: hackers use WebAPK to distribute malicious applications on Android //URL: https://www.securitylab.ru/news/540100.php.

10. On guard for security: Russia blocked malicious sites more than anyone else in the world // URL: https://trashbox.ru/link/2022-02-09-russia-first-block-web-malware

11. Deputy Chairman of Sberbank: Ukrainian Dnepr is the “capital” of telephone fraud // URL: https://rg.ru/2021/10/02/zampred-sberbanka-ukrainskij-dnepr-stolica-telefonnogo-moshennichestva.html.

12. In Russia, the share of cybercrimes has reached 38% of all crimes // URL: https://tass.ru/obschestvo/20933305

13. Peyzak, R. I. Criminal-legal analysis of computer fraud provided for in Article 640-ter of the Criminal Code of Italy / R. I. Peyzak // Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). P. 229–230.

For citation: Peyzak A.V., Peyzak R.I. Insignificance in criminal cases on crimes in the sphere of computer information: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 211–216.
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.205

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.4
ББК 67.408.1
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.217

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

К.С. Плакида*

Аннотация. Финансово-кредитная система является ключевым элементом современной экономики, способствующим стабильному развитию государства. Однако её сложность и значимость делают её уязвимой для высокотехнологичных преступлений. В статье рассматриваются основные виды финансово-кредитных преступлений, их влияние на экономическую безопасность и особенности их расследования. Особое внимание уделено преступлениям, связанным с мошенничеством, хищениями, злоупотреблениями полномочиями и незаконным получением кредитов. Также подчеркивается необходимость применения передовых методов расследования, таких как блокчейн-технологии и искусственный интеллект, для эффективной борьбы с преступлениями в условиях цифровизации. Использование современных методов помогает снизить риски и повысить уровень защиты финансово-кредитной системы.

Ключевые слова: финансово-кредитная система, экономическая безопасность, финансово-кредитные преступления, мошенничество, злоупотребление полномочиями, блокчейн, цифровизация, киберпреступления, методы расследования, искусственный интеллект, биометрия.

Финансово-кредитная система представляет собой неотъемлемую часть современной экономической системы, играющую важнейшую роль в обеспечении стабильного развития государства. Её значимость проявляется в сложных взаимоотношениях между государством, хозяйствующими субъектами и населением, где каждый участник выполняет уникальные функции по управлению, распределению и использованию финансовых ресурсов. Эффективная работа этой структуры способствует укреплению экономики, поощряет предпринимательскую инициативу и улучшает качество жизни граждан, что, в свою очередь, способствует стабильности и повышает уровень доверия к правительству.

Однако, параллельно с ее выгодами, она становится объектом многочисленных преступлений, часто высокотехнологичных и сложных. Понимание основных направлений развития этих преступлений и методов их рас-

* **Плакида Кирил Сергеевич,** студент 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kirill.plakida@gmail.com

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследования Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, E-mail: 21alik@mail.ru

следования становится критически важным для обеспечения финансовой стабильности и правопорядка.

Финансово-кредитные преступления часто представляют собой сложные ситуации, требующие специализированных знаний, например, в сфере бухгалтерского учёта, оптимизации налогообложения и понимание основных экономических процессов. В случае отсутствия консультаций со специалистами правоохранитель может упустить ключевые доказательства, а связи между различными аспектами дела останутся не выявленными. Информация, поступающая к следователю от органов дознания, часто недостаточна для принятия решения о возбуждении уголовного дела и применении соответствующих мер. Согласно принципу презумпции невиновности, следователь вправе отказаться от возбуждения дела, если предоставленная информация неполна. Однако это может создать препятствия, которые можно было бы избежать.

Обеспечение и укрепление экономической безопасности России в условиях усиливающегося санкционного давления напрямую зависит от устойчивости и надежности финансово-кредитной системы страны. Надежное функционирование данной сферы создает благоприятные условия для развития производственных связей и торговли, модернизации промышленности, обновления основных активов, а также для разработки новых товаров и услуг [3].

Финансово-кредитные преступления – это преступные деяния, направленные на нарушение финансовых и кредитных отношений, урегулированных законом. Эти преступления включают в себя широкий спектр противоправных действий, среди которых можно выделить мошенничество, хищение средств, подлог, незаконное получение кредитов, а также злоупотребление полномочиями должностных лиц финансовых учреждений.

Согласно российскому уголовному законодательству, финансово-кредитные преступления регулируются рядом статей Уголовного кодекса РФ, в частности, ст. 159 («Мошенничество»), ст. 160 («Присвоение или растрата»), ст. 176 («Незаконное получение кредита»), ст. 201 («Злоупотребление полномочиями»). Эти статьи охватывают основные формы преступлений, связанных с финансовыми махинациями и нарушениями кредитных отношений [1].

К числу наиболее распространенных преступлений в финансово-кредитной сфере относятся преступные действия, совершаемые как физическими, так и юридическими лицами, взаимодействующими с финансово-кредитными учреждениями, включая банки и другие кредитные организации. Преобладающими нарушениями в данной области являются преступления, связанные с процессом выдачи и получения кредитов, когда злоупотребления осуществляются как со стороны клиентов, так и внутри самих организаций.

Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что подобные преступления часто сопровождаются нарушениями со стороны сотрудников банковских и кредитных учреждений. Нарушения касаются как невыполнения установленных экономических нормативов, так и требований по обеспечению возвратности выданных кредитов и соблюдению других ключевых условий кредитования. В частности, в ряде случаев отсутствует тщательный анализ и всесторонняя оценка финансово-хозяйственной деятельности заемщика, что критически важно для определения реальных источников погашения

задолженности. Недостаточная проработка этих аспектов повышает риски невозврата кредитных средств и создает почву для возникновения различных схем мошенничества и злоупотреблений [4].

В сложившихся условиях необходимость разработки и внедрения современной методики расследования преступлений, направленных на хищение или незаконное использование кредитных средств банков, приобретает особую значимость. Это связано с тем, что такие преступления наносят серьезный ущерб экономической стабильности и финансовой безопасности страны. Эффективные методы расследования подобного рода преступлений крайне востребованы среди сотрудников органов предварительного следствия, так как позволяют оперативно выявлять и пресекать правонарушения в кредитно-финансовой сфере. Разработка новых подходов к расследованию способствует повышению уровня раскрываемости преступлений, обеспечению возвратности похищенных средств, а также укреплению доверия к банковской системе. В условиях роста количества преступных схем, направленных на незаконное завладение кредитными ресурсами, необходимость усовершенствования методик работы следственных органов становится очевидной и насущной [5].

Финансово-кредитные преступления можно классифицировать по различным критериям. Одним из ключевых является субъект преступления – физическое или юридическое лицо. В зависимости от этого можно выделить следующие группы преступлений.

1. **Преступления, совершенные физическими лицами**. К ним относятся мошенничество с использованием кредитов (ст. 159.1 УК РФ), хищение чужого имущества с помощью обмана или злоупотребления доверием.

2. **Преступления, совершенные должностными лицами**. Эта группа включает злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), а также преступления, связанные с неправомерным использованием служебного положения для получения финансовой выгоды.

3. **Преступления, совершаемые юридическими лицами**. В данной категории важное место занимают преступления, связанные с незаконной деятельностью организаций в финансово-кредитной сфере. Это может быть незаконное получение кредитов, уклонение от уплаты налогов, мошенничество в банковской сфере [1].

Одной из причин роста количества преступлений в финансово-кредитной сфере является стремительное развитие технологий и усложнение финансовых операций. Современные преступные схемы нередко включают в себя высокотехнологичные способы обмана, такие как использование поддельных цифровых документов, взлом банковских систем и мошенничество с использованием электронных платежей. В условиях цифровизации финансовых процессов преступники получают возможность осуществлять свои деяния удаленно, снижая риск быть пойманными. Это значительно затрудняет работу правоохранительных органов, поскольку требует от следователей глубоких знаний в области информационных технологий и кибербезопасности.

Уязвимости в банковской и кредитной системах играют значительную роль в увеличении уровня преступной активности в данной сфере. Недостаточно эффективные механизмы внутреннего контроля, а также слабый ак-

цент на соблюдении финансовых нормативов и процедур, связанных с кредитованием, создают благоприятные условия для различных видов злоупотреблений. В условиях, когда отсутствует надлежащий мониторинг и надзор за операциями, происходящими внутри финансово-кредитных учреждений, незаконные действия могут оставаться незамеченными в течение длительного времени. Это приводит к тому, что преступления не только не предотвращаются на ранних стадиях, но и продолжают распространяться, угрожая безопасности всей системы. Невозможность своевременно выявлять и пресекать правонарушения усиливает риск появления все более сложных преступных схем, что существенно подрывает доверие к финансовым институтам и угрожает экономической стабильности.

Правоохранительные органы непрерывно совершенствуют методы борьбы с экономическими преступлениями в финансово-кредитной сфере. Всё активнее применяются цифровые технологии, а нормативная база для противодействия экономическим правонарушениям становится более эффективной. В результате этих усилий в 2022 году ущерб от экономических преступлений в финансово-кредитной системе России сократился до 65 млрд рублей, что составило 30,9 % от общего материального ущерба по всем отраслям экономики [6].

Тем не менее, следует подчеркнуть, что на современном этапе развития бытовой оргтехники и промышленных печатных устройств преступники обладают возможностью изготавливать поддельные ценные бумаги, денежные купюры и платежные документы, которые внешне практически неотличимы от подлинных. Это значительно затрудняет процесс раскрытия и расследования данного рода преступлений. Дополнительную сложность представляет тот факт, что такие преступления оставляют крайне малое количество следов, по которым можно установить личность преступника. В связи с этим возрастает потребность в более активном использовании существующих криминалистических методик, а также в разработке специализированных технологий для обнаружения биологических следов, которые помогут точно идентифицировать виновных [7].

Одним из наиболее важных следов, позволяющих установить точную и однозначную причастность конкретного лица к совершённому преступлению, являются отпечатки пальцев. Однако обязательно следует отметить, что обнаружение отпечатков на бумажных носителях, таких как денежные купюры, финансовые документы, накладные и другие платежные бумаги, связано с рядом трудностей. Во-первых, это обусловлено физическими характеристиками бумаги, а во-вторых, недостаточным развитием криминалистических методов для выявления следов рук на таких носителях. Применение дактилоскопических порошков, как правило, не дает должных результатов, особенно если обработка производится спустя значительное время после появления отпечатков [2].

Одновременно с этим, необходимость внедрения новейших технологий в расследование финансово-кредитных преступлений приобретает все большую актуальность. Современные криминалистические методы должны не только учитывать традиционные способы сбора доказательств, такие как отпечатки пальцев, но и применять передовые цифровые инструмен-

ты, позволяющие идентифицировать преступников в условиях цифровой экономики. Технологии искусственного интеллекта, машинного обучения и анализа больших данных играют ключевую роль в выявлении сложных схем финансового мошенничества. Эти технологии помогают автоматизировать процесс анализа транзакций, выявляя аномальные операции, которые могут указывать на преступные действия.

Одним из перспективных направлений является внедрение блокчейн-технологий в финансовый сектор, что позволит сделать транзакции более прозрачными и защищенными от фальсификаций. Блокчейн помогает создавать неизменяемые цифровые записи, что затрудняет подделку финансовых документов и других активов. В будущем широкое использование данной технологии может снизить уровень мошенничества в кредитной сфере, так как каждая транзакция будет фиксироваться в распределенной базе данных и станет доступной для проверки.

Кроме того, активно развивается использование биометрических данных, таких как отпечатки пальцев, сетчатка глаза, голос и другие уникальные параметры человека, для повышения безопасности финансовых операций. Применение биометрии в банковских системах усложняет задачу преступникам, поскольку доступ к финансовым ресурсам можно получить только после успешного прохождения биометрической аутентификации. Это особенно важно в контексте борьбы с мошенничеством при удаленных транзакциях и онлайн-банкинге.

Разработка и внедрение этих технологий требуют не только значительных усилий со стороны финансовых организаций, но и тесного взаимодействия с правоохранительными органами. Сотрудничество в сфере кибербезопасности, обмен опытом и проведение совместных исследований позволяют быстрее адаптироваться к новым вызовам, которые несет цифровизация. Современные методы расследования должны включать использование программных комплексов для мониторинга и анализа сетевой активности, чтобы отслеживать подозрительные действия и предотвращать киберпреступления в кредитно-финансовой системе.

Таким образом, противодействие финансово-кредитным преступлениям в условиях стремительного технологического прогресса требует постоянного обновления и совершенствования подходов к расследованию. Внедрение передовых технологий не только повышает эффективность раскрытия преступлений, но и создает новые барьеры для мошенников, защищая экономическую стабильность государства.

Библиографический список

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. *Волков А.С.* Применение цифровых технологий в ходе расследования преступлений в экономической сфере // ИБР. 2018. № 2 (31) // URL: https: // cyberleninka.ru/ article/n/primenenie-tsifrovyh-tehnologiy-v-hode-rassledovaniya-prestup-leniy-v-ekonomicheskoy-sfere.

3. *Гринберг Р.С., Савченко П.В.* Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития: моногр. – М.: Инфра-М, 2021. – 596 с.

4. *Иванов Д.А., Филатова И.В.* Преступления, совершаемые в финансово-кредитной сфере при выдаче кредитов, как угроза экономической безопасности // Безопасность дорожного движения. – 2021. – № 3 / URL: https: // cyberleninka. ru/ article/n/prestupleniya-sovershaemye-v-finansovo-kreditnoy-sfere-pri-vydache-kreditov-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti

5. *Иванов Д.А., Филатова И.В.* Современные законодательные конструкции декриминализации преступлений в сфере экономики при возмещении вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 125–129.

6. *Минаков А.В., Иванова Л.Н.* Анализ и оценка экономических преступлений в финансово-кредитной сфере // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 5. – С. 258–265.

7. *Фирсов О.А., Волков А.С.* Особенности обнаружения и изъятия следов биологического происхождения при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник СГСЭУ. – 2013. – № 5 (49). – С. 165–167.

Для цитирования: *Плакида К.С.* Общая характеристика финансово-кредитных преступлений: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 217–222.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.217

GENERAL CHARACTERISTICS OF FINANCIAL AND CREDIT CRIMES

K.S. Plakida*

Annotation. The financial and credit system is a key element of the modern economy, contributing to the stable development of the state. However, its complexity and significance make it vulnerable to high-tech crimes. The article examines the main types of financial and credit crimes, their impact on economic security, and the specifics of their investigation. Special attention is given to crimes related to fraud, embezzlement, abuse of authority, and illegal credit acquisition. The article also highlights the necessity of utilizing advanced investigative methods, such as blockchain technology and artificial intelligence, to effectively combat crimes in the digitalization era. The use of modern methods helps reduce risks and enhances the protection level of the financial and credit system.

Keywords: financial and credit system, economic security, financial and credit crimes, fraud, abuse of authority, blockchain, digitalization, cybercrimes, investigative methods, artificial intelligence, biometrics.

The financial and credit system is an integral part of the modern economic system, playing a vital role in ensuring the stable development of the state. Its importance is manifested in the complex relationships between the state, economic entities and the population, where each participant performs unique functions in the management, distribution and use of financial re-

* **Plakida Kiril Sergeevich,** 2nd year master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University. E-mail: kirill.plakida@gmail.com

Scientific supervisor – **Khabibulin Alik Galimzyanovich**, head of the department of economic and financial investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, doctor of legal sciences, professor E-mail: 21alik@mail.ru

sources. The effective operation of this structure helps to strengthen the economy, encourages entrepreneurial initiative and improves the quality of life of citizens, which, in turn, contributes to stability and increases the level of trust in the government. However, in parallel with its benefits, it becomes the target of numerous crimes, often high-tech and complex.

Understanding the main directions of development of these crimes and the methods of their investigation becomes critically important for ensuring financial stability and law and order. Financial and credit crimes often represent complex situations that require specialized knowledge, for example, in the field of accounting, tax optimization and understanding of basic economic processes. In the absence of consultations with specialists, the law enforcement agency may miss key evidence, and the connections between different aspects of the case will remain undetected.

The information received by the investigator from the inquiry authorities is often insufficient to make a decision on initiating a criminal case and applying the appropriate measures. According to the principle of the presumption of innocence, the investigator has the right to refuse to initiate a case if the information provided is incomplete. However, this may create obstacles that could have been avoided.

Ensuring and strengthening Russia's economic security in the context of increasing sanctions pressure directly depends on the stability and reliability of the country's financial and credit system. Reliable functioning of this sphere creates favorable conditions for the development of production ties and trade, modernization of industry, renewal of fixed assets, as well as for the development of new goods and services [3].

Financial and credit crimes are criminal acts aimed at violating financial and credit relations regulated by law. These crimes include a wide range of illegal actions, among which are fraud, embezzlement, forgery, illegal receipt of loans, as well as abuse of authority by officials of financial institutions.

According to Russian criminal legislation, financial and credit crimes are regulated by a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, Art. 159 ("Fraud"), Art. 160 ("Misappropriation or embezzlement"), Art. 176 ("Illegal receipt of credit"), Art. 201 ("Abuse of authority"). These articles cover the main forms of crimes related to financial fraud and violations of credit relations [1].

The most common crimes in the financial and credit sphere include criminal acts committed by both individuals and legal entities interacting with financial and credit institutions, including banks and other credit organizations. The predominant violations in this area are crimes related to the process of issuing and receiving loans, when abuses are committed both by clients and within the organizations themselves.

The current situation is aggravated by the fact that such crimes are often accompanied by violations by employees of banking and credit institutions. Violations concern both failures to comply with established economic standards and requirements for ensuring the repayment of issued loans and compliance with other key lending conditions. In particular, in a number of cases there is no thorough analysis and comprehensive assessment of the financial and eco-

nomic activities of the borrower, which is critically important for determining the real sources of debt repayment. Insufficient elaboration of these aspects increases the risks of non-repayment of credit funds and creates the basis for the emergence of various fraud and abuse schemes [4].

In the current conditions, the need to develop and implement a modern methodology for investigating crimes aimed at theft or illegal use of bank credit funds is of particular importance. This is due to the fact that such crimes cause serious damage to the economic stability and financial security of the country. Effective methods for investigating this type of crime are in high demand among employees of preliminary investigation bodies, as they allow for the prompt identification and suppression of offenses in the credit and financial sphere. The development of new approaches to investigation helps to increase the level of crime detection, ensure the return of stolen funds, and strengthen trust in the banking system. In the context of the growth in the number of criminal schemes aimed at the illegal seizure of credit resources, the need to improve the methods of work of investigative bodies becomes obvious and urgent [5].

Financial and credit crimes can be classified according to various criteria. One of the key ones is the subject of the crime – an individual or a legal entity. Depending on this, the following groups of crimes can be distinguished.

– **Crimes committed by individuals**. These include fraud using loans (Article 159.1 of the Criminal Code), theft of someone else's property through deception or abuse of trust.

– **Crimes committed by officials**. This group includes abuse of power (Article 201 of the Criminal Code), official forgery (Article 292 of the Criminal Code), and crimes related to the illegal use of official position for financial gain.

– **Crimes committed by legal entities**. In this category, an important place is occupied by crimes related to the illegal activities of organizations in the financial and credit sphere. This may include illegal receipt of loans, tax evasion, fraud in the banking sector [1].

One of the reasons for the increase in crimes in the financial and credit sector is the rapid development of technology and the increasing complexity of financial transactions. Modern criminal schemes often include high-tech methods of deception, such as the use of counterfeit digital documents, hacking of banking systems and fraud using electronic payments. In the context of digitalization of financial processes, criminals are able to carry out their actions remotely, reducing the risk of being caught. This significantly complicates the work of law enforcement agencies, since it requires investigators to have deep knowledge of information technology and cyber security. Vulnerabilities in the banking and credit systems play a significant role in the increase in the level of criminal activity in this area. Insufficiently effective internal control mechanisms, as well as a weak emphasis on compliance with financial regulations and procedures related to lending, create favorable conditions for various types of abuse. In conditions where there is no proper monitoring and supervision of transactions occurring within financial and credit institutions, illegal activities may remain undetected for a long time. This leads to the fact that crimes are not only not prevented at an early stage, but also continue to spread, threatening the security of the entire system. The inability to promptly identify and suppress offenses increases the risk of

the emergence of increasingly complex criminal schemes, which significantly undermines confidence in financial institutions and threatens economic stability.

Law enforcement agencies are constantly improving their methods of combating economic crimes in the financial and credit sector. Digital technologies are increasingly being used, and the regulatory framework for combating economic offenses is becoming more effective. As a result of these efforts, in 2022, the damage from economic crimes in the financial and credit system of Russia decreased to 65 billion rubles, which amounted to 30.9% of the total material damage in all sectors of the economy [6].

However, it should be emphasized that at the current stage of development of household office equipment and industrial printing devices, criminals have the ability to produce counterfeit securities, banknotes and payment documents that are virtually indistinguishable from genuine ones. This significantly complicates the process of solving and investigating this type of crime. An additional difficulty is the fact that such crimes leave an extremely small number of traces by which the identity of the criminal can be established. In this regard, there is an increasing need for more active use of existing forensic techniques, as well as for the development of specialized technologies for detecting biological traces that will help to accurately identify the perpetrators [7].

One of the most important traces that allows you to establish the exact and unambiguous involvement of a specific person in the crime committed are fingerprints. However, it should be noted that detecting fingerprints on paper media, such as banknotes, financial documents, invoices and other payment papers, is associated with a number of difficulties. Firstly, this is due to the physical characteristics of paper, and secondly, to the insufficient development of forensic methods for identifying fingerprints on such media. The use of fingerprint powders, as a rule, does not give the desired results, especially if the processing is carried out a significant time after the appearance of the prints [2].

At the same time, the need to implement the latest technologies in the investigation of financial and credit crimes is becoming increasingly important. Modern forensic methods must not only take into account traditional methods of collecting evidence, such as fingerprints, but also use advanced digital tools that allow identifying criminals in the digital economy. Artificial intelligence, machine learning and big data analytics technologies play a key role in identifying complex financial fraud schemes. These technologies help automate the process of transaction analysis, identifying abnormal transactions that may indicate criminal activity.

One of the promising areas is the introduction of blockchain technologies in the financial sector, which will make transactions more transparent and protected from counterfeiting. Blockchain helps create immutable digital records, making it difficult to forge financial documents and other assets. In the future, widespread use of this technology can reduce the level of fraud in the credit sector, since each transaction will be recorded in a distributed database and will be available for verification.

In addition, the use of biometric data, such as fingerprints, retina, voice and other unique human parameters, is actively developing to improve the security of financial transactions. The use of biometrics in banking systems com-

plicates the task of criminals, since access to financial resources can only be obtained after successful biometric authentication. This is especially important in the context of combating fraud in remote transactions and online banking.

The development and implementation of these technologies require not only significant efforts on the part of financial institutions, but also close cooperation with law enforcement agencies. Cooperation in the field of cybersecurity, exchange of experience and joint research allow for faster adaptation to new challenges posed by digitalization. Modern investigation methods should include the use of software packages for monitoring and analyzing network activity in order to track suspicious actions and prevent cybercrimes in the credit and financial system.

Thus, combating financial and credit crimes in the context of rapid technological progress requires constant updating and improvement of approaches to investigation. The introduction of advanced technologies not only increases the efficiency of crime detection, but also creates new barriers for fraudsters, protecting the economic stability of the state.

Bibliographic list

1. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.11.2024) // www.consultant.ru

2. Volkov A.S. Application of digital technologies in the investigation of crimes in the economic sphere // IBR. 2018. No. 2 (31) // URL: https: // cyberleninka. ru/article/ n/primenenie-tsifrovyh-tehnologiy-v-hode-rassledovaniya-prestupleniy-v-ekonomicheskoy-sfere.

3. Grinberg R.S., Savchenko P.V. Russian socio-economic system: realities and vectors of development: monograph. Moscow: Infra-M, 2021. 596 p.

4. Ivanov D.A., Filatova I.V. Crimes committed in the financial and credit sphere when issuing loans as a threat to economic security // Road Safety. 2021. No. 3 / URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-v-finansovo-kreditnoy-sfere-pri-vydache-kreditov-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti

5. Ivanov D.A., Filatova I.V. Modern legislative structures for the decriminalization of crimes in the economic sphere when compensating for damage caused by criminal acts // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 2. P. 125–129.

6. Minakov A.V., Ivanova L.N. Analysis and assessment of economic crimes in the financial and credit sphere // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 5. – P. 258–265.

7. Firsov O.A., Volkov A.S. Features of detection and seizure of traces of biological origin in the disclosure and investigation of crimes // Bulletin of the Saratov State Social and Economic University. 2013. No. 5 (49). P. 165–167.

For citation: Plakida K.S. General characteristics of financial and credit crimes: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 222–226.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.217

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 343.9
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.227

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОМУ ПРОМЫШЛЕННОМУ ШПИОНАЖУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Р.З. Салванин*

Аннотация. В статье проводится анализ социально-опасного явления для современного предпринимательства – промышленного шпионажа. Исследуется понятийный аппарат и исторический генезис рассматриваемой категории, анализируются вариации незаконного доступа получения важной корпоративной информации. Ввиду того, что промышленный шпионаж несет негативных последствий, а его распространение подтверждается свежими статистическими данными, приводятся конкретные инструментарии правового и иного противодействия данному явлению.

Ключевые слова: промышленный шпионаж; конкурентная разведка; информационная безопасность; коммерческая тайна; недобросовестная конкуренция; корпоративная безопасность.

В условиях стремительного развития рыночной экономики в Российской Федерации возникает масса вызовов и угроз, противостояние которым является важнейшей государственной задачей. Эффективность предпринимательского сектора определяется законностью деятельности его участников, их стремлением идти «в ногу со временем» путем привнесения новых технологических достижений, масштабирования, а также наличием здоровой конкуренции. Говоря о последнем, стоит отметить, что в складывающейся практике масса проблем, одной из которых является промышленный шпионаж.

Обращение к понятийному аппарату промышленного шпионажа позволяет обнаружить в литературе несколько его определений. Так, согласно мнения Е.А. Враговой, промышленный шпионаж представляет собой добычу противозаконным путем конфиденциальных сведений о деятельности конкурентов, хищение сведений, ведение недобросовестной конкуренции, получение персональных данных для их использования в преступных целях [2, с. 60].

* **Салванин Роман Задаевич**, студент 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: salvanin_rz @internet.ru.

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

В свою очередь, А.А. Загребина и Е.А. Головкова отмечают, что промышленный шпионаж – это процесс получения информации, связанной с бизнесом, технологиями и планами развития у конкурентов или других фирм, а его конечной целью является получение выгоды и конкурентного преимущества [3, с. 3].

Обобщая представленные в науке определения промышленного шпионажа, можно отметить, что его сущность заключается в получении и использовании информации, составляющей коммерческую тайну. Получатель подобной информации преследует коммерческую или иную выгоду при осуществлении им предпринимательской деятельности.

История промышленного шпионажа уходит в далекое прошлое и, как правило, связывается с появлением купечества и частной торговли. В начале IX века недобросовестные торговцы пытались узнать вид привозимого конкурентами товара, его качественные и количественные характеристики. В последствии ими распространялись недостоверные сведения о происхождении данного товара, его завышенной стоимости среди потенциальных покупателей, в результате чего подрывалась репутация торговцев [4, с. 76].

Несмотря на очевидный противоправный характер подобной деятельности, спустя несколько столетий в некоторых государствах Европы промышленный шпионаж был узаконен. В частности, в конце XVIII века во Франции правительством был разработан декрет о поощрении заимствований зарубежных изобретений – «за всяким, кто первый привезет во Францию какое-либо иностранное новшество или промысел, либо аналог новейшего зарубежного изобретения закрепляются те же льготы, какими бы пользовался его изобретатель» [4, с. 77].

Широкое распространение промышленного шпионажа во всем мире произошло во время повсеместного развития компьютерных технологий и их интеграции в бизнес. Международной предпринимательской практике известна масса случаев недобросовестной конкуренции с использованием данного преступного механизма.

Так, всемирно известный производитель аксессуаров для бритья и ухода за телом Gillette столкнулся с беспрецедентным случаем промышленного шпионажа в 1997 году. Одним из граждан Соединенных Штатов Америки, сотрудником компании, сотрудничавшей с Gilette, была украдена информация о новой системе бритья. Технические чертежи были переданы конкурентам посредством электронной почты. По результатам расследования злоумышленник был обвинен в электронном мошенничестве и шпионаже и приговорен к 15 годам лишения свободы и внушительному денежному штрафу [5].

Другим примером может стать случай, когда промышленному шпионажу подверглась другая американская компания – в этот раз производитель фотоматериалов, оборудования, расходных материалов и программного обеспечения для офсетной печати Kodak. В 1992 году бывшим сотрудником была украдена информационная собственность компании и предпринята попытка её продажи конкурентам. Результатом преступных действий стало тюремное заключение сроком на 15 месяцев и штраф в размере 50 тыс. долларов [5].

Что касается отечественной практики, то следует отметить, что промышленный шпионаж в Российской Федерации так же отличается широким распространением. Так, в 2023 году существенным образом возросло количество утечек данных, содержащих коммерческую тайну из систем производственных организаций. Почти в половине случаев утечки информации из промышленных и иных производственных организаций целью злоумышленников является информация об особенностях производства или деятельности, которая должна быть надежно защищена [6].

Исследуя особенности промышленного шпионажа и опасности, которую он представляет, следует отметить его существенное отличие от иного схожего явления – конкурентной разведки. В случае с первым информация добывается противозаконными методами, как правило путем хищения. Во втором случае информация консолидируется абсолютно законно и получается из открытых источников.

Говоря о методах промышленного шпионажа, использующихся на сегодняшний день, следует отметить их массовость. Так, среди них особенно распространены: несанкционированный доступ к электронной информации; использование штатных сотрудников, похищающих информацию из компании; прослушивание телефонных переговоров; перехват электронных и почтовых отправлений; получение конфиденциальной информации о сотрудниках и иные.

Представляя серьезную опасность для отдельных субъектов предпринимательства, вопрос противодействия современному промышленному шпионажу стоит на повестке как у представителей бизнес-сообщества, так и у государства. В случае, если IT-компании уделяют большое внимание обеспечению собственной информационной безопасности и имеют достаточный ресурс для её реализации, то в случае с промышленными компаниями до сих пор приходится говорить о низком уровне информационной защиты. Ввиду того, что фокус последних направлен на производственные процессы, защита данных отходит на второй план.

Российским законодателем закреплены меры ответственность за причастность к промышленному шпионажу. В зависимости от тяжести преступления и наступивших последствий его виновнику могут быть применены меры уголовной ответственности. Так, согласно ч.1 ст. 183 УК РФ собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну путем похищения документов, обмана шантажа, принуждения, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом наказывается штрафом до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до одного года, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок [1]. Стоит отметить, что величина штрафа и срок отбывания наказания может быть существенно увеличены в том случае, если ущерб от незаконной деятельности повлек тяжелые последствия.

Среди теоретиков отмечается, что предлагаемые государством меры ответственности за совершение преступлений подобного толка отличаются недостаточностью. Более того, представители предпринимательства отме-

чают, что утечки коммерческой тайны могут обернуться настоящим «кошмаром для бизнеса», в том числе серьезные репутационные и иные потери. В этой связи крайне важно более детально проработать вопрос уголовной и иной ответственности за совершение подобных деяний, в том числе посредством увеличения штрафных санкций и лишением свободы на больший срок.

Противодействие промышленному шпионажу на уровне конкретной компании должно производиться на основании базовых рекомендаций, пренебрежение которыми может повлечь неблагоприятные последствия. Среди таковых следует выделить:

– необходимость разработки и принятия четкого и последовательного регламента работы с защищенной информацией. Руководству компании крайне важно обеспечить обработку, хранение и передачу важной информации по строгим правилам для исключения возможных утечек;

– ограничение доступа к важной информации. Регламентированная система доступа и определение ограниченного круга лиц позволит не допустить передачу информации третьим лицам;

– проведение эффективной кадровой политики;

– регулярный информационный мониторинг и всестороннее обеспечение информационной безопасности;

– и иные [7].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что промышленный шпионаж на сегодняшний день приобретает новые формы, борьба с которыми существенно усложняется. В этой связи крайне важно проведение комплекса организационно-правовых и технических мер, позволяющих сохранить коммерческую тайну и не допустить её разглашения. Безусловно, существующие отечественные механизмы противодействия промышленному шпионажу нуждаются в совершенствовании для того, чтобы эффективно бороться с растущими угрозами и видоизменяющейся природой преступлений.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) //www.consultant.ru

2. *Врагова Е.А.* Промышленный шпионаж и конкурентная разведка: сравнительный анализ используемых методов // Актуальные исследования. – 2022. – № 41 (120). – С. 60–66.

3. *Загребина А.А., Головкова Е.А.* Промышленный шпионаж в коммерческой сфере // Вектор экономики. – 2023. – № 5 (83) // www.vectoreconomy.ru

4. *Каболов А.И.* Промышленный шпионаж и конкурентная разведка в деятельности предприятия // Актуальные вопросы экономических наук. – 2014. – № 39. – С. 76–84.

5. Пять известных случаев промышленного шпионажа // Хабр. //URL: https://habr.com/ru/articles/525780/ (дата обращения 07.10.2024).

6. Хакеры переключились с краж персональных данных на промышленные ноу-хау // Ведомости //URL: https: //www.vedomosti.ru/technology/ articles/ 2024/ 05/ 31/ 1040656-hakeri-pereklyuchilis-s-krazh-personalnih-dannih-na-promishlennie-nou-hau

7. Промышленный шпионаж // Solar // URL: https://rt-solar.ru/ products/solar_dozor/blog/3265/

Для цитирования: *Салванин Р.З.* Актуальные проблемы правового механизма противодействия современному промышленному шпионажу: теория и практика: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 3 (135). – С. 227–231.
DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.227

ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGAL MECHANISM FOR COUNTERACTING MODERN INDUSTRIAL ESPIONAGE: THEORY AND PRACTICE

R.Z. Salvanin*

Annotation. The article analyzes a socially dangerous phenomenon for modern entrepreneurship – industrial espionage. The conceptual apparatus and historical genesis of the category under consideration are studied, variations of illegal access to important corporate information are analyzed. Considering that industrial espionage has negative consequences, and its distribution is confirmed by recent statistics, specific instruments of legal and other counteraction to this phenomenon are provided.
Keywords: industrial espionage; competitive intelligence; information security; commercial secret; unfair competition; corporate security.

In the context of the rapid development of the market economy in the Russian Federation, a lot of challenges and threats arise, countering which is the most important state task. The effectiveness of the business sector is determined by the legality of the activities of its participants, their desire to keep up with the times by introducing new technological achievements, scaling, as well as the presence of healthy competition. Speaking about the latter, it is worth noting that in the emerging practice there are a lot of problems, one of which is industrial espionage.

An appeal to the conceptual apparatus of industrial espionage allows us to find several of its definitions in the literature. Thus, according to the opinion of E.A. Vragova, industrial espionage is the illegal acquisition of confidential information about the activities of competitors, theft of information, unfair competition, obtaining personal data for their use for criminal purposes [2, p. 60].

In turn, A.A. Zagrebina and E.A. Golovkova notes that industrial espionage is the process of obtaining information related to business, technology and development plans from competitors or other firms, and its ultimate goal is to obtain benefits and a competitive advantage [3, p. 3].

Summarizing the definitions of industrial espionage presented in science, it can be noted that its essence lies in obtaining and using information that constitutes a commercial secret. The recipient of such information pur-

* **Salvanin Roman Zadaevich,** 2nd year master's student of the Higher School of Public Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University. E-mail: salvanin_rz@internet.ru.
Scientific supervisor – **Alik Galimzyanovich Khabibulin**, head of the department of economic and financial investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University, doctor of law, professor. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

sues commercial or other benefits in the implementation of entrepreneurial activities.

The history of industrial espionage goes back to the distant past and, as a rule, is associated with the emergence of merchants and private trade. At the beginning of the 9th century, unscrupulous traders tried to find out the type of goods brought by competitors, their qualitative and quantitative characteristics. Subsequently, they disseminated false information about the origin of this product, its inflated cost among potential buyers, as a result of which the reputation of merchants was undermined [4, p. 76].

Despite the obvious illegal nature of such activity, several centuries later industrial espionage was legalized in some European countries. In particular, at the end of the 18th century, the French government developed a decree to encourage the borrowing of foreign inventions: “the same privileges that the inventor would have enjoyed are assigned to anyone who first brings to France any foreign innovation or industry, or an analogue of the latest foreign invention” [4, p. 77].

Industrial espionage became widespread throughout the world during the widespread development of computer technologies and their integration into business. International business practice is aware of many cases of unfair competition using this criminal mechanism.

Thus, the world-famous manufacturer of shaving and body care accessories Gillette faced an unprecedented case of industrial espionage in 1997. One of the citizens of the United States of America, an employee of a company cooperating with Gilette, stole information about a new shaving system. Technical drawings were transferred to competitors via e-mail. As a result of the investigation, the offender was accused of electronic fraud and espionage and sentenced to 15 years in prison and an impressive fine [5]. Another example can be the case when another American company was subjected to industrial espionage – this time the manufacturer of photographic materials, equipment, consumables and software for offset printing Kodak. In 1992, a former employee stole the company's information property and attempted to sell it to competitors. The result of the criminal actions was a prison sentence of 15 months and a fine of 50 thousand dollars [5].

As for domestic practice, it should be noted that industrial espionage in the Russian Federation is also widespread. Thus, in 2023, the number of data leaks containing commercial secrets from the systems of manufacturing organizations increased significantly. In almost half of the cases of information leaks from industrial and other manufacturing organizations, the intruders' goal is information about the features of production or activities that must be reliably protected [6].

When examining the features of industrial espionage and the dangers it poses, it should be noted that it differs significantly from another similar phenomenon – competitive intelligence. In the case of the former, information is obtained by illegal methods, usually through theft. In the latter case, information is consolidated absolutely legally and obtained from open sources.

Speaking about the methods of industrial espionage used today, it is necessary to note their mass character. Thus, among them the following are

especially widespread: unauthorized access to electronic information; use of full-time employees stealing information from the company; wiretapping; interception of electronic and postal items; obtaining confidential information about employees and others.

Representing a serious danger for individual business entities, the issue of counteracting modern industrial espionage is on the agenda of both representatives of the business community and the state. If IT companies pay great attention to ensuring their own information security and have sufficient resources for its implementation, then in the case of industrial companies we still have to talk about a low level of information protection. Due to the fact that the focus of the latter is on production processes, data protection fades into the background.

The Russian legislator has established measures of responsibility for involvement in industrial espionage. Depending on the severity of the crime and the consequences that have occurred, the perpetrator may be subject to criminal liability. Thus, according to Part 1 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation, the collection of information constituting a commercial, tax or banking secret by stealing documents, deception, blackmail, coercion, bribery or threats, as well as by other illegal means is punishable by a fine of up to 500 thousand rubles or in the amount of the wages or other income of the convicted person for a period of up to one year, or correctional labor for up to one year, or forced labor for up to two years, or imprisonment for the same term [1]. It is worth noting that the amount of the fine and the term of punishment may be significantly increased if the damage from the illegal activity entailed serious consequences.

Theorists note that the measures of liability proposed by the state for committing crimes of this kind are insufficient. Moreover, business representatives note that leaks of commercial secrets can turn into a real "nightmare for business", including serious reputational and other losses. In this regard, it is extremely important to work out in more detail the issue of criminal and other liability for committing such acts, including by increasing fines and imprisonment for a longer period.

Counteraction to industrial espionage at the level of a specific company should be carried out on the basis of basic recommendations, neglect of which can lead to adverse consequences. Among them, the following should be highlighted:

– the need to develop and adopt clear and consistent regulations for working with protected information. It is extremely important for the company's management to ensure the processing, storage and transfer of important information according to strict rules to exclude possible leaks;

– restriction of access to important information. A regulated access system and the definition of a limited circle of people will prevent the transfer of information to third parties; implementation of an effective personnel policy;

– regular information monitoring and comprehensive provision of information security;

– and others [7].

To summarize the above, it should be noted that industrial espionage is currently taking on new forms, the fight against which is becoming significant-

ly more complicated. In this regard, it is extremely important to implement a set of organizational, legal and technical measures that allow preserving commercial secrets and preventing their disclosure. Of course, existing domestic mechanisms for counteracting industrial espionage need to be improved in order to effectively combat the growing threats and changing nature of crimes.

Bibliographic list

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 14.02.2024) //www.consultant.ru

2. Vragova E.A. Industrial espionage and competitive intelligence: a comparative analysis of the methods used // Current research. 2022. No. 41 (120). P. 60–66.

3. Zagrebina A.A., Golovkova E.A. Industrial espionage in the commercial sphere // Vector of Economics. 2023. No. 5 (83) // www.vectoreconomy.ru

4. Kabolov A.I. Industrial espionage and competitive intelligence in the activities of an enterprise // Current issues of economic sciences. 2014. No. 39. P. 76–84.

5. Five famous cases of industrial espionage // Habr. //URL: https:// habr.com/ru/articles/525780/ (date of access 07.10.2024).

6. Hackers have switched from stealing personal data to industrial know-how // Vedomosti //URL: https: //www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/05/31/1040656-hakeri-pereklyuchilis-s-krazh-personalnih-dannih-na-promishlennie-nou-hau

7. Industrial espionage // Solar // URL: https://rt-solar.ru/prod-ucts/solar_dozor/blog/3265/

For citation: Salvanin R.Z. Actual problems of the legal mechanism for counteracting modern industrial espionage: theory and practice: article // Yuridicheskaya mysl. 2024. No. 3 (135). P. 231–234.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.135.3.227

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре.** Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов; – **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и по его желанию лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте **(в отпечатанном виде)** и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House "Law Institute" (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author),** indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers; – **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)** – **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- гражданско-правовая;
- государственно-правовая;
- международно-правовая;
- уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***диплом государственного образца о высшем образовании***

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ
Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим (неюридическим) образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ
по научным специальностям:

5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
5.1.2.– Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08
Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru
Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: http://lawinst-spb.ru/magazine
http://matgip.ru
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 27.06.2024. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 16,79. Усл. п.л. 28,85. Тираж 100 экз. Заказ № 43881.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru